F 101/589

F 101/589

„ЗА БОГОМЪ МОЛИТВА"
„ЗА ЦАРЕМЪ СЛУЖБА"
НЕ ПРОПАДАЕТЪ

Боевой Дневникъ
унтеръ-офицера
изъ Русско-Японской войны

и Высокомилостивое
Личное награжденіе его
Его Императорскимъ
Величествомъ
Государемъ Императоромъ

Составилъ и обработалъ
Причисленный къ Генеральному Штабу
капитанъ В. А. Мирный.

2020046435

Ф 109
5 59.

„За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ".

БОЕВОЙ ДНЕВНИКЪ

ГЕРОЯ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРА

9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка

изъ Русско-Японской войны 1904—1905 г.г.

и

ВЫСОКОМИЛОСТИВОЕ, ЛИЧНОЕ

НАГРАЖДЕНІЕ ЕГО

Его Императорскимъ Величествомъ

ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ.

Съ портретами **Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича,** тремя портретами награжденія **Государемъ Императоромъ** Георгіевскими крестами; героя ротнаго командира, героя-унтеръ-офицера и многими другими иллюстраціями и схемами.

Составилъ и издалъ причисленный къ Генеральному Штабу
Капитанъ Мирный.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-10186
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Москва.
Штабъ 1-го Лейбъ-Гренадерскаго Екатеринославскаго **Императора**
АЛЕКСАНДРА II полка.
1912 годъ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

Самодержецъ Всероссійскій.

Съ фотографіи Двора Его Величества Ганнъ и К°.

Приношу свою глубокую благодарность 1-му Лейбъ-Гренадерскому Екатеринославскому **Императора Александра II** полку и 9-му Сибирскому стрѣлковому полку, оказавшимъ мнѣ моральную и матеріальную поддержку въ дѣлѣ изданія настоящей книги.

Составитель.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.

Съ фотографіи Басонъ и Эглеръ.

2

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Рѣдкое счастье выпало на долю подпрапорщика 2-й роты 1-го Лейбъ-Гренадерскаго Екатеринославскаго **Императора Александра II** полка, бывшаго старшаго унтеръ-офицера 5-й роты 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Димитрія Гавриловича Шепеля: 12 августа 1911 года въ Тайцахъ Петербургской губерніи, Петербургскаго уѣзда Самъ Великій Нашъ **Государь Императоръ** изволилъ его поцѣловать и Собственноручно прикрѣпить на его боевую грудь Георгіевскіе кресты 1-й и 2-й степеней за подвиги, совершенные имъ въ русско-японскую войну 17 и 18 августа 1904 года и въ ночь съ 10 на 11 апрѣля 1905 года.

Какъ очевидецъ награжденія подпрапорщика Шепеля, и какъ его ротный командиръ, я счелъ своимъ святымъ долгомъ описать подвиги подпрапорщика Шепеля и этой небольшой книжкой возвѣстить нашему дорогому, русскому народу и горячо любимому русскому воинству о такой Высочайшей наградѣ, содѣянной **Лично Его Величествомъ Государемъ Императоромъ**.

Вотъ, когда мы по истинѣ можемъ сказать, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ, какъ не пропали онѣ для подпрапорщика Шепеля; вѣдь, со дня его перваго отличія до дня его награжденія **Государемъ Императоромъ** прошло безъ пяти дней семь лѣтъ.

Постараюсь правдиво описать все, какъ было, сохранивъ стиль подпрапорщика Шепеля.

Въ описаніи подвиговъ подпрапорщика Шепеля буду придерживаться его собственнаго скромнаго дневника, по счастью сохранившагося, написаннаго тутъ же въ Маньчжуріи, на боевыхъ ея позиціяхъ, когда еще самъ подпрапорщикъ Шепель не зналъ, какія онъ совершаетъ отличія и какая его ждетъ долгая, но высокая награда.

Поэтому этотъ дневникъ, повторяю, написанный семь лѣтъ тому назадъ, чуждъ какихъ бы то ни было прикрасъ и корыстныхъ восхваленій. Въ этомъ дневникѣ, чисто по-солдатски, описаны дѣйствія 5-й роты 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, въ которой Шепель служилъ на войнѣ.

Нужно удивляться той наблюдательности, съ которой нашъ русскій солдатъ, стрѣлокъ Шепель, относился ко всему, что происходило на войнѣ. Здѣсь мы найдемъ и тактику пѣхоты и артиллеріи, и связь пѣхоты съ артиллеріей, и самое главное—доблесть русскаго офицера штабсъ-капитана **Борейши** и отношеніе къ нему нашего русскаго солдата; изъ него же мы узнаемъ, какъ русскій солдатъ понималъ бои и какъ онъ относился къ нашимъ пораженіямъ. Безспорно въ этомъ дневникѣ много полезнаго, какъ для настоящаго, такъ и для будущаго.

Я беру изъ этого цѣннаго дневника только то, что относится до боевыхъ дѣйствій и съ особой тщательностью тѣ именно мѣста его, гдѣ описаны подвиги какъ штабсъ-капитана **Борейши**, такъ и подпрапорщика Шепеля. О первомъ подвигѣ подпрапорщика Шепеля имѣются самыя точныя указанія въ реляціи Ляоянскаго боя бывшаго начальника 6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, Генералъ-Маіора **Данилова**, нынѣ Генералъ-Адъютанта, Командира Гвардейскаго корпуса. Реляцію эту я привожу въ текстѣ этой книжки. Кромѣ того, объ этомъ же подвигѣ есть указанія съ наименованіемъ фамиліи подпрапорщика Шепеля въ оффиціальномъ описаніи русско-японской войны 1904 – 1905 г. военно-исторической комиссіей [1]). О второмъ подвигѣ подпрапорщика Шепеля имѣются указанія въ архивныхъ дѣлахъ 9-го сибирскаго стрѣлковаго полка (бывшаго восточно-сибирскаго).

Дневникъ подпрапорщика Шепеля въ настоящее время дополненъ правдивыми его разсказами и письмомъ бывшаго ротнаго командира въ Ляоянскомъ бою капитана Борейши. Многія названія деревень и числа возстановлены по оффиціальному описанію русско-японской войны военно-исторической комиссіей.

Пусть подвиги подпрапорщика Шепеля послужатъ

---

[1]) Томъ 3-й, стр. 70.

намъ еще разъ лишнимъ доказательствомъ, что у русскаго солдата и офицера до сихъ поръ течетъ кровь и бьется сердце Суворовскаго Чудо-Богатыря, жаждущаго побѣдъ, и что есть на свѣтѣ милость **Царя**.

Честь и хвала тѣмъ ротамъ и полкамъ, которые воспитали такого молодца героя, стрѣлка Шепеля.

Троекратный поцѣлуй **Государя Императора**, которымъ награжденъ подпрапорщикъ Шепель, превыше всѣхъ существующихъ наградъ. Онъ какъ бы пятый Георгіевскій крестъ, котораго въ жизни не существуетъ. (Георгіевскихъ крестовъ всѣхъ четыре степени).

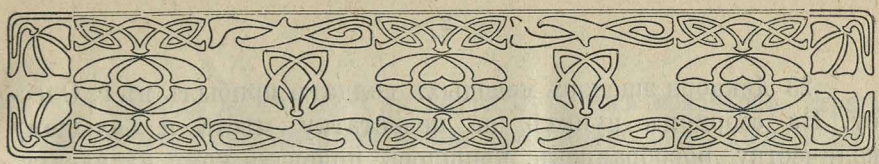
Этотъ **Высокомилостивый, Высочайшій поцѣлуй данъ Государемъ Императоромъ** не только одному подпрапорщику Шепелю, но всей нашей доблестной арміи, сражавшейся въ Маньчжуріи.

Кто сомнѣвается въ томъ, что наша армія дралась съ японцами самоотверженно, храбро, тотъ пусть прочтетъ эту книжку и узнаетъ изъ нея, что какъ генералы, такъ офицеры и солдаты сражались въ Маньчжуріи беззавѣтными героями и умирали безъ страха и упрека за **Царя и Русь Святую**.

Подпрапорщикъ Шепель.

12-го августа 1911 года.

3



Происхожденіе подпрапорщика Шепеля.

Подпрапорщикъ Дмитрій Гавриловичъ Шепель происходитъ изъ бѣдной крестьянской семьи Полтавской губерніи, Прилукскаго уѣзда, Иваницкой волости, села Ржавецъ. Родился 24 Октября 1878 года. До службы занимался хлѣбопашествомъ. Окончилъ Земское народное училище съ трехлѣтнимъ курсомъ. Въ 1900 году онъ былъ призванъ на военную службу и назначенъ на службу въ Портъ-Артуръ.

Далекое это назначеніе не огорчало молодого Шепеля. Онъ радовался, что увидитъ больше свѣта и послужитъ Царю-Батюшкѣ на далекой его окраинѣ.

22 Ноября всѣхъ новобранцевъ, назначенныхъ на Дальній Востокъ, отправили по желѣзной дорогѣ изъ г. Прилукъ въ гор. Полтаву. Въ вагонахъ было холодно; на дворѣ стоялъ 22 градусный морозъ, но нужно было его терпѣть, такъ какъ ужъ теперь начиналась для Шепеля военная служба, для которой, какъ онъ разсуждалъ, холодъ и голодъ должны быть ни по чемъ.

По прибытіи въ Полтаву, его вмѣстѣ съ другими новобранцами прикомандировали **къ 10-й ротѣ 36-го пѣх. Орловскаго полка.** Здѣсь, какъ онъ пишетъ, „былъ не холодъ, а жара отъ ученья". Да это было и понятно,—нужно было въ самый непродолжительный срокъ обучить новобранцевъ военному строю и послать ихъ въ Портъ-Артуръ не мужичками, а настоящими солдатами.

Но вотъ ученье закончилось, и послѣ инспекторскаго смотра, 18-го декабря, будущихъ портъ-артурцевъ въ вагонахъ-теплушкахъ отправили въ гор. Одессу для отправки моремъ въ Портъ-Артуръ.

Жаль было оставлять Шепелю 10-ю роту и весь Орловскій полкъ, онъ уже привыкъ и полюбилъ ихъ. Но видно не судьба его была служить въ этомъ полку. Но память о немъ у него жива до сихъ поръ.

23 Декабря эшелонъ молодыхъ солдатъ прибылъ въ г. Одессу. На сборномъ пунктѣ, по недостатку мѣста и большому количеству новобранцевъ, пришлось ночевать кому на нарахъ, кому подъ нарами. Шепелю, какъ онъ говоритъ, „на послѣднемъ мѣстѣ".

На сборномъ пунктѣ новобранцы провели дорогой праздникъ Рождества Христова и еще сильнѣе вспомнили родныя села, родныя семьи. Но дѣлать было нечего... начиналась военная служба.

2-го Января 1901 года всѣхъ молодыхъ солдатъ, предназначенныхъ на Дальній Востокъ, отправили на пароходѣ Добровольнаго флота „Саратовъ" въ Портъ-Артуръ. Въ 10 час. вечера пароходъ снялся съ якоря, и каждый молодой солдатъ перекрестился и сказалъ: „Съ Богомъ въ Портъ-Артуръ, на Дальній Востокъ".

(Далѣе я буду придерживаться возможно ближе къ дневнику Шепеля и поэтому пишу въ первомъ лицѣ.)

Несмотря на то, что путь намъ предстоялъ большой и, можетъ быть, опасный, но мы были всѣ рады, что мы, какъ птицы небесныя изъ клѣтки, вырвались со сборнаго пункта.

Войдя въ трюмъ, я помѣстился на койкѣ, и мнѣ показалось очень хорошо. Пароходъ слегка убаюкивалъ меня и скоро я, какъ маленькій ребенокъ въ люлькѣ, уснулъ.

Но, ночью я проснулся и почувствовалъ себя, какъ будто бы пьянъ. Съ трудомъ я вышелъ на палубу и, подышавъ свѣжимъ воздухомъ, почувствовалъ себя много легче. Смѣялись надо мною матросы и говорили, что такое пьянство и съ ними раньше бывало, когда они еще не были привычны къ морской качкѣ.

Относительно устройства на пароходѣ помѣщеній для солдатъ плохого нельзя сказать ничего.

3-го Января мы прибыли въ турецкій гор. Константинополь и стали на якорь. Во время морского путешествія я увидѣлъ много новаго въ моей жизни: во-первыхъ, страшныхъ морскихъ рыбъ, а во-вторыхъ, людей, о которыхъ не имѣлъ до этого времени понятія. Простоявъ въ Константинополѣ нѣсколько часовъ, мы тронулись въ путь. Черезъ восемь дней мы прибыли въ городъ Портъ-Саидъ. Городъ этотъ мнѣ страшно понравился, такъ какъ все въ немъ было дешево и климатъ былъ отличный. Нагрузивъ угля и съѣстныхъ припасовъ, 12-го января, мы снялись съ якоря. 20-го мы прибыли въ г. Коломбо. 21-го мы снова тронулись въ путь.

Отсюда до города Сингапура путь мнѣ показался страшно труднымъ: отъ страшной жары невозможно было ходить по палубѣ, а въ трюмѣ было еще жарче. Тягость наша скоро была облегчена купальней, устроенной на палубѣ,—можно было купаться днемъ и ночью. Спать въ эти дни почти не пришлось: въ трюмѣ стояла страшная жара, а палубу заливало волной.

Но, вотъ, мы и въ г. Сингапурѣ. Здѣсь меня поразилъ климатъ. Несмотря на то, что былъ февраль мѣсяцъ, здѣсь стояла невыносимая жара. Цвѣты, травы, фрукты были такіе, какъ у насъ въ маѣ или въ іюлѣ. Населеніе города всѣхъ націй: русскіе, англичане, турки, арабы, китайцы, индусы и многіе другіе.

Но, вотъ, мы и отсюда снялись съ якоря и тронулись въ дальнѣйшій путь.

На второй день уже началась другая жизнь: страшную жару смѣнилъ сильный холодъ. Чтобы выйти на палубу, нужно было одѣться въ шинель. Волны по временамъ сильно заливали палубу. Трюмы парохода были закрыты.

Въ такомъ путешествіи прошло 12 сутокъ. Наконецъ, мы достигли своей цѣли путешествія: нашъ пароходъ сталъ на якорь на рейдѣ въ городѣ Портъ-Артурѣ.

18 февраля насъ высадили на берегъ. Здѣсь каждый изъ насъ перекрестился и, поблагодаривъ матросовъ за гостепріимство, расчиталъ, что онъ 45 дней провелъ въ морѣ.

Въ городѣ Портъ-Артурѣ насъ помѣстили въ баракахъ, гдѣ мы простояли трое сутокъ.

22 февраля Генералъ **Стессель** разбилъ насъ по полкамъ. Я попалъ на службу **въ 9-й Восточный-Сибирскій Стрѣлковый полкъ.** Придя въ казармы 9-го полка, я узналъ, что полка въ городѣ нѣтъ: онъ былъ посланъ для усмиренія хунхузовъ въ гор. Инкоу. На другой день насъ разбили по ротамъ и я *попалъ въ 4-ю роту.* Черезъ день прибыли учителя молодыхъ солдатъ. Учитель мнѣ попался младшій унтеръ-офицеръ Шулдяковъ, Тульской губерніи, хорошій, но строгій. Г.г. офицеры были въ походѣ и занятія велись одними учителями. Вотъ, съ этого времени и началась настоящая служба...

Шульдяковъ сразу меня обратилъ въ другой видъ и внушилъ, что значитъ доблестный Восточно-Сибирскій стрѣлокъ. Я понялъ и сталъ гордиться своимъ званіемъ, но думалъ: „стрѣ-стрѣлокъ, то стрѣлокъ, а какъ то я буду стрѣлять. Нужно стараться.“

За недѣлю до Пасхи полкъ вернулся въ г. Портъ-Артуръ и намъ стало легче.

Прошла Пасха.

27 Апрѣля полкъ нашъ выступилъ въ лагерь, для меня первый.

13-го Мая, насъ молодыхъ солдатъ, привели къ присягѣ и послѣ нея мы уже стали старыми солдатами. Все какъ будто бы лучше.

Старые солдаты уже начинали говорить, что скоро мы пойдемъ въ походъ, а куда неизвѣстно.

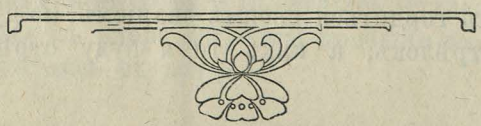
Но скоро солдатская молва оправдалась. 14-го мая съ утра намъ выдали боевую аммуницію и по 150 боевыхъ патроновъ, а въ два часа дня скомандовали „одѣваться!" Началъ и я одѣваться, но какъ было надѣть на себя всю боевую аммуницію, я не зналъ; только благодаря отдѣленному начальнику я съ горемъ пополамъ одѣлся и сейчасъ же почувствовалъ себя, съ непривычки, какъ бы связаннымъ въ груди.

Скоро мы узнали, что идемъ въ отрядъ Генерала Церпицкаго на усмиреніе хунхузовъ. Въ 6 часовъ вечера насъ посадили въ вагоны. 16-го мая около 12-ти часовъ ночи мы прибыли въ Мукденъ. Утромъ около восьми часовъ походнымъ порядкомъ мы двинулись къ гор. Мукдену. Всѣ мы стремились скорѣе встрѣтиться съ врагомъ.

Но, на походѣ вышло нѣсколько иное: мы, молодые солдаты, еще не бывавшіе въ походахъ при полной аммуниціи и при страшной жарѣ, еле-еле доплелись до мѣста, хотя разстояніе было всего 20 верстъ. Потомъ мы проходили и по 60 верстъ въ сутки, да еще съ боемъ, и такъ не уставали. Что значитъ не было привычки къ походамъ!

На походѣ солдаты шли не по-ротно, а по-одиночкѣ. Я шелъ, мечтая о тяжелой военной жизни. Но, вотъ, меня остановилъ унтеръ-офицеръ **Ананьчевъ** и приказалъ сѣсть съ нимъ и отдохнуть. Я сѣлъ. Тутъ онъ досталъ изъ мѣшка десятокъ яицъ и половину бѣлаго хлѣба. И откуда у него все это взялось, диву даешься. Не даромъ же онъ унтеръ-офицеръ!

Мы закусили и пошли вдвоемъ впередъ на бивакъ. Здѣсь уже люди подтянулись и начали ставить палатки. Два дня дали намъ отдохнуть, а послѣ отдыха, вмѣсто боя съ врагомъ.... начались знакомыя уже намъ строевыя занятія.



Походъ противъ хунхузовъ.

30 мая 1, 4 и 6 ротамъ приказано было изъ Мукдена двинуться въ походъ для сопровожденія транспорта въ отрядъ Генерала Церпицкаго, который находился отъ г. Мукдена болѣе, чѣмъ въ двухстахъ верстахъ. Мы съ радостью двинулись въ походъ, надоѣло намъ стоять въ этой китайской грязной столицѣ Мукденѣ.

Походъ былъ вначалѣ легкій, но, когда пошли сильныепроливные дожди на протяженіи двухъ недѣль, а, можетъ быть, и много больше, то на нашу долю выпало не мало горя и ,,такое положеніе, что мы всѣ безъ исключенія, остались безъ сапогъ".

Китайцамъ тоже было не легче. Они переживали тяжелыя минуты: хунхузы, которыхъ мы преслѣдовали, грабили ихъ, брали отъ нихъ лошадей, скотъ, мужчинъ, способныхъ носить оружіе, и даже женщинъ; хозяйство жгли.

Такую то картину намъ приходилось видѣть ежедневно. На походѣ все время мы спрашивали китайцевъ: гдѣ же хунхузы, далеко ли они?

Но бѣдные китайцы сами того не знали, а если и знали, то боялись намъ сказать, такъ какъ хунхузы могли притти къ нимъ послѣ насъ и ихъ разорить.

Скоро мы дѣйствительно увидѣли нѣсколько сотъ хунхузовъ. Они были такіе же, какъ и всѣ китайцы, но вооруженные оружіемъ разнаго калибра. Было и такое оружіе, что его носило два человѣка и стрѣляло изъ него тоже два человѣка. Хунхузы, завидѣвъ насъ, исчезли, какъ вѣтеръ въ полѣ.

На другой день Генералъ **Церпицскій** встрѣтилъ насъ и, поблагодаривъ за нашу службу, сказалъ ,,что походъ вашъ и задача ваша окончены, теперь вы пойдете на свои квартиры",

Окончаніемъ похода мы были недовольны: мы желали скорѣе сразиться съ врагомъ, жаждали побѣдъ и Георгіевскихъ крестовъ, о которыхъ мы слышали со всѣхъ сторонъ.

За два мѣсяца похода мы перенесли много горя, много лишеній и трудовъ, но въ концѣ концовъ мы, строго говоря, и не видѣли врага.

Грустно, но что же дѣлать, нужно было теперь возвращаться опять въ гор. Мукденъ.

Только во время русско-японской войны мы узнали, что побѣды и отличія надъ хунхузами далеко не были похожи на сраженія съ японцами, поэтому и не жалѣли, что намъ не пришлось сражаться съ хунхузами... Но все-же мы хотя и не были въ бою, но намъ выдали медали за походъ въ Китаѣ въ 1900—1901 годахъ.

Служба въ мирное время.

6 августа нашъ полкъ собрался въ гор. Мукденѣ. Отсюда

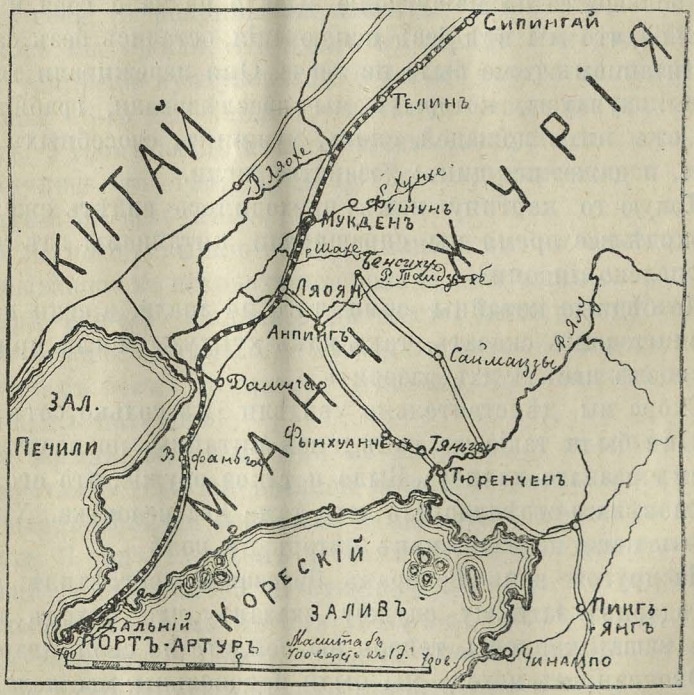


Схема № 1.

мы должны были возвратиться въ Портъ-Артуръ. Но вслѣдствіе сильныхъ дождей, желѣзная дорога мѣстами была размыта и намъ пришлось выжидать, пока ее исправили.

23 августа мы выѣхали изъ Мукдена. 28 прибыли въ Портъ-

Артуръ, въ свой родной лагерь. Здѣсь мы простояли до 15 сентября, а потомъ ушли на маневры въ гор. Киньжоу. Отъ Киньжоу мы наступали на Портъ-Артуръ, не предполагая тогда, что скоро то же самое будутъ дѣлать и японцы, но ужъ не маневромъ, а настоящей войной.

11 октября маневры окончились, и мы стали на зимнія квартиры.

14 октября приказомъ по полку я былъ назначенъ въ полковую учебную команду и опять для меня началась новая жизнь. Жизнь тяжелая и трудная. Вначалѣ я учился плохо, но когда начальникъ учебной команды, **штабсъ-капитанъ Бачинскій**, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ, я началъ учиться лучше.

27 апрѣля 1902 года, какъ видно изъ приказа по 3 Вост.-Сиб. Стр. бригадѣ, я выдержалъ экзаменъ по первому разряду, за что генераломъ Стесселемъ, лично, былъ поздравленъ званіемъ ефрейтора, а отъ полка получилъ серебряные часы съ надписью *„Ефрейтору Шепелю отъ 9 В. С. С. полка. 1902 годъ“*.

Теперь служба для меня пошла много легче, но не надолго. Прошла одна недѣля и меня произвели въ младшіе унтеръ-офицеры и дали въ командованіе взводъ. Въ этомъ же году мнѣ посчастливилось и я выбилъ на призовой стрѣльбѣ часы. Черезъ годъ меня произвели въ старшіе унтеръ-офицеры и назначили исполнять обязанность старшаго обучающаго молодыхъ солдатъ.

Однажды подъ праздникъ фельдфебель назначилъ меня дежурнымъ по ротѣ; я съ горя и съ тоски выпилъ съ товарищемъ бутылочку Петра Смирнова. Фельдфебель узналъ и за это мой командиръ роты, **капитанъ Скуратовъ**, посадилъ меня на пять сутокъ подъ арестъ. Но, къ моему счастью, была назначена смотровая стрѣльба и ротный командиръ освободилъ меня изъ подъ ареста. Стрѣльба была удачная: мой взводъ въ обрѣзныя мишени на 400 шаговъ выбилъ 18% сверхъ отличнаго. За это опять полкъ наградилъ меня серебряными часами съ надписью: *„За отличную стрѣльбу“*. Такимъ образомъ отъ полка я получилъ трое часовъ [1]).

Служба моя теперь идетъ слава Богу хорошо. Больше не пью. Но вотъ приказъ: назначить одну роту отъ полка для сформированія 9 Восточно-Сибирской Стрѣлковой бригады. Отъ нашего полка по жеребью назначили 5 роту, а въ нашемъ полку сформировали взамѣнъ ея новую 5-ю роту, назначивъ по же-

---

[1]) Изъ нихъ двое часовъ, оставленные въ Портъ-Артурѣ по выходѣ изъ него на войну, вѣроятно, достались японцамъ.

ребью по два отдѣленія отъ каждой роты. Съ первымъ отдѣленіемъ 2-го взвода попалъ и я въ эту новую для всѣхъ въ полку 5 роту.

Прослуживъ 3 года въ своей родной 4-й ротѣ, тяжело было ее покидать. Но дѣлать было нечего—такова военная служба. Но, слава Богу, что я еще остался въ своемъ полку къ которому я привыкъ и полюбилъ всею душой.

Начало войны съ Японіей.

Въ это время уже неслась солдатская молва, что скоро будетъ война съ Японіей. Дѣйствительно, 18 января 1904 года наша 3 Восточно-Сибирская Стрѣлковая бригада выступила изъ крѣпости Портъ-Артура и двинулись къ вокзалу. Но куда мы шли, мы не знали. Только ротный командиръ, **капитанъ Вержбицкій**, сказалъ такъ: „молитесь Богу, потому что война съ Японіей не за горами и что насъ ожидаетъ—побѣда или смерть, мы тоже не знаемъ". Скоро мы сѣли въ вагоны и около 9 часовъ вечера тронулись въ путь. Черезъ два дня мы прибыли въ гор. Ляоянъ. Здѣсь мы размѣстились по квартирамъ и стоимъ себѣ спокойно.

Но вдругъ, о ужасъ... мы узнаемъ, что японцы въ ночь съ 27 на 28 января бомбардировали съ моря нашъ родной Портъ-Артуръ и наши дорогіе намъ казармы.

Война началась.

На другой день фельдфебель намъ прочелъ слѣдующій приказъ: „полку 30 января въ 8 часовъ утра построиться за городомъ противъ восточныхъ воротъ, гдѣ отслужить напутственный молебенъ, а послѣ молебна боевымъ порядкомъ двинуться къ гор. Фыньфуанчену".

Отслуживъ молебенъ, мы двинулись въ походъ.

Что такое походъ, мы уже знали въ отрядѣ Генерала Церпицкаго въ 1901 году. Такъ какъ нашъ полкъ былъ двухъбаталіоннаго состава, то первый баталіонъ шелъ въ авангардѣ, а нашъ второй баталіонъ для прикрытія батарей 3-го Восточно-Сибирскаго Артиллерійскаго дивизіона—въ аріергардѣ. Дорога была горная, трудная; самымъ труднымъ препятствіемъ для насъ на ней были громадные перевалы. Смотришь на перевалъ онъ весь въ облакахъ, а взойдешь на него... еще далеко, далеко до облаковъ.

Намъ приходилось вездѣ помогать артиллеріи и обозамъ. Мы прибыли на ночлегъ только около 11 часовъ вечера.

На другой день мы уже шли въ головѣ полка.

Это было много легче. Черезъ 8 дней мы прибыли въ гор. Фыньфуанченъ. Здѣсь нашъ командиръ полка, Генералъ **Рознатовскій**, получилъ телеграмму вернуться въ Портъ-Артуръ.

Онъ былъ назначенъ Начальникомъ Штаба 3-го Сибирскаго Армейскаго Корпуса. Жаль было разставаться съ такимъ командиромъ. Съ нимъ мы смѣло шли на войну, а теперь не знали, кто будетъ у насъ командиромъ полка. Генерала **Рознатовскаго** любили солдаты, и когда онъ уѣзжалъ, то многіе изъ насъ заплакали, да и самъ генералъ не выдержалъ и прослезился. Въ командованіе полкомъ вступилъ подполковникъ князь **Амилахвари**.

На другой день полкъ нашъ двинулся далѣе къ рѣкѣ Ялу. 13-го февраля мы прибыли въ гор. Шехедзы. Здѣсь намъ было приказано построить хлѣбопекарни и приступить къ укрѣпленію позиціи. Каждая рота должна была вырыть окопы на берегу Ялу, и на горахъ, которыя отстояли отъ рѣки приблизительно въ 2500 шагахъ. Но, такъ какъ земля была мерзлая, то работа подвигалась медленно и до Святой Пасхи мы совершенно не окончили своихъ окоповъ.

Мы помѣщались въ фанзѣ (избѣ) одного богатаго китайца, который много интереснаго разсказалъ намъ о японцахъ.

Пришла Пасха, а японцевъ все нѣтъ и нѣтъ; ждемъ ихъ и не дождемся. Горимъ желаніемъ помѣриться силами съ врагомъ. Но, вотъ, наконецъ, вызываютъ охотниковъ на развѣдку. Они должны были развѣдать за рѣкой расположеніе непріятеля. Я тоже вызвался, но ротный командиръ не отпустилъ меня, какъ взводнаго унтеръ-офицера.

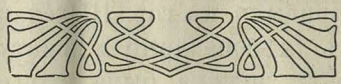
Какъ была произведена эта развѣдка, не знаю, но во время ея былъ убитъ ефрейторъ моего взвода, **Романъ Хорьковъ**. По разсказу унтеръ-офицера, **Федора Цыганова**, который былъ за старшаго въ этой командѣ, выходило такъ, что они, развѣдавъ расположеніе непріятеля, двигались уже назадъ; но навстрѣчу имъ попался кореецъ, который и указалъ ихъ японцамъ. Японцы бросились преслѣдовать ихъ, но догнать ихъ не могли и только стрѣляли по нимъ. Когда они садились въ лодки, то японцы открыли по нимъ частую стрѣльбу и пробили лодку во многихъ мѣстахъ. Она начала тонуть. Въ это время былъ убитъ Романъ Хорьковъ. Послѣ этого наши охотники, захвативъ съ собою тѣло Романа Хорькова, бросились вплавь. Но посреди рѣки они вы-

бились изъ силъ и, все время осыпаемые пулями японцевъ, принуждены были бросить тѣло Романа Хорькова.

Такъ погибъ первый стрѣлокъ нашего 9-го полка. Миръ праху его.

Праздникъ Св. Пасхи мы провели такъ: въ 12 часовъ ночи, одѣвшись во всю боевую аммуницію, полкъ построился около церкви, которая была въ китайской фанзѣ. Въ церкви была отслужена заутреня и обѣдня. Послѣ чего мы прошли церемоніальнымъ маршемъ и съ Богомъ домой. На первый день Пасхи каждому солдату выдали по куску полубѣлаго хлѣба, по одному яйцу и по кусочку ветчины. Розговины для войны отличныя.

Скоро мы снялись у китайскаго фотографа сначала всей ротою, а затѣмъ—только одни начальствующія лица нашей роты.



Тюренченскій бой. [1])

Съ 16 Апрѣля непріятель началъ приближаться къ рѣкѣ Ялу, а 17-го началъ бомбардировать наши позиціи. Наша дивизія въ то время составляла отъ арміи восточный авангардъ, а впослѣдствіи восточный отрядъ. Отрядомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Засуличъ.

17-го японцы по насъ почти не стрѣляли. Отъ нечего дѣлать мы всходили на горы и смотрѣли, какъ японцы поражали 12-й и 22-й полки и баталіонъ 11-го полка подполковника **Яблочкина**, находившіеся влѣво отъ насъ на Тюренченской позиціи. Наша артиллерія отвѣчала японской артиллеріи; но на каждый нашъ выстрѣлъ японцы посылали намъ цѣлые десятки выстрѣловъ. Скоро намъ стало ясно, что японцы будутъ атаковать 12-й и 22-й полки и батальонъ 11-го полка. Намъ тяжело было стоять на горѣ и смотрѣть, какъ японцы засыпали снарядами нашихъ братьевъ, товарищей сибирскихъ стрѣлковъ. Дымъ отъ разрыва японскихъ шрапнель покрывалъ ихъ какъ облакомъ. Но, мы должны были стоять на своей позиціи и выжидать наступленія японцевъ.

Утромъ 18-го числа намъ приказано было занять окопы

---

[1]) См. схему № 1.

5-я рота 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

Капитанъ Вержбицкій.

1. Шепель (раненъ); 2. Семеновъ (раненъ); 3. Галѣевъ (раненъ); 4. Евтуховичъ; 5. . . . . (раненъ); 6. . . . . (раненъ); 7. Мерзликинъ (убитъ); 8. Витикъ; 9. . . . . ; 10. . . . . ; 11. Козловскій; 12. Бершовъ (убитъ); 13. Курейчикъ; 14. Мазуръ (раненъ); 15. Лотовъ (раненъ); 16. . . . (убитъ); 17. Михайловъ (раненъ); 18. Сороченко (убитъ); 19. Дзюбенко (раненъ); 20. Передрій (убитъ); 21. Павловъ; 22. Васеленко (раненъ); 23. . . . (раненъ); 24. . . . (раненъ); 25. Полубенцовъ (убитъ); 26. Лотовъ (раненъ); 27. Бухтеяровъ (раненъ); 28. . . . (раненъ); 29. Тимшинъ (раненъ); 30. Мурза Галѣевъ (раненъ); 31. Мартынюкъ (раненъ); 32. унт.-оф. Минаевъ (убитъ); 33. Тепляшинъ (убитъ); 34. Копшукъ (убитъ); 35. Трехлебовъ (убитъ); 36. Михалевъ (убитъ); 37. Пулка (раненъ); 38. Чичкинъ (убитъ); 39. . . . (убитъ); 40. . . . (раненъ); 41. . . . (убитъ); 42. Баркинъ; 43. Брауеръ; 44. Федотовъ; 45. . . . (раненъ).

на берегу рѣки. Вскорѣ появилась съ моря канонерская японская лодка и открыла по насъ огонь. Но, мы по-пріятельски угостили ее нѣсколькими залпами, и она принуждена была удалиться снова въ море.

Въ это же самое утро непріятель повелъ рѣшительную атаку на 12-й Вост.-Сиб. стр. полкъ. Влѣво отъ 12-го полка былъ 22-й полкъ. Но, когда непріятель обошелъ его, то онъ отошелъ и обнажилъ флангъ 12-го полка.

Благодаря этому, 12-й полкъ вскорѣ оказался окруженнымъ японцами со всѣхъ сторонъ. 11-му полку и 3-й батареи было приказано итти на выручку 12-го полка. Они выручили 12-й полкъ, но сами пострадали не меньше его; вся батарея осталась въ рукахъ непріятеля, а 11-й полкъ, во главѣ со священникомъ съ крестомъ въ рукахъ, едва пробился въ штыки черезъ японскіе ряды.

Скоро нашему полку было приказано отойти назадъ. Нашу роту назначили въ аріергардъ. Мы направились уже къ извѣстному намъ городу Фыньфуанчену. Около деревни Тяньзы насъ остановили и здѣсь мы принимали на себя отдѣльныхъ людей, отходившихъ съ поля сраженія.

Около 6 часовъ вечера намъ приказано было двинуться дальше. Въ аріергардѣ былъ 10-й полкъ. Ночью намъ чуть ли не сорокъ разъ пришлось переходить рѣку, которая все время пересѣкала намъ дорогу.

По дорогѣ мы видѣли ужасныя картины: ближайшіе къ намъ этапы горѣли страшнымъ пламенемъ; зарево ихъ было видно на далекое разстояніе. Торговые люди и многіе изъ обозныхъ, которыхъ было не мало на этапахъ, бѣжали съ этаповъ; все сжигалось, бросалось и стремилось въ Ляоянъ.

Видно было, что коммерсанты и обозные на этапахъ, больше напугались японцевъ чѣмъ мы, строевые, которые воочію видѣли ихъ на позиціи. Солдаты смѣялись надъ ними и говорили: „видно у васъ на этапахъ и въ обозѣ страшнѣе, чѣмъ у насъ на позиціи. Пошли бы съ нами въ цѣпь, пострѣляли бы и сразу успокоились бы“. И вѣрно—самъ знаю по себѣ, что вдали всякая опасность страшнѣе, чѣмъ вблизи.

При отступленіи отъ Тюренчена намъ было приказано подбирать все, что бросали другіе. Мы прежде всего подобрали патроны. Каждый изъ насъ взялъ по 180 патроновъ и у насъ съ имѣвшимися 150-ю стало по 360 патроновъ. Кромѣ того, мы по два, по три стрѣлка подбирали цинковыя коробки съ патронами. Эти патроны мы носили съ собою до Ляоянскихъ

боевъ, въ которыхъ мы выпустили ихъ въ японцевъ. Но кромѣ патроновъ, мы подобрали по дорогѣ много шоколаду и другихъ конфектъ, о которыхъ раньше не имѣли и понятія.

Настроеніе во время отступленія было не важное, и именно потому, что мы не были въ бою. Но, мы вѣрили, что скоро отомстимъ врагу за наше пораженіе.

Настроеніе наше ухудшилось, когда мы узнали, что 2,000 человѣкъ нашихъ легло на Тюренченскихъ позиціяхъ; и 22 орудія и 8 пулеметовъ, которыми командовалъ мой прежній ротный командиръ, **Капитанъ Скуратовъ**, попали въ руки японцевъ, правда, вполнѣ испорченныхъ и избитыхъ японскими снарядами.

Вскорѣ мы узнали, что японцы при атакѣ нашихъ Тюренченскихъ позицій потеряли 7—8 тысячъ, т. е. въ четыре раза больше, чѣмъ мы. Это насъ нѣсколько утѣшило.

Пусть теперь японцы знаютъ, говорили стрѣлки, что „наши пули даромъ не пропадаютъ.“

Да не могло быть у японцевъ меньше потерь: они принуждены были переправляться черезъ рѣку подъ сильнымъ нашимъ огнемъ, итти по открытому мѣсту подъ градомъ пуль и лѣзть на горы, на которыхъ удобно сидѣли наши стрѣлки, открывшіе частый огонь по нимъ. Солдаты 12-го полка прямо говорили, что они видѣли передъ собою цѣлыя груды японскихъ тѣлъ. Въ нашей ротѣ потерь не было... Дѣло, конечно, не въ потеряхъ, но жалъ только, что наша рота не участвовала въ бою.

Стоянка въ горахъ.

19 го Апрѣля мы, пройдя 54 версты въ сутки, вернулись въ гор. Фыньфуанченъ. Непріятель почти насъ не преслѣдовалъ. За городомъ Фыньфуанчаномъ на 4-мъ этапѣ насъ остановили на горной Пыямынской позиціи. Здѣсь по ночамъ намъ пришлось слегка передрогнуть отъ сильныхъ порывистыхъ вѣтровъ. Провизіи было много, но наши походныя кухни, при отступленіи отъ Тюренчена, отошли далеко въ тылъ къ Ляньдянсяну, поэтому намъ пришлось питаться больше „въ сухую“ и запивать все чаемъ.

Сахаръ не всегда былъ, но не въ немъ была суть. Суть

была въ той бесѣдѣ, которую вели солдатики за чаемъ. Чего чего они только не разсказывали здѣсь другъ другу, какихъ только не было шутокъ и разсказовъ. Стоило только одному начать разговоръ, какъ къ нему подсѣдали другіе и рѣчамъ не было конца; къ тому же и чай насъ согрѣвалъ въ ненастную погоду.

21-го насъ перевели на Фыньсяолинскій перевалъ, а 4-го Мая къ дер. Эрдоафань. Здѣсь, на Эрдоафанской позиціи намъ было еще тяжелѣе: кругомъ были болѣе высокія горы, въ которыхъ человѣкъ совершенно терялся и казался какой то небольшой букашкой, муравьемъ. Вблизи нашихъ войскъ не было. Впереди насъ, верстахъ въ десяти, стояла наша кавалерія, а за нею японцы.

Война теперь уже была въ полномъ разгарѣ. Появленіе противника можно было ожидать съ часа на часъ.

Но вотъ пришло и 9-е мая,—день нашего полкового праздника Николая Чудотворца. Въ этотъ день намъ подвезли изъ полка мясо. Мясу мы были очень рады, такъ какъ не видѣли его уже цѣлую недѣлю. Полковой праздникъ былъ ознаменованъ сформированіемъ охотничьей команды въ сорокъ человѣкъ подъ начальствомъ Поручика Смирнова.

Свѣдѣнія о японцахъ у насъ были самыя краткія. Чтобы дополнить ихъ, нашъ командиръ баталіона, подполковникъ Колоровичъ приказалъ охотничьей командѣ продвинуться къ д. Уалюнди, войти въ связь съ 24-мъ полкомъ и, если возможно, по дорогѣ развѣдать о противникѣ. Команда въ этотъ день отправилась для исполненія возложенной на нее задачи.

Придя въ дер. Уалюнди къ 24-му полку, поручикъ Смирновъ долженъ былъ возвратиться къ своему баталіону по старой дорогѣ, но онъ пошелъ по новой дорогѣ, по которой ходили охотники 10 и 12-го полковъ и многіе изъ нихъ не возвращались, попадая въ руки японцевъ [1]).

Пройдя верстъ пятнадцать, поручикъ Смирновъ со своими охотниками совершенно неожиданно для себя наткнулся на японскій бивакъ въ 2000 человѣкъ и заставу слѣва въ нѣсколько человѣкъ, засѣвшихъ въ лѣсистыхъ горахъ. Застава открыла по нимъ огонь. Въ это самое время съ тылу у нихъ показалась японская кавалерія.

Тогда поручикъ Смирновъ бросился на японскую заставу, но она скрылась въ лѣсистыхъ горахъ, успѣвъ у насъ ранить

---

[1]) Развѣдка поручика Смирнова написана съ его словъ.

одного стрѣлка въ колѣно подъ чашку. Послѣ этого охотники,

захвативъ съ собою раненаго стрѣлка, двинулись по лѣсистымъ

горамъ и ночью прибыли къ своему баталіону. Никто изъ нихъ не заблудился. Задача ими была исполнена: они вошли въ связь съ 24-мъ полкомъ и узнали, хотя и цѣною одного человѣка, гдѣ находятся японцы и сколько ихъ. Раненый стрѣлокъ скоро былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4-ой степени. Мы ему завидовали; рана его насъ мало печалила.

25-го мая намъ пришла смѣна отъ 11-го полка. „Довольно, мы сказали стрѣлкамъ 11-го полка, сидѣть намъ въ этихъ горахъ, посидите-ка вы теперь. Пишите, не забывайте. До свиданія“.

Насъ отвели къ д. Тидхѣ и дали намъ двухдневный отдыхъ. Но не успѣли мы придти въ эту деревню, какъ узнали, что японцы атаковали 11-й полкъ. Произошелъ бой. Въ 11-мъ полку было убито и ранено 2 офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ.

Вотъ, опять намъ не пришлось быть въ бою; стояли, стояли, мерзли отъ холода, пеклись на солнце и ждали боя; но стоило намъ уйти, какъ японцы сейчасъ же обрушились на 11-й полкъ. Какъ будто бы они боялись атаковать нашъ 9-й полкъ.

Вообще, мы тогда искренно желали боя; надоѣло намъ бездѣльно стоять въ невѣдомыхъ горахъ и ждать пока японцы будутъ на насъ наступать.

Вслѣдъ за этимъ, насъ начали водить по горамъ съ мѣста на мѣсто; то мы наступали, то отступали. Кто-то изъ гг. офицеровъ намъ такъ объяснилъ наши передвиженія, что это „мы маневрируемъ, чтобы сбить японца съ толку“. Но собьешь ли его—это вопросъ.

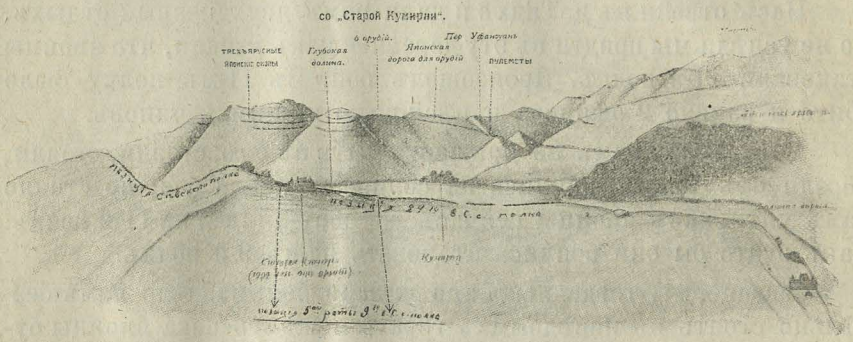
Въ началѣ кампаніи въ тылу насъ не было нашихъ войскъ; но въ это время начали прибывать свѣжіе полки изъ Россіи. Видно было намъ, что нашъ горячо-любимый ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ и Родина напрягаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы выставить противъ нашего врага возможно больше войскъ.

Скоро около насъ появилось много различныхъ полковъ изъ Россіи. Войскъ теперь здѣсь, на восточномъ фронтѣ, было достаточно; поэтому насъ отсюда направили на югъ къ Дашичао, для выручки Портъ-Артура. Мы сдѣлали въ два дня 90 верстъ безъ остановки. Мы стремились на выручку своего родного Портъ-Артура, изъ котораго такъ недавно вышли, а уже успѣли побывать въ Кореѣ. Въ Портъ-Артурѣ и верстъ на десять отъ него мы знали всю мѣстность и здѣсь мы надѣялись воевать съ японцами. Но видно не намъ была судьба защищать Портъ-Артуръ.

Скоро мы узнали, что 1 и 2 іюня произошелъ для насъ

неудачный бой подъ Вафаньгоу и нашъ полкъ снова возвратили на восточный фронтъ.

Послѣ этого мы произвели цѣлый рядъ развѣдокъ, но въ бою не учавствовали.



Бой при Уфангуанскомъ перевалѣ.

3-го Іюля Начальникъ Восточнаго отряда, генералъ графъ Келлеръ, отдалъ слѣдующій приказъ: „4-го іюля сдѣлать усиленную рекогносцировку въ составѣ 14 баталіоновъ". 3-го іюля около 4-хъ часовъ дня наши части двинулись къ Уфангуанскому перевалу. Передъ выступленіемъ было приказано: „ночью итти тихо, не разговаривать, не курить, а, самое главное, когда непріятель замѣтитъ насъ и откроетъ стрѣльбу по нашимъ передовымъ частямъ, то не обнаруживать себя, не кричать „ура" и не стрѣлять, а итти спокойно къ непріятельской позиціи". Но намъ не удалось подойти къ японской позиціи незамѣтно, такъ какъ у японцевъ была выдвинута застава на три версты впередъ отъ позиціи. Заставу эту мы захватили врасплохъ. Сами японцы едва успѣли убѣжать, оставивъ намъ свои палатки, амуницію и даже нѣсколько ружей, но зато они скоро успѣли донести своимъ главнымъ силамъ о нашемъ приближеніи. Послѣд-

---

[1]) См. схему № 2.

нія успѣли на разсвѣтѣ встрѣтить насъ инымъ порядкомъ; онѣ открыли по насъ ужасный артиллерійскій и ружейный огонь. Несмотря на это, мы цѣпь за цѣпь, валъ за валомъ, шли впередъ и впередъ; но когда мы подошли шаговъ на 1000—1200 отъ ихъ позиціи, то наши цѣпи несли громадныя потери и дѣлались все рѣже и рѣже.

Скоро пришло къ намъ приказаніе дальше не двигаться, остановиться и открыть огонь по непріятельскимъ окопамъ. Мы остановились на горахъ у кумирни; открыли огонь и заставили японцевъ замолчать. Но стоило намъ, хотя слегка ослабить огонь, какъ японцы вновь открывали свой огонь. Они занимали трехъярусные окопы высокихъ горъ. Мы были внизу и намъ трудно было въ нихъ снизу вверхъ стрѣлять. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они стрѣляли по насъ изъ пулеметовъ очень сильно.

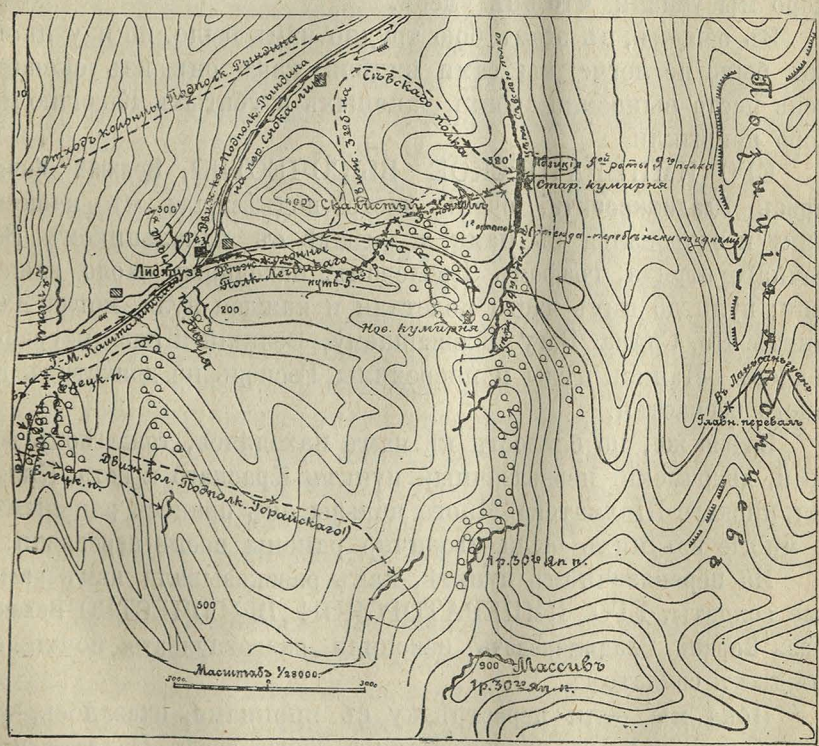


Схема № 2.

Влѣво отъ насъ находился **Сѣвскій** полкъ, вправо цѣпь **24-го Восточно - Сибирскаго** стрѣлковаго полка. Цѣпь эта почти вся была перебита. Здѣсь скорѣе лежала цѣпь мертвецовъ, чѣмъ

живыхъ людей. Когда мы заняли позиціи у кумирни, то мы перемѣшались съ живыми и мертвыми стрѣлками 24-го полка и совершенно не разбирали, кто какого былъ полка.

Бой на Уфангуанѣ былъ нашъ первый бой; нашъ первый экзаменъ, нашей самой молодой роты въ полку.

Многіе раненые солдаты не хотѣли уходить изъ строя и оставлять цѣпи; напримѣръ, ефрейторъ Измаиловъ,[1]) окончившій учебную команду, ушелъ изъ цѣпи лишь послѣ третьей раны, когда уже не могъ совсѣмъ стрѣлять.

Каждый солдатъ теперь хотѣлъ выпустить возможно больше пуль въ японцевъ и нанести имъ возможно больше вреда.

Командиръ нашего баталіона, подполковникъ **Коларовичъ**, пошелъ посмотрѣть на расположеніе цѣпей 24-го полка, гдѣ лежало больше мертвыхъ, чѣмъ живыхъ. Пройдя всю цѣпь, онъ былъ раненъ и его стрѣлки отнесли на перевязочный пунктъ. Скоро мы узнали, что онъ умеръ.

Въ общемъ, въ этомъ бою трудно намъ было, но и у японцевъ было не легче; мы сами видѣли, какъ они изъ окоповъ очень часто выносили своихъ раненыхъ и убитыхъ. Къ огню мы скоро привыкли.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, **Великій Князь Борисъ Владимировичъ**, очень часто подъѣзжалъ къ нашему полку и здоровался съ нами, и вмѣстѣ съ начальникомъ Восточнаго отряда, графомъ Келлеромъ, находился около нашей цѣпи; пули до нихъ часто долетали и каждая пуля могла ихъ ранить. Но, Слава Богу Всевышнему, Великій Князь и графъ Келлеръ остались цѣлы и невредимы. Господь не допустилъ до такого несчастья.

Здѣсь же, по близости къ намъ находился, тоже подъ пулями, дворянскій перевязочный пунктъ Краснаго креста, Князя Ширинскаго-Шахматова. Много пользы онъ принесъ раненымъ; но многіе изъ нихъ были вторично ранены послѣ перевязки.

На перевязочномъ пунктѣ, какъ разсказывали намъ раненые солдаты, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО **Великій Князь Борисъ Владимировичъ** изволили разговаривать почти съ каждымъ солдатомъ.

Пока мы вели перестрѣлку съ японцами, оказалось, что они обошли насъ съ праваго фланга. Тогда графъ Келлеръ приказалъ намъ отойти назадъ и занять позицію на слѣдующемъ хребтѣ. Отступленіе было исполнено въ порядкѣ. Мы отходили

---

[1]) Магометанинъ.

перекатами валъ за валомъ. Японцы, видя наши незначительныя силы, сами перешли въ наступленіе. Но мы огнемъ легко отбили ихъ атаки. Вечеромъ приказано было отойти еще далѣе назадъ къ д. Линдяпузѣ.

Скоро у насъ выяснилось, что въ этомъ бою мы потеряли около 40 человѣкъ.

Итакъ, наша самая молодая рота была первой въ бою и выдержала это первое боевое испытаніе по-моему хорошо [1]).

Послѣ этого боя наша 3-я Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія ушла въ резервъ, а 6-я дивизія заняла позицію и выставила сторожевое охраненіе. Всѣ полки заняли свои прежнія мѣста.

Такъ какъ впереди насъ была 6-я дивизія, то у насъ почти не было никакого охраненія за исключеніемъ дежурныхъ и дневальныхъ въ ротахъ, тоже изможенныхъ, вѣдь за эти сутки мы были въ бою и совершили походъ.

Ночью произошло что-то непонятное..

Ночь была страшно темная. Люди послѣ боя грезили во снѣ. Вдругъ я просыпаюсь и приблизительно около 2-хъ часовъ ночи слышу пальбу по всѣмъ направленіямъ и крики „ура“ со всѣхъ сторонъ. Я сразу понялъ, что усталымъ солдатамъ, а можетъ быть слегка и напуганнымъ, показалось, что японцы насъ атакуютъ. Смотрю и съ ужасомъ вижу, что солдаты выскакиваютъ изъ палатокъ, хватаются за ружья и кричатъ „ура“.

Что то ужасное творилось. Никто не могъ понять, что происходило. Но, слава Богу, до братоубійственнаго боя дѣло не дошло, обошлось все благополучно за исключеніемъ маркитанта, которому артиллеристъ срубилъ голову, принявъ его за японца. Черезъ нѣсколько минутъ все успокоилось и полкъ нашъ былъ приведенъ въ порядокъ командиромъ полка.

Мы опять поставили палатки и одни солдаты улеглись спать, а другіе стали варить чай. Какъ будто бы и ничего и не было.

Утромъ выяснилось, что ночное недоразумѣніе произошло потому, что на бивакъ нашего полка быстро двигалось стадо китайскаго скота. Часовой въ темнотѣ животныхъ принялъ за людей. Окрикнувъ „стой, кто идетъ, что пропускъ“, онъ не получилъ никакого отвѣта.

Тогда онъ, какъ полагается, открылъ стрѣльбу по стаду скота. Стрѣльба эта разбудила солдатъ и они, будучи нервно

---

[1]) По оцѣнкѣ штабсъ-капитана Борейши блестяще (изъ его письма).

настроены послѣ боя, открыли безпорядочную пальбу по всѣмъ направленіямъ.

Утромъ мы отошли назадъ, верстъ на восемь ближе къ Ляояну. Здѣсь мы начали рыть укрѣпленія: днемъ рыли укрѣпленія, а ночью занимали позицію. Скоро намъ надоѣлъ такой образъ жизни и мы ждали съ нетерпѣніемъ наступленія японцевъ. Но и японцы не рѣшались атаковать нашу укрѣпленную позицію и только производили рекогносцировки, изучая мѣстность передъ нашей позиціей.

Смерть Графа Келлера.

Въ одной изъ этихъ рекогносцировокъ, 18 іюля, на Янзелинскомъ перевалѣ мы потеряли нашего горячо любимаго всѣми солдатами дорогого нашего отца и начальника Восточнаго отряда **Генералъ-Лейтенанта графа Келлера.**

Онъ, исполняя свой долгъ, положилъ свою жизнь за Вѣру, Царя и Отечество. Любя свою родину, онъ не дорожилъ своимъ высокимъ званіемъ; онъ не щадилъ себя, жену, дѣтей своихъ; не дорожилъ земными благами; онъ не хотѣлъ заслужить неправдой себѣ славы, но онъ служилъ, какъ честный солдатъ. Но не долго пришлось ему послужить для дорогого Отечества. Онъ умеръ, какъ истый русскій солдатъ. Онъ умеръ геройскою смертью, оплакиваемый всѣми солдатами. Царство ему Небесное и вѣчный покой.

Всѣ солдаты говорили въ одинъ голосъ: „навѣрно не будетъ у насъ такого начальника“. Да и правда, мало приходилось видѣть такихъ героевъ, какъ графъ Келлеръ.

Прошелъ іюль мѣсяцъ. Передвигаясь то взадъ, то впередъ, то вправо, то влѣво, мы дождались августа мѣсяца, а японцевъ все нѣтъ и нѣтъ. Но солдаты уже начали говорить: „навѣрно теперь, послѣ отдыха, скоро будетъ хорошая схватка“. Сердце ихъ чувствовало бой. Такъ и вышло. Какое то внутреннее предчувствіе передъ боемъ у солдатъ всегда было.

Начальствующіе чины 5-ой роты 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.
Капитанъ Вержбицкій.

1. Шепель (раненъ); 2. Семеновъ (раненъ); 3. Козловскій (раненъ); 4. Мерзликовъ (убитъ); 5 Вершовъ (убитъ); 6. Галѣевъ (раненъ); 7. . . . (раненъ); 8. Стржиковъ; 9. . . . (раненъ); 10. Витикъ; 11. Передрій (убитъ); 12. Михайловъ (раненъ); 13. Лукьяновъ (раненъ); 14. Свинуховъ (убитъ); 15. . . . . ; 16. Клюшниковъ; 17. . . . (раненъ); 18 . . . ; 19. Дзюбенко (раненъ); 20. Сороченко (убитъ); 21. Овсянниковъ (раненъ); 22. . . (убитъ); 23. Минаевъ (убитъ); 24. Турашевъ (убитъ); 25. Самошкинъ . . ; 26. Смирновъ; 27. Федотовъ; 28. Боркинъ (контуженъ); 29. Букрей (раненъ); 30. Полубенцовъ (убитъ); 31. . . ; 32. Брауеръ; 33. Безсоновъ.

Бой подъ Ляндясяномъ 13-го августа.

Вечеромъ 12-го августа полкъ нашъ снялся съ бивуака. Мы двинулись впередъ, въ направленіи горъ, гдѣ уже вторыя сутки шелъ жестокій бой. Японцы наступали по всему фронту.

По приходѣ нашего полка къ мѣсту боя, нашему 2-му баталіону было приказано идти на позицію, которую занималъ уже четвертыя сутки **24-й Восточно-Сибирскій Стрѣлковый полкъ**, а остальнымъ ротамъ полка занять тѣ сопки, которыя были еще не заняты непріятелемъ и куда японцы направляли свой главный ударъ. 24-й полкъ геройски отбивалъ всѣ атаки японцевъ и не уступалъ имъ ни пяди земли. Но силы ихъ были слишкомъ неравны.

Занявъ свои мѣста, мы съ нетерпѣніемъ ожидали непріятеля, чтобы дать ему знать, что такое восточно-сибирскій стрѣлокъ. Теперь мы сидѣли на горахъ, а японцы лѣзли въ гору. Ждать пришлось недолго. Около восьми часовъ утра японцы пошли въ атаку напроломъ. Мы ихъ вмѣстѣ съ 24-мъ полкомъ, встрѣтили дружно, по-пріятельски пулями, какъ градомъ. Этого было достаточно, чтобы они пріостановились.

Скоро нашу 5-ю роту послали для прикрытія 1-й батареи, которая стояла на одной линіи съ 24-мъ полкомъ. Батарею эту японцы обстрѣливали усиленно, такъ какъ она своимъ огнемъ затрудняла имъ атаку на наши 1-ю и 4-ю роты, которыя занимали возвышенность надъ рѣкой. Японцамъ теперь не оставалось другого выхода, какъ двигаться черезъ рѣку. Рѣка эта была въ обычное время не глубока, но послѣ дождей сильно разлилась и глубина ея достигала до пояса человѣка.

Японцы двинулись черезъ эту рѣку на нашъ 3-й баталіонъ въ атаку. Батарея, которую наша рота прикрывала, усиленно начала обстрѣливать переходящія черезъ рѣчку непріятельскія цѣпи и наносить имъ громадныя потери. Видя трудность своей атаки, непріятель выдвинулъ впередъ еще одну батарею и началъ усиленно обстрѣливать нашу батарею, которая не давала ему возможности перейти рѣку. Обѣ непріятельскія батареи засыпали нашу батарею шрапнельнымъ огнемъ, разбили одно

орудіе и не давали ей выпустить ни одного снаряда. Японцы засыпали батарею шрапнелью, какъ градомъ; они обстрѣливали

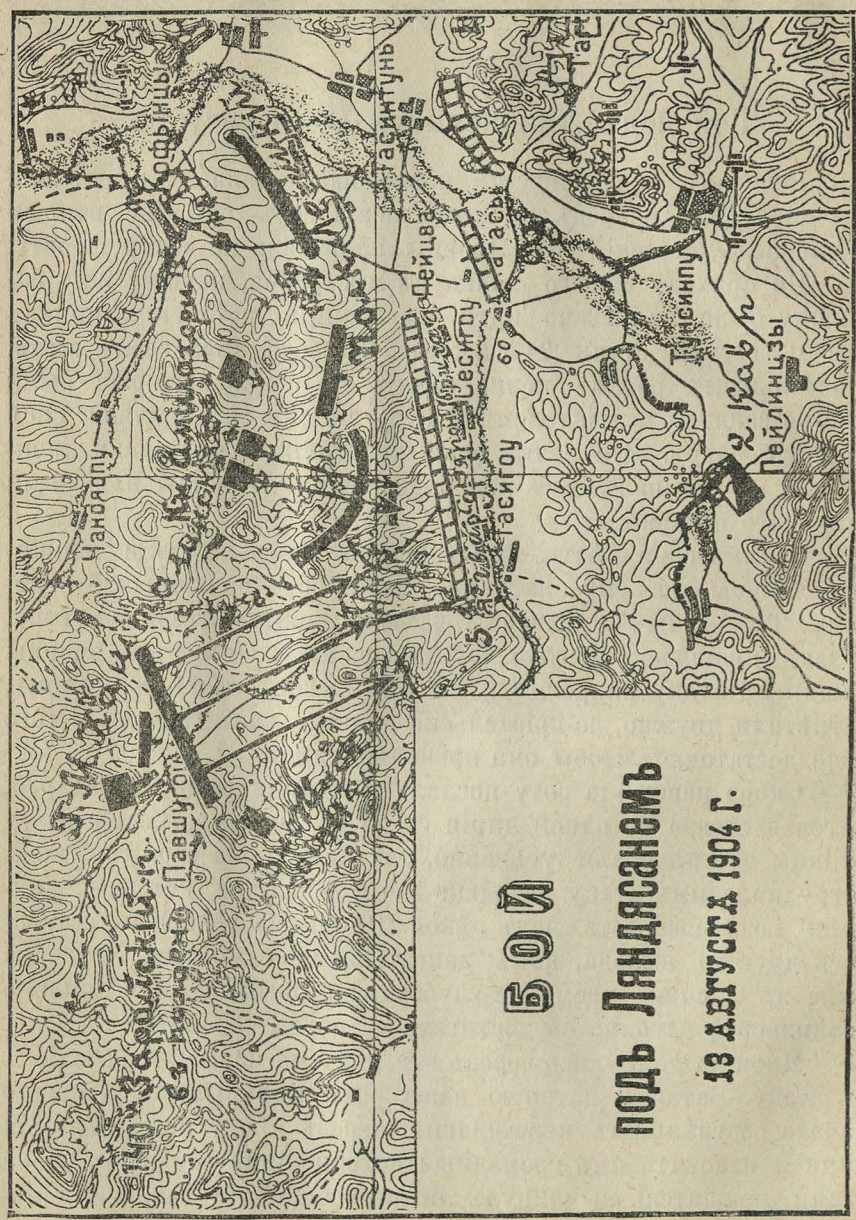


Схема № 3.

не только батарею, но и мѣстность вокругъ нея, не пропуская къ ней ни одного человѣка ни впередъ, ни назадъ.

Страшная была картина около этой батареи; ничего не было видно; въ воздухѣ все смѣшалось: дымъ, камни, песокъ, шрапнель и осколки гранатъ. Все представляло изъ себя одну сплошную песчаную вьюгу; одинъ сплошной вулканъ.

Солдаты смотрѣли на эту картину, какъ на какую нибудь дьявольскую игру. Мы, находясь въ прикрытіи, молча лежали, и, не разговаривая другъ съ другомъ, молили Бога, чтобы японцы не перенесли своего огня на насъ. Но, Слава Богу, японцы не замѣтили насъ. Мы узнали теперь, что значитъ хорошо примѣниться къ мѣстности.

Скоро насъ продвинули впередъ.

Но что заставляло китайцевъ оставаться здѣсь, въ этомъ ужасномъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ нихъ поплатились своей жизнью. Вотъ, напримѣръ, сзади нашей батареи стояла китайская фанза (изба), въ которой было душъ около двадцати китайцевъ обоего пола; снарядъ попалъ въ эту фанзу, китайцы выпорхнули изъ нея, какъ воробьи, напуганные коршуномъ, и разбѣжались кто куда. Вечеромъ, когда притихла перестрѣлка, я самъ видѣлъ, какъ вынесли изъ фанзы шесть китайцевъ убитыхъ и двухъ женщинъ: одна съ оторванной ногой, а другая тяжело раненная.

На все это никто не обращалъ никакого вниманія. Каждому было не до китайцевъ. Хотѣли мы только одного—не допустить японцевъ перейти черезъ рѣку; но однимъ ружейнымъ огнемъ этого сдѣлать было нельзя и именно потому, что разстояніе было большое, да и кромѣ того японская батарея, обстрѣливая насъ, мѣшала намъ стрѣлять.

Скоро японцы, видя, что они заставили нашу батарею замолчать, направили черезъ рѣку цѣлый полкъ въ одной колоннѣ.

Но наши начальники не дали себя обмануть. Они еще раньше въ гаолянѣ (китайское растеніе) поставили въ скрытомъ мѣстѣ 8 орудій 2-й батареи. Когда японцы пошли черезъ рѣку, то эти орудія открыли по нимъ такой адскій огонь, что шедшій черезъ рѣку японскій полкъ запрудилъ рѣку тѣлами своихъ убитыхъ и раненыхъ. Вода побагровѣла. Многіе изъ нихъ даже не тяжело-раненные нашли себѣ смерть въ рѣкѣ.

Вслѣдъ за этимъ, остальныя наши орудія начали выручать свою батарею, которая стояла подъ японскими гранатами и, изрѣдка стрѣляя, какъ бы ожидала своего конца. Японцы, въ свою очередь, огнемъ своихъ батарей пытались снять наши орудія въ гаолянѣ. Но наши орудія вновь открыли огонь по нимъ и не только заставляли замолчать японскія батареи, но даже притаить дыханіе. Но и японскія батареи геройски защищались.

Японская пѣхота, благодаря нашему сильному артиллерійскому и ружейному огню, скоро обратилась въ полное бѣгство. Тогда нашъ командиръ 1-го баталіона, подполковникъ князь **Амилахвари**, по своей иниціативѣ сталъ преслѣдовать японцевъ. Онъ сбилъ японцевъ съ ихъ передовой позиціи и взялъ много японскихъ ружей и аммуниціи. Въ это время вправо отъ насъ молодецки гналъ японцевъ 140-й пѣхотный **Зарайскій полкъ**.

Японская пѣхота бѣжала. 1-й баталіонъ преслѣдовалъ ее. Но, вотъ, 1-й баталіонъ, какъ разсказываютъ солдаты, пріостановился: передъ ними стояла японская батарея и осыпала ихъ шрапнельными пулями, какъ дождемъ.

Тогда они повели на нее атаку, но до нея было трудно добраться, такъ какъ подступы къ ней сильно обстрѣливались. Японцы попытались снять свою батарею съ позиціи, но эти имъ не удалось сдѣлать, вслѣдствіе сильнаго нашего огня.

Такимъ образомъ, одно время ни мы, ни японцы не могли подойти къ батареѣ и она была ничья. Но нѣсколько нашихъ смѣльчаковъ все-же добрались до батареи и видѣли, что на ней вся прислуга [1]) была перебита, и всѣ замки изъ орудій были вынуты. Но взять съ собою батарею они не могли, такъ какъ не было лошадей. Бывшія же при батареи лошади были или перебиты, или переранены, а нѣкоторымъ, которыя еще не были ранены, японцы перерѣзали жилы выше колѣнъ заднихъ ногъ.

Командиръ баталіона тогда рѣшилъ взять эту батарею своимъ баталіономъ ночью. До этого же времени оставаться на занимаемой позиціи.

Около 4-хъ часовъ дня по-полудни пошелъ страшный ливень. Вечеромъ пришло приказаніе отойти и занять свои прежнія мѣста; значитъ попрощаться съ японской батареей. Жаль. Мы уженачинали считать ее своей.

14 августа.

Ночь прошла спокойно. Всю ночь шелъ страшный ливень. Послѣ перваго же часа все промокло до костей и теперь никто не заботился быть сухимъ.

---

[1]) Солдаты при орудіяхъ.

Утромъ 14 августа намъ было приказано оставить позицію и отступить назадъ. Мы двинулись. Дорога была страшно грязная. Сапоги вязли въ грязи. Мы отошли назадъ всего верстъ на восемь; но вслѣдствіе сильной грязи, да еще съ батареей и обозомъ пришли мы на новую позицію поздно вечеромъ, пройдя верстъ десять въ день. Здѣсь намъ дали ужинъ.

Наша рота заняла высокую сопку, правѣе насъ расположилась 6-я рота, а черезъ лощину 6-я и 8-я роты **10-ю Восточно-Сибирскаго** стрѣлковаго полка. Сопки эти приказано было укрѣпить. Всю ночь мы рыли окопы. На утро ждали японцевъ.

15 августа.

Къ разсвѣту 15-го Августа поднялся такой туманъ, что на разстояніи 10 шаговъ въ сторону японцевъ нельзя было видѣть человѣка. Въ нашу же сторону было видно далеко, какъ днемъ. Но, когда туманъ разсѣялся, то мы увидѣли, что японцы измѣряютъ рѣку, которая отъ насъ была на разстояніи не болѣе 2000 шаговъ. Около 10 часовъ утра японцы начали переходить рѣку; мы сейчасъ же начали обстрѣливать ихъ залпами. Такъ какъ наши окопы были вырыты въ чумизѣ (китайское просо), то японцы насъ не замѣтили и обстрѣливали только 6-ю роту и двѣ роты 10 полка. Мы блаженствовали, отлично понявъ, что значитъ скрытно построить окопы или, какъ у насъ говорятъ, замаскировать ихъ.

Въ это же самое утро японцы повели атаку на **Елецкій** полкъ и, благодаря отсутствію поддержки артиллеріи, ему было приказано оставить часть своей позиціи. Когда непріятель занялъ эту часть позиціи то, по-неволѣ, пришлось отходить и всѣмъ нашимъ войскамъ. Наша 4-я рота держалась упорно, а поэтому она скоро оказалась окруженной непріятелемъ. Мы уже начинали считать ее погибшей.

Но, доблестный ея командиръ, шт.-капитанъ Гребенка, пробился сквозь японскіе ряды, оставивъ 12 человѣкъ убитыми. Онъ успѣлъ захватить съ собою всѣхъ раненыхъ, которыхъ было около 30-ти человѣкъ.

Японцы, выпустивъ изъ своихъ рукъ 4-ю роту, заняли ея позиціи на высокой горѣ. Скоро они ни съ того ни сего начали махать намъ краснымъ флагомъ и кричать „банзай"; насъ это сначала смѣшило, а затѣмъ поставило въ недоумѣніе, что все это значитъ? Мы подумали, что они воодушевляютъ себя крикомъ для новой атаки. Но, вотъ, нашъ полуротный командиръ, шт.-капитанъ **Борейша**, приказалъ открыть по нимъ огонь залпами. Японцамъ это не понравилось, и они мигомъ спустились внизъ горы, а затѣмъ въ свою очередь открыли по насъ огонь. Но, вотъ, японская батарея замѣтила и наши окопы, открыла по насъ сильный, но безрезультатный огонь. Только одинъ снарядъ, разорвавшійся надъ 4-мъ взводомъ, который находился въ резервѣ, ранилъ нашего ротнаго командира, **капитана Вержбицкаго**, ротнаго фельдшера Павленка и 4-хъ стрѣлковъ въ цѣпи. Ротный командиръ уѣхалъ на перевязочный пунктъ и передалъ командованіе ротой **Шт.-капитану Борейшѣ**. Шт.-капитанъ Борейша приказалъ сейчасъ-же присоединиться и 4-му взводу къ цѣпи.

Въ это время, когда японская пѣхота размахивала намъ краснымъ флагомъ и кричала „банзай", изъ за сопки на разстояніи 1400 шаговъ быстро двигалась на насъ японская кавалерія (около эскадрона). Но мы во время ее замѣтили; и не долго думая, безъ доклада полуротному, я скомандовалъ своему взводу „по кавалеріи, 1400, пальба взводомъ, взводъ пли". И прежде чѣмъ эта кавалерія до насъ доскакала, мы успѣли сдѣлать по ней два залпа, а затѣмъ открыли частый огонь.

Съ перваго же залпа въ японской кавалеріи произошла страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшная для насъ картина: лошади бѣгали безъ сѣдоковъ, сѣдоки бѣгали за лошадьми, нѣкоторыя лошади неслись прямо на насъ. Но дай Богъ имъ всѣмъ ноги; всѣ они, въ общемъ, бѣжали отъ насъ, во свояси. Весь эскадронъ былъ разбитъ. Потери въ людяхъ и лошадяхъ у японцевъ были несомнѣнно большія. Много труповъ людей и лошадей валялось передъ нами. Мы радовались своимъ дѣйствительнымъ залпамъ. Но, забавляясь съ кавалеріей, мы и не замѣтили, какъ японская пѣхота начала окружать насъ слѣва. Это были новыя японскія войска.

Но, вотъ, къ намъ прибѣжалъ стрѣлокъ охотничьей команды

и доложилъ **шт.-капитанъ Борейшѣ**, что „насъ обходятъ слѣва, а вправо отъ насъ всѣ отступили и уже позицію занимаютъ японцы, и что начальникъ участка, генералъ-маіоръ Мордановъ, приказалъ намъ немедленно отступать“. Ротный командиръ сейчасъ же приказалъ 1-му взводу начать перебѣжку назадъ, а остальнымъ взводамъ поддерживать частый огонь. Японцы, замѣтивъ нашъ отходъ, пріостановили свое наступленіе. Бой кончился.

Въ этомъ бою, кромѣ ротнаго командира, у насъ было ранено 2 унтеръ-офицера и 19 стрѣлковъ. Мнѣ прострѣлили фуражку и ложу.

Теперь только намъ стало ясно зачѣмъ, японцы махали намъ флагомъ и кричали „банзай“; очевидно они хотѣли привлечь наше вниманіе на себя, тогда какъ ихъ кавалерія справа и съ тыла, а пѣхота слѣва хотѣли окружить насъ. Не удалось имъ этого сдѣлать. Ужъ не такъ мы были безпечны на своей позиціи. Мы смотрѣли во всѣ стороны „въ оба глаза“.

За этотъ бой я былъ представленъ къ Святому Георгію 4-й степени. Хотя особеннаго отличія въ этомъ бою я и не совершилъ, но представленію къ Святому Георгію былъ очень радъ. Ждалъ только, когда я его получу.

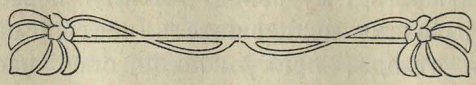
Скоро насъ встрѣтилъ нашъ корпусный командиръ, генералъ-лейтенантъ **Ивановъ**. Онъ поблагодаривъ насъ за службу сказалъ: „японцы насъ будутъ преслѣдовать, но я думаю, братцы, что вы каждую ступень Манчжурскихъ горъ дешево имъ не отдадите“. На это мы громко отвѣтили: „Постараемся Ваше Превосходительство“.

Послѣ этого полкъ нашъ весь собрался въ одно мѣсто. Скоро подошли походныя кухни и насъ накормили ужиномъ. Но не успѣли мы поужинать, какъ уже скомандовали одѣваться. Черезъ нѣсколько минутъ мы двинулись къ г. Ляояну. Около 2-хъ часовъ ночи насъ остановили въ восьми верстахъ отъ гор. Ляояна и поставили въ резервѣ. Здѣсь мы простояли весь день 16 августа. Но, бой впереди насъ шелъ своимъ порядкомъ. Мы слышали только перестрѣлку. Японцы, повидимому, еще не рѣшались нанести намъ свой главный ударъ. Очевидно, они еще не знали, гдѣ послабѣе наши силы. Сегодня они дѣлали, только усиленную рекогносцировку, готовясь къ страшному, рѣшительному бою на завтра.

За нами стоялъ Ляоянъ,—наша военная столица. Видно было, что японцы положатъ немало своихъ людей, лишь бы овладѣть

этой столицей. Но и намъ нельзя было ея отдать. Въ ней были всѣ наши запасы, склады и госпитали.

Итакъ, предстоялъ намъ бой за г. Ляоянъ не на жизнь, а на смерть. Мы были къ нему готовы.



17-ое августа.

Съ разсвѣтомъ 17-го августа начался бой. Все слилось въ одинъ общій гулъ; гулъ этотъ былъ, какъ громъ; огонь изъ орудій блисталъ, какъ молнія. Но полкъ нашъ стоялъ въ резервѣ, и уже солдаты начали роптать „почему ихъ не ведутъ на линію огня". Всѣ они стремились возможно скорѣе дать понюхать своего пороху японцамъ и сказать имъ, что мы здѣсь,—ваши старые знакомые, закаленные въ бояхъ сибирцы **9-го Восточно-Сибирскаго** стрѣлковаго полка, которые уже не разъ угощали васъ своими пулями, да и въ мирное время въ Портъ-Артурѣ гуляли съ вами рука объ руку, не подозрѣвая того, что вы такъ скоро станете нашими врагами.

Но, недолго намъ пришлось ждать. Какъ вдругъ мы услышали команду: „2-й баталіонъ въ ружье". По этой командѣ мы стрѣлки, разобрали ружья и стали лежа ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Въ это время къ намъ подошелъ командиръ полка, **полковникъ Мисхѣевъ**, и приказалъ нашему 2-му баталіону подойти къ цѣпи 24-го полка[1]). Командиръ нашего баталіона, **подполковникъ Гильбихъ**, скомандовалъ: „5-я и 6-я роты въ ружье".

Нашей 5-ой ротой въ это время командовалъ **штабсъ-капитанъ Борейша**, худощавый, близорукій, въ очкахъ, словомъ, онъ намъ не казался такимъ героемъ, какимъ онъ оказался потомъ въ бою. Онъ подалъ команду: „встать, справа по одному, за мной, шагомъ маршъ".

Мы встали, перекрестились и тронулись въ дальнѣйшій путь. Впереди нашего ротнаго командира шелъ стрѣлокъ 24-го полка, который былъ присланъ къ нашему командиру полка за подкрѣпленіемъ для своей роты. Въ его ротѣ, какъ онъ разсказывалъ, „осталось очень мало солдатъ; господа же офицеры давно уже выбыли изъ строя".

Чѣмъ ближе мы подходили къ цѣпи 24-го полка, тѣмъ боль-

---

[1]) См. карту № 4.

шему огню мы подвергались со стороны японцевъ. Вскорѣ ока-

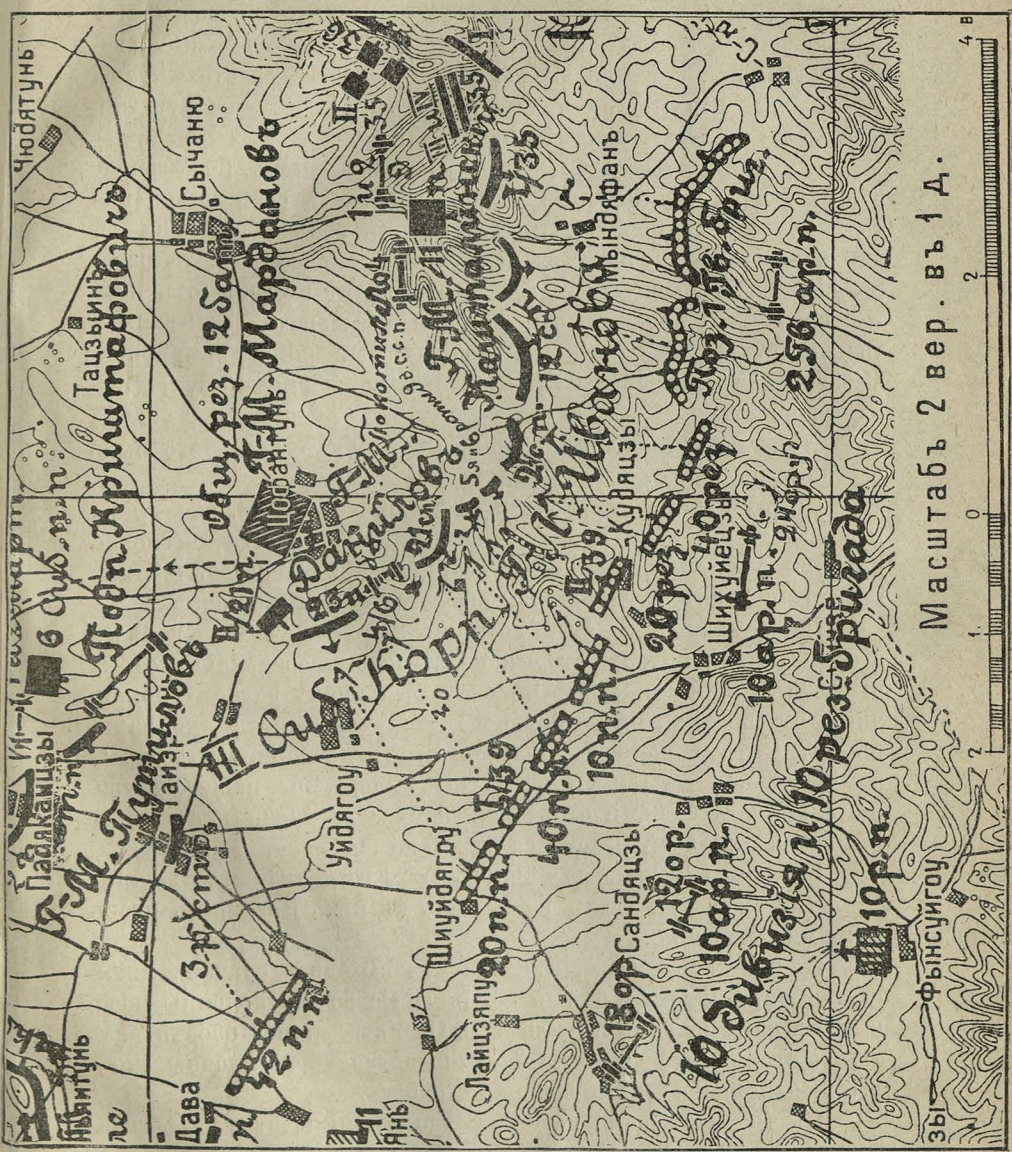


Схема № 4.

залось, что прямымъ путемъ пройти къ ней было невозможно;

намъ пришлось спуститься въ лощину, которая находилась отъ насъ влѣво. Но, японцы, замѣтивъ это, открыли по насъ сильнѣйшій огонь; пули въ лощинѣ засвистали пуще прежняго. Шрапнельныя гранаты рвались надъ нами. Дымъ отъ нихъ покрывалъ насъ, какъ облакомъ. Ясно было намъ, что японцы сообразили, что мы идемъ на помощь къ 24-му полку. Они огнемъ не хотѣли допустить насъ къ нему.

Но, нашъ ротный командиръ, **штабсъ-капитанъ Борейша**, не обращая вниманія на пули и гранаты, идетъ себѣ впередъ и только требуетъ порядка и даже началъ насъ бранить за то, что мы начали скучиваться въ кучи. Вотъ одна граната разорвалась надъ ротою. Солдаты бросились въ стороны отъ нея. Но, слава Богу, она не принесла намъ большого вреда: ранила только двухъ стрѣлковъ[1]). Но, вотъ, ротный командиръ приказываетъ намъ разсыпаться въ цѣпь и по прежнему требуетъ отъ насъ порядка.

„Порядокъ, порядокъ, молодцы“ говорилъ онъ,—это было его любимое слово.

Въ то время, какъ мы продвигались впередъ, все время мѣняя построенія роты, рота 24-го полка была почти поголовно истреблена и японцы заняли ея позицію. Для того, чтобы занять эту позицію намъ нужно было выбить изъ нея японцевъ.

Приближаясь къ этой позиціи, намъ навстрѣчу попался стрѣлокъ 24-го полка, который ползъ на четверенькахъ потому что былъ раненъ въ ногу. Онъ сказалъ нашему ротному командиру, что позиція, на которую мы шли уже занята японцами, но ихъ тамъ мало. Тогда мы, недолго думая, крикнувъ „ура“, бросились въ штыки. Японцы не выдержали нашего дружнаго, смѣлаго удара и отбѣжали сначала въ гаолянъ, а затѣмъ въ оврагъ, который находился здѣсь по близости.

Когда мы заняли позицію роты 24-го полка штабсъ-капитанъ Борейша приказалъ намъ лечь въ цѣпь и открыть огонь залпами повзводно.

Въ это время изъ-за горы начали выходить сначала японскія цѣпи, а потомъ и цѣлыя колонны. Скоро эти колонны подошли къ намъ шаговъ на 400—500. Онѣ стремились обойти насъ съ фланговъ: съ фронта же начали наступать тѣ японцы, которыхъ мы только что отбросили въ оврагъ.

Съ трехъ сторонъ, густою толпою, они быстро безостановочно двигались на насъ въ атаку. Впереди были видны ихъ офицеры съ шашками на-голо. Очевидно они рѣшили во что бы то

---

[1]) Анакина; другого не помню.

ни стало вновь занять нашу позицію, на которой не было даже окоповъ. Ихъ широкіе штыки блестѣли на солнцѣ.

Но мы не робѣли. Мы твердо надѣялись на своего вѣрнаго друга винтовку, на свои пули, штыки и русскую удаль. Мы открыли по японцамъ такой губительный, частый огонь, что они были разсѣяны нашими мѣткими пулями, какъ пухъ вѣтромъ.

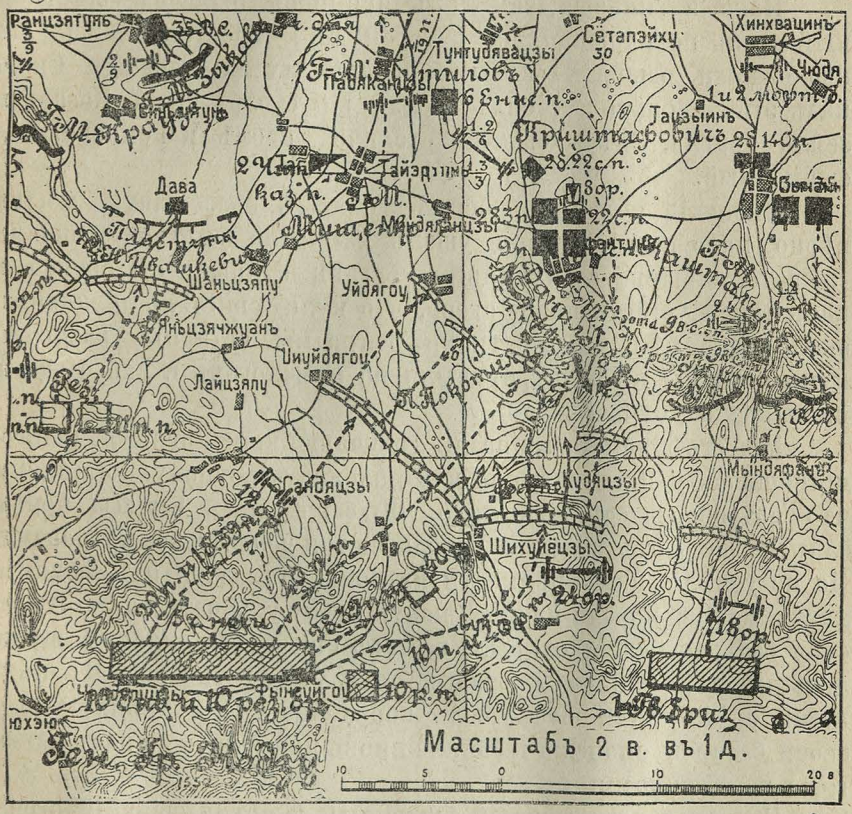


Схема № 5.

Многіе изъ нихъ, какъ подкошенные снопы, легли мертвыми передъ нашей позиціей. Оставшіеся въ живыхъ отбѣгали назадъ и скрывались въ оврагѣ. До штыкового боя дѣло не дошло [1]).

Въ общемъ японцы произвели на насъ двѣ атаки съ фронта и съ фланговъ.

Они подходили къ намъ подъ склонъ горы шаговъ на 50—70.

---

[1]) Атаковали 5-ю и 6-ю роты 20-й и 40-й японскіе пѣхотные полки съ цѣлью прорвать наши расположенія подъ Цофантуномъ. Оффиціальное описаніе войны. Томъ 3-й, стр. 70.

Не успѣли мы отбить эти двѣ атаки, какъ японцы повели на насъ третью атаку уже свѣжими колоннами. Эти колонны подвигались къ намъ по прежнему съ обоихъ фланговъ. Въ каждой колоннѣ было приблизительно по баталіону—человѣкъ въ 600—800. Но нашъ ротный командиръ немедленно приказалъ открыть по нимъ огонь залпами. Залпы были хороши.

Наша артиллерія, замѣтивъ японцевъ, открыла убійственный огонь по площади, на которой они пріостановились. Мы продолжали осыпать частымъ огнемъ эту же площадь. Скоро надъ этой площадью стоялъ громадный столбъ пыли. Казалось, земля горѣла. Здѣсь были настоящіе Содомъ и Гоморра. Адъ форменный.

Японскія колонны бросились бѣжать врассыпную, но, навѣрно, мало кто изъ нихъ ушелъ изъ этой ужасной площади. Но зато, скрывшіеся японцы въ оврагѣ открыли съ фронта по насъ такой убійственный огонь, что пули свистали и шлепали около насъ цѣлыми десятками. Тогда мы, оставивъ разбитыя нами колонны въ покоѣ, открыли по нимъ огонь и скоро заставили ихъ замолчать.

Мы стрѣляли то залпами, то учащеннымъ огнемъ. Быстро истощались у насъ патроны и я доложилъ ротному командиру, что патроновъ осталось мало. **Штабсъ-капитанъ Борейша** приказалъ послать отъ каждаго взвода по три человѣка за патронами. Но не успѣли намъ принести патроны и раздать ихъ людямъ, какъ японцы повели на насъ новую атаку уже четвертую. Японская батарея теперь открыла по насъ еще болѣе сильный шрапнельный огонь. Снаряды хотя и не такъ уже мѣтко рвались надъ нами, но въ ротѣ шла убыль порядочная. Подъ прикрытіемъ своей батареи японскія колонны вновь двинулись на насъ изъ-за горы перебѣжками.

Несмотря на страшный ружейный й артиллерійскій огонь, **штабсъ-капитанъ Борейша** ходилъ вдоль цѣпи, вѣрнѣе бѣгалъ и настойчиво приказывалъ солдатамъ, какъ отецъ своимъ дѣтямъ и начальникъ своимъ подчиненнымъ, чтобы они хорошенько стрѣляли бы по японцамъ, хорошенько угостили бы ихъ и не упускали бы ни одного выстрѣла понапрасно.

Казалось, что и безъ этого приказанія каждая наша пуля не пропадала даромъ; она встрѣчала на своемъ пути если не одного, такъ, быть можетъ, нѣсколько японцевъ. Доказательствомъ того служили японцы, которые падали передъ нами, какъ трава отъ хорошаго косца.

Но, японцы, несмотря на нашъ сильнѣйшій огонь, все по-

Штабсъ-капитанъ Борейша.

двигались впередъ. Съ каждымъ шагомъ они приближались къ намъ все ближе и ближе. Сердце замирало. Руки уставали заряжать винтовку.

Вдругъ жестокое несчастье для насъ: **штабсъ-капитанъ Борейша** получилъ свою первую рану въ руку. Но онъ, какъ вѣрный сынъ Родины и слуга ГОСУДАРЯ, не обратилъ вниманія на свою рану, остался на своемъ посту, и только доставъ перевязочный бинтъ изъ кармана, приказалъ разорвать ему рукавъ рубашки и перевязать ему руку.

И опять сталъ ходить вдоль цѣпи, ободряя солдатъ. Онъ говорилъ слова и самъ даже плакалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и веселъ. Слова его я не забуду до гроба моего; и думаю, что каждый солдатъ, слышавшій эти слова, хотѣлъ бы дольше постоять грудью своей за Родину и пролить послѣднюю каплю крови за **Вѣру, Царя и Отечество**, или же вмѣстѣ помереть съ такимъ начальникомъ, какъ штабсъ-капитанъ Борейша.

Слова нашего ротнаго командира звучали какъ „органы". „Братцы, говорилъ онъ, наконецъ то пришло то время, когда на насъ смотритъ и надѣется не только нашъ **Отецъ-Государь**, но и вся Россія, даже весь міръ. Отцы, матери, жены, дѣти наши умоляютъ Господа Бога, чтобы онъ послалъ намъ побѣду надъ нашимъ коварнымъ врагомъ. Мы же, братцы, послѣдуемъ примѣру своихъ предковъ, которые заслужили и себѣ славу, и нашему Отечеству. Не посрамимъ же, братцы, славы, заслуженной нашими предками, чтобы не совѣстно было встрѣтиться съ ними, быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ, а можетъ быть и секундъ. Не посрамимъ же русскаго оружія, постоимъ грудью своей за Вѣру Православную и не дадимся живыми врагу въ руки; а если ляжемъ костьми на полѣ брани, то какъ сказано въ священномъ писаніи „мертвые сраму не имутъ".

Слова эти, я думаю, запали глубоко въ душу каждаго солдата, и каждый изъ насъ стремился оправдать ихъ на дѣлѣ; каждому хотѣлось итти туда, куда прикажетъ намъ нашъ ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Борейша. Всѣ были готовы всегда слушать его слова, но не всѣмъ была одна участь....

Отбивъ четвертую атаку и, ободрившись словами ротнаго командира, каждый солдатъ вздохнулъ свободнѣй. Но не прошло и 15 минутъ, какъ японцы вновь, въ пятый разъ пошли на насъ въ атаку. Японская батарея вновь открыла по насъ жестокій огонь. Японская пѣхота, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, шла въ атаку стройно и смѣло, стрѣляя на ходу. Она уже приблизилась къ намъ не болѣе, какъ на 300 шаговъ.

Но и наша батарея во-время ее замѣтила и открыла по ней такой убійственный огонь, что японцы сразу пріостановились и дальше не пошли. Такимъ образомъ, и выходитъ, что благодаря нашей батареѣ [1]), мы удержались на своей позиціи. Послѣ этого, наша батарея открыла сильнѣйшій огонь по японской батареѣ и вскорѣ заставила ее замолчать.

Тогда штабсъ-капитанъ Борейша, обратившись къ намъ, сказалъ: „Братцы, вотъ видите, наша батарея заставила японскую батарею замолчать, а японскую пѣхоту пріостановить свою атаку".

Но, не успѣлъ онъ намъ это сказать, какъ, вдругъ, сразу, какъ скошенный снопъ, упалъ на землю. „Ну", подумалъ я, „Царство небесное герою, нашему ротному командиру; навѣрное онъ уже умеръ".

Но, слава Богу, я ошибся.

Когда я подбѣжалъ къ нему, то увидѣлъ, что пуля попала въ шею на вылетъ. Кровь изъ раны лилась ручьями. Онъ лежалъ безъ чувствъ. Хотя я и подумалъ, что онъ черезъ нѣсколько минутъ долженъ неминуемо умереть, но тѣмъ не менѣе, все же, сдѣлалъ ему перевязку, какъ могъ. Скоро теченіе крови пріостановилось и черезъ нѣсколько секундъ, онъ, шевеля губами, страшно захрипѣлъ. Было очевидно, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но голосовыя его связки были перебиты. Затѣмъ онъ черезъ минуту опять лишился чувствъ; но черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя.

„Ну, слава Богу", подумалъ я, „навѣрное онъ будетъ живъ."

Поправивъ перевязку, я позвалъ четырехъ человѣкъ для относа на рукахъ нашего почти мертваго ротнаго командира на перевязочный пунктъ.

Ой, какъ тяжело было мнѣ смотрѣть тогда на своего любимаго ротнаго командира-героя, покидавшаго насъ, быть можетъ, навсегда.

Больше мнѣ не пришлось видѣть штабсъ-капитана Борейшу. Но, тѣ же солдаты, которые его относили на перевязочный пунктъ, разсказывали мнѣ потомъ, что, когда пронесли его немного, онъ началъ приходить въ себя и знаками сталъ показывать, чтобы ему дали пить. Когда же на первомъ перевязочномъ пунктѣ ему сдѣлали перевязку и дали стаканъ краснаго вина, то онъ уже хотѣлъ, чтобы его солдаты вели обратно на позицію; но силы ему измѣнили...

---

[1]) Покойнаго Покотилова.

Тогда онъ приказалъ тремъ солдатамъ вернуться на позицію, а съ однимъ солдатомъ, который его поддерживалъ, ушелъ въ госпиталь.

Японцы огнемъ нашей батареи и нашими ружейными залпами были обращены въ бѣгство. Но черезъ полчаса они, получивъ подкрѣпленіе [1]), повели на насъ шестую атаку.

Намъ теперь стало тяжело; теперь уже у насъ некому было распоряжаться и ободрить солдатъ. Мы были предоставлены самимъ себѣ.

Въ это время я спросилъ у солдатъ: „гдѣ же нашъ фельдфебель?“ Мнѣ отвѣтили, что онъ уже давно раненъ и его увели на перевязочный пунктъ. Тогда я пришелъ ко взводному командиру 1-го взвода, старшему унтеръ-офицеру **Сороченко**, и сказалъ: „такъ какъ ты старшій по службѣ, то и принимай командованіе ротой“ (полуротныхъ командировъ у насъ не было). Сороченко согласился и передалъ по всей цѣпи, чтобы всѣ слушали его команду. Онъ сейчасъ же приказалъ моему отдѣленному, младшему унтеръ-офицеру **Семенову**, командовать 1-мъ взводомъ.

Но не прошло и четверти часа, какъ онъ былъ сильно раненъ въ руку. Уходя на перевязочный пунктъ, онъ мнѣ сказалъ **„оставайся, братъ, ты, Шепель, на позиціи и не отдавай ее пока будешь живъ“**.

Когда онъ ушелъ, я приказалъ одному стрѣлку командовать моимъ взводомъ, а самъ, обойдя всю цѣпь, тоже предупредилъ всѣхъ стрѣлковъ, что теперь я командую ротой.

Японцы въ это время изъ оврага сильно насъ обстрѣливали, отчего убыль въ ротѣ шла значительная.

Принявъ командованіе ротой, я послалъ моментально за патронами, а затѣмъ написалъ слѣдующее донесеніе командиру баталіона: [2]) *„Доношу Вашему Высокоблагородію, что на позиціи подъ Цофантуномъ на участкѣ 6-й Восточно-Сибирской Стрѣлковой дивизіи, гдѣ по Вашему приказанію заняла 5 рота, съ 7 часовъ утра выбыло изъ строя: ротнаго командира штабсъ-капитана Борейши, фельдфебеля, я принялъ командованіе ротой, въ которой осталось не болѣе 50 человѣкъ изъ наличнаго состава 180 человѣкъ. Бой продолжается подъ моей командой, рота отбила 5 атакъ, убыль идетъ ижеминутно громадная. Закрытія нѣтъ никакого. О вышеизложенномъ прошу Вашего распоряженія выслать намъ подкрѣпленіе и ротнаго командира. 17 Августа 1904 года. Ст. Ун.-Оф. Д. Шепель.“*

---

[1]) 39-й резервный полкъ и двѣ роты 20-го пѣх. полка,—тамъ же.

[2]) Сохраняю орѳографію.

Въ это время мы вошли въ связь съ 6-й ротой. Въ ней тоже уже не было офицеровъ и ротою командовалъ фельдфебель **Иващенко.**

Такъ какъ 5-я и 6-я роты занимали одинъ боевой участокъ, моя же рота была нѣсколько впереди 6-й роты, то всѣ нужныя распоряженія, для защиты нашего участка, мнѣ пришлось дѣлать самому. Я заботился о пополненіи патроновъ, о выставленіи необходимой охраны для обѣихъ ротъ, а также и о присылкѣ подкрѣпленій, безъ которыхъ, какъ моя 5-я, такъ и 6-я роты долго держаться не могли.

Японцы все ближе и ближе подползали къ намъ. Они уже находились подъ самымъ склономъ горы, на которой мы лежали. Намъ стрѣлять по нимъ лежа было неудобно, пули летѣли черезъ ихъ головы; поэтому мы стрѣляли въ нихъ, кто стоя, кто съ колѣна, кто лежа, несмотря на то, что пули градомъ сыпались на насъ. Вотъ, здѣсь то убыль у насъ пошла самая сильная. Но, японцы все-же не рѣшались броситься на насъ въ штыки.

Черезъ полчаса прибылъ ко мнѣ стрѣлокъ **Евтуховичъ**, котораго я посылалъ съ донесеніемъ къ командиру баталіона, и доложилъ мнѣ, что командиръ баталіона приказалъ ему такъ передать: что „тотъ **унтеръ-офицеръ**, который принялъ командованіе ротой, пусть ею и командуетъ. А подкрѣпленія самъ не могу дать, но во всякомъ случаѣ постараюсь и, быть можетъ, пришлю“.

Но, эти желанныя подкрѣпленія не приходили. Японцы же все ближе и ближе пробирались къ намъ и ихъ становилось все больше и больше. Они лежали передъ нашимъ фронтомъ и правымъ флангомъ. Передъ 6-й ротой тоже собралось ихъ много. Всѣхъ ихъ было, быть можетъ, до 2-хъ тысячъ.

Я уже не понималъ, почему они медлятъ съ атакой; не бросаются на насъ въ штыки.

Мы стрѣляли уже медленно и думали о штыковой работѣ. Жутко становилось на сердцѣ. Казалось, огнемъ мы ихъ не задержимъ.

Тогда я вторично послалъ просить помощи уже словесно стрѣлка **Накоренкова**. Но, какъ только стрѣлокъ Накоренковъ ушелъ съ этою просьбою, къ намъ подошла 13-я рота **Бугульминскаго** полка. Рота эта стала за нами. Люди этой роты, еще не бывавшіе въ бояхъ и даже, можно сказать, не нюхавшіе японскаго пороха, да и въ добавокъ почти всѣ запасные, въ полномъ безпорядкѣ толпились другъ къ другу. Японцы замѣтили это и

На позиціи подъ Цофантуномъ.

„Мы стрѣляли въ нихъ, кто стоя, кто лежа, кто съ колѣна, несмотря на то, что пули градомъ сыпались на насъ“.
(Изъ реляціи Генерала Данилова).

открыли по нимъ сильнѣйшій огонь. Въ толпѣ Бугульминцевъ моментально начали падать убитые и раненые. Тогда Бугульминцы, видя сами, что они въ „полномъ безпорядкѣ", обнаруживаютъ себя и даютъ хорошую цѣль японцамъ, разсыпались въ цѣпь и стали искать на нашей позиціи хотя какое нибудь закрытіе отъ вражескихъ пуль. Но закрытія они не нашли и, попросту, залегли вмѣстѣ съ нами. Японцы, замѣтивъ подходившихъ къ намъ Бугульминцевъ, пріостановили свое наступленіе и даже отползли нѣсколько назадъ.

Намъ стало легче.

Спустя нѣсколько минутъ командиръ Бугульминской роты подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „кто у васъ ротный командиръ".

Я отвѣтилъ, что „ротный командиръ давно уже раненъ, а въ командованіе ротой вступилъ я". Тогда онъ мнѣ сказалъ, чтобы я передалъ своимъ стрѣлкамъ, что онъ принимаетъ начальство и надъ нашей ротой. Я тотчасъ же это исполнилъ.

Японцы вновь стали продвигаться къ намъ, а японская батарея опять начала обстрѣливать нашу позицію. Ротный командиръ Бугульминской роты вскорѣ сказалъ мнѣ: „оставайся, братецъ, ты здѣсь, а я пойду къ своему резерву распорядиться".

Въ резервѣ былъ 4-й взводъ Бугульминской роты. Онъ располагался въ оврагѣ за серединой роты. Вмѣсто себя въ цѣпь ротный командиръ прислалъ своего младшаго офицера; но этотъ офицеръ, не дойдя до насъ шаговъ двадцать, былъ раненъ въ руку и ушелъ на перевязочный пунктъ. И опять мы остались въ цѣпи одни безъ офицеровъ.

День клонился къ вечеру, а бой не только не утихалъ, но даже еще больше разгорался.

Японцы настойчиво вели атаку за атакой. Сначала я считалъ сколько было этихъ атакъ, а затѣмъ потерялъ счетъ имъ. Японцы подползали къ намъ шаговъ на 50, но ближе, благодаря нашему сильному огню, продвинуться не могли. Мы уже ясно различали ихъ лица и могли громко разговаривать съ ними. Особенно ясно были слышны ихъ команды.

Мы стрѣляли безпрерывно то частымъ огнемъ, то залпами. Стволы винтовокъ раскалились. Часто гильзы засѣдали въ патронникѣ. Затворы засорялись отъ песку. Но когда свое ружье дѣйствовало неисправно, стрѣлки брали ружья своихъ раненыхъ и убитыхъ товарищей и продолжали стрѣльбу. Японцы, по нашему частому огню, навѣрно, поняли, что насъ такъ просто не возьмешь, хотя насъ осталось уже мало. А можетъ быть, попросту, они ожидали что мы сами бросимъ ввѣренную намъ

начальствомъ позицію. Тогда они займутъ ее и безъ штыковой атаки. Они вновь стали насъ сильно обстрѣливать орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ. Теперь у насъ пошла еще сильнѣе убыль и не только въ цѣпи, но и въ резервѣ.

Командиръ Бугульминской роты, видя, что и въ резервѣ нѣтъ спасенія отъ непріятельскихъ пуль, самъ привелъ въ цѣпь и 4-й взводъ. Но, вслѣдствіе сильнаго непріятельскаго огня, онъ скоро приказалъ намъ передвинуться влѣво.

Но я былъ убѣжденъ, что, если мы отсюда уйдемъ, то японцы займутъ нашу позицію, и тогда могутъ намъ сказать, что японцы насъ выбили съ нашей позиціи, уже обагренной кровью многихъ стрѣлковъ. Никто тогда, быть можетъ, и не захочетъ понять, что передъ нами были цѣлые японскіе баталіоны, а можетъ быть и полки. Поэтому, я обратился къ ротному командиру Бугульминской роты съ просьбою—на всякій случай сказать мнѣ его фамилію. На что онъ мнѣ и отвѣтилъ: „Чинъ и фамилія моя **Штабсъ-Капитанъ Суржковъ**“.

Флагъ начальника 6-ой Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіи генер.-маіора Данилова [1]).

Послѣ этого, я вновь почтительно просилъ его, чтобы онъ разрѣшилъ намъ, стрѣлкамъ, остаться на своихъ мѣстахъ, иначе японцы возьмутъ нашу позицію. Онъ согласился, но приказалъ остаться на позиціи только намъ, стрѣлкамъ, какъ хорошо примѣнившимся къ мѣстности. Своихъ же людей онъ перевелъ влѣво отъ насъ къ 6-й ротѣ, гдѣ было нѣсколько тише.

Когда Бугульминцы ушли и мы остались вновь одни, ко мнѣ подползъ стрѣлокъ **Накоренковъ** и сказалъ: „Генералъ намъ выслалъ на помощь цѣлый баталіонъ 18-го полка“ [2]).

Я перекрестился.

Генералъ этотъ, какъ потомъ мы узнали, былъ Начальникъ 6-й Восточно-Сибирской Стрѣлковой дивизіи, **Генералъ-Маіоръ**

---

[1]) „Имѣетъ 8 шрапнельныхъ пробоинъ, полученныхъ подъ Кудязой“. Флагъ держитъ ординарецъ генерала унт.-оф. Басаргинъ. Лѣтопись войны съ Японіей; стр. 1403.

[2]) Тамъ же.

Даниловъ. Мы же сами были 3-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи. Дѣйствительно, **баталіонъ 18-го полка** цѣпью подходилъ къ намъ на помощь.

Съ приходомъ его, мы вздохнули свободнѣй. Теперь мы твердо надѣялись устоять на своемъ мѣстѣ.

Темнѣло. Бой мало по малу затихалъ. Мы теперь были рады, что отбили всѣ атаки японцевъ; доказательствомъ чего служили цѣлыя груды ихъ тѣлъ, лежавшія передъ нами. Труповъ было, навѣрно, болѣе пятисотъ.

Между нами появились уже такіе смѣльчаки, какъ стрѣлокъ **Курейшикъ**, который ходилъ по нашей позиціи и, разглаживая свою большую черную бороду, разыгрывалъ изъ себя генерала, одержавшаго побѣду. Японцы въ него стрѣляли сильно, но ни одна пуля въ него не попала. За всю войну онъ не былъ ни разу раненъ и ушелъ на родину, въ свою Полтавскую губернію, съ двумя Георгіевскими крестами.

Вечеромъ на позицію пріѣхалъ самъ **Генералъ Даниловъ**. Онъ громко поздоровался съ нами и сказалъ: „Братцы, мы, вотъ, здѣсь деремся съ врагомъ, но во всякое время можемъ получить помощь, а то даже, если силы наши истощатся и высшее начальство прикажетъ, то мы во всякое время можемъ оставить и это мѣсто и перейти на другое. Но, вотъ, не такова участь нашихъ товарищей, которые находятся въ крѣпости Портъ-Артурѣ. Они не могутъ получить помощи ни съ суши, ни съ моря, ни оставить своего мѣста или перейти на другое. Они чуть не каждый день отбиваютъ страшныя японскія атаки. Вотъ и сегодня Командующій арміей получилъ телеграмму, что всѣ атаки они отбили; и они клянутся, что до тѣхъ поръ не отдадутъ крѣпости, пока не съѣдятъ послѣдняго сапога. Да поможетъ и укрѣпитъ ихъ Господь Богъ. УРА!“

Солдаты, ободренные генераломъ, съ восторгомъ крикнули русское громкое ура.

Послѣ этого **генералъ Даниловъ** попросилъ къ себѣ ротныхъ командировъ. Пошелъ и я. Увидя меня, генералъ спросилъ: „что тебѣ нужно?“

Я отвѣтилъ, что **„я остался за ротнаго командира, такъ какъ командиръ и фельдфебель были ранены. Я принялъ командованіе ротой и, хотя она въ настоящее время почти вся разбита, но мы, стрѣлки, исполнили долгъ святой присяги; не отдали японцамъ нашу позицію, оставались и остаемся на своемъ мѣстѣ: ждемъ, что намъ прикажутъ дѣлать дальше“**.

„Такъ это ты прислалъ солдатика ко мнѣ за помощью“, спросилъ генералъ.

„Такъ точно, Ваше Превосходительство“, отвѣтилъ я.

,,Господа“, обратился тогда Генералъ къ г. г. офицерамъ, ,,этого унтеръ-офицера я цѣлую и благодарю. Онъ достоинъ этого и я его не забуду никогда [1])“. Тутъ же онъ приказалъ своему адъютанту записать мою фамилію и поздравилъ меня со Знакомъ Отличія Военнаго Ордена Святого Георгія [2]). Затѣмъ онъ приказалъ мнѣ итти на свое мѣсто.

Было совсѣмъ темно.

Придя къ ротѣ, я приказалъ каждому солдату запастись по цинковой коробкѣ патроновъ, рыть окопы и ждать ночной атаки со стороны японцевъ. Впередъ я выслалъ секретъ изъ трехъ человѣкъ. Японцы теперь отошли отъ насъ шаговъ на 300—400.

Ночныя атаки.

Около 12 часовъ ночи ко мнѣ прибѣжалъ солдатикъ изъ секрета и сказалъ: ,,Японцы наступаютъ“. Тогда я приказалъ бросить рыть окопы и приготовиться встрѣтить ихъ огнемъ. Но, не успѣлъ я сдѣлать всѣхъ нужныхъ распоряженій, какъ вдругъ японцы побѣжали на насъ и на баталіонъ 18-го полка, съ крикомъ ,,банзай“.

Въ темнотѣ никого почти не было видно, но только былъ слышенъ японскій визгливый крикъ и ихъ команды. Мы молча выжидали.

Каждый обратился къ Господу Богу, быть можетъ, съ послѣдней молитвой.

Но, вотъ, японцы рѣзче обрисовались въ ночной темнотѣ; впереди всѣхъ бѣжалъ съ шашкой на-голо офицеръ. Тогда мы открыли по нимъ такой частый, убійственный огонь, что трескотня отъ него до сихъ поръ стоитъ въ моихъ ушахъ.

Японцы, навѣрно, разсчитывали захватить насъ врасплохъ, но они ошиблись. Нашъ свинцовый дождь пуль остановилъ ихъ

---

[1]) И не забылъ, какъ мы увидимъ потомъ.

[2]) Св. Георгія Шепель, какъ мы увидимъ потомъ, за это дѣло получилъ черезъ семь лѣтъ.

и заставилъ ихъ снова отбѣжать въ свои окопы и открыть безпорядочный огонь.

Но намъ теперь не страшенъ былъ ихъ огонь, мы уже привыкли къ нему. Мы жалѣли только объ одномъ: намъ за темнотою ночи не было видно, какъ японцы падали отъ нашихъ пуль. Но за то утромъ мы увидѣли, что передъ нашими окопами валялось болѣе сотни новыхъ японскихъ тѣлъ.

Отбивъ и эту ночную атаку, мы продолжали рыть окопы, единственное наше спасеніе отъ непріятельскихъ пуль. Грунтъ

земли былъ настолько твердъ, что мы могли къ утру вырыть окопы только „съ колѣна.“

Но не успѣли мы закончить окопы, какъ японцы вновь двинулись на насъ въ атаку. Очевидно, теперь уже они окончательно рѣшили, во что бы то ни стало, взять нашу позицію.

Японцы храбро двинулись на насъ въ атаку черезъ груды

своихъ тѣлъ. Опять впереди солдатъ быстро бѣжалъ все тотъ же японскій офицеръ.

Въ это время мы поступили въ распоряженіе командира баталіона 18-го полка. Онъ приказалъ намъ огня не открывать, до тѣхъ поръ,—пока японцы не подойдутъ къ намъ на 200 шаговъ. Мы въ точности исполнили это приказаніе. И когда японцы подошли къ намъ на 200 шаговъ, то мы открыли такой частый, убійственный огонь, что японцы, вскрикнувъ „банзай", моментально смолкли, залегли и открыли по насъ огонь.

Атака японцевъ не удалась.

Вправо отъ насъ мы слышали крики „ура"; очевидно, части 18-го полка пошли въ штыки на японцевъ.

Огонь японцевъ теперь не приносилъ намъ вреда; мы уже были скрыты въ окопахъ и пули летѣли черезъ наши головы.

Такая перестрѣлка продолжалась не болѣе четверти часа, затѣмъ все стихло и въ ночной тишинѣ были слышны только стоны и шумъ съ японской стороны.

Теперь мы, стрѣлки, вздохнули свободнѣй и сказали другъ другу: „Ну, навѣрно, японцы не покажутъ своего носа и завтра".

Но, въ общемъ, японцы мало смутились своей неудачей;— ужъ таковъ ихъ былъ упрямый характеръ. Они отошли шаговъ на 600 назадъ, заняли небольшую гору и, вырывъ на ней окопы, съ разсвѣтомъ открыли по насъ огонь.

Патроновъ они не жалѣли. Они разстрѣливали ихъ въ какой-нибудь часъ, казалось, цѣлыми тысячами.

Откуда они брали столько патроновъ въ бою, намъ было прямо не понятно. Намъ казалось, что одна ихъ армія стрѣляла, другая, не меньше ей, подносила ей патроны, а третья, самая большая, въ Японіи спѣшно приготовляла патроны и отправляла ихъ на театръ войны.

18-ое августа.

18-ое число у насъ прошло въ бездѣльной перестрѣлкѣ. За этотъ день, благодаря окопамъ, потери у насъ были небольшія. Въ ротахъ же 18-го полка, не успѣвшихъ еще построить окопы,

ежеминутно шла такая убыль, что не успѣвали убирать раненыхъ, не говоря уже объ убитыхъ...

Убитые тутъ же валялись въ гаолянѣ; никто на нихъ не обращалъ вниманія. Теперь оставшіеся въ живыхъ забывали, что это лежатъ ихъ товарищи, съ которыми они полчаса тому назадъ или того менѣе вмѣстѣ лежали, стрѣляли, вели веселый разговоръ и подшучивали другъ надъ другомъ.

Теперь они такъ же,какъ и раньше, продолжали свою работу — стрѣльбу и рытье окоповъ.

Но, посмотришь на раненыхъ и убитыхъ и удивишься: одинъ лежитъ съ окровавленнымъ лицомъ, другой съ разбитымъ черепомъ и т. д.

И, кажется, что, если бы пришла его мать или жена, то она не нашла бы и не узнала бы своего сына или мужа.

Невольно сжимались сердца тѣхъ, которые еще смотрѣли на жалкіе трупы, и каждый думалъ: „что, вотъ, быть можетъ, черезъ минуту и того менѣе я буду такъ же лежать, какъ тотъ убитый, съ полнымъ ртомъ и носомъ песку; но, дай Боже, при жизни не отдать своей позиціи врагу“.

Каждый изъ насъ хотѣлъ предать землѣ трупы вѣрныхъ сыновъ нашей Родины. Но что же сдѣлаешь,—служба не дозволяла оставить свой постъ.. Нужно было быть каждому на своей позиціи и защищать ее до послѣдней капли крови.

Дѣйствительно, некогда было думать о тѣхъ, которые уже закончили свой тяжелый жизненный путь и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнили долгъ святой присяги. Они ушли теперь въ другой небесный міръ, и Самъ Господь о нихъ позаботится. Но и мы, оставшіеся въ живыхъ, слѣдуя ихъ примѣру, не отдали врагу позиціи, которая была обагрена ихъ кровью.

Казалось, что наши стрѣлки, въ душѣ, говорили другъ другу: „мы не уйдемъ отсюда, пока будетъ живъ хотя одинъ человѣкъ изъ насъ“.

Около 4-хъ часовъ дня на позицію вновь пріѣхалъ **генералъ Даниловъ**. Онъ поздоровался съ нами и поблагодарилъ насъ за службу. Затѣмъ приказалъ мнѣ вести остатокъ роты въ свой полкъ.

Собравъ ружья убитыхъ и раненыхъ столько, сколько мы могли ихъ взять, я съ остаткомъ роты въ 26 человѣкъ отправился въ свой полкъ.

Около 4—5 час. дня я явился въ полкъ съ кучкой героевъ. Когда мы подходили къ полку, насъ встрѣтилъ командиръ баталіона, подполковникъ **Гильбихъ**, полковой адъютантъ, пору-

чикъ **Васильевъ**, и многіе изъ г. г. офицеровъ полка. Они разспрашивали меня о боѣ и вообще обо всемъ, что съ нами случилось.

Всѣ удивлялись намъ. Благодарили меня и, несмотря на то, что я нижній чинъ, каждый изъ г. г. офицеровъ подавалъ мнѣ руку и поздравлялъ меня какъ бы съ побѣдой. Но командиръ полка почти не обратилъ на меня вниманія. Быть можетъ, онъ былъ въ это время занятъ болѣе важнымъ предстоящимъ дѣломъ, чѣмъ мое уже прошлое.

Но зато, какъ дорого намъ было потомъ узнать отъ полкового адъютанта, поручика **Васильева**, что самъ генералъ **Даниловъ**, бывшій очевидцемъ этого горячаго боя, запечатлѣлъ нашъ подвигъ своей реляціей. Копію съ этой реляціи мнѣ выдали изъ полка. Вотъ я и привожу ее здѣсь. Это самый дорогой документъ въ моей жизни.

Реляція генерала Данилова.

Копія съ реляціи.

Начальника 6 Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, генералъ-маіора **Данилова** о подвигахъ чиновъ **5 и 6 ротъ 9-го Восточно-Сибирскаго** стрѣлковаго полка, въ бояхъ 17 и 18 Августа 1904 года подъ городомъ Ляояномъ.

Свидѣтельствую по чистой совѣсти, по всей силѣ правды, что означенные въ семъ спискѣ 26 человѣкъ—кучка оставшихся людей отъ 5 роты, послѣ боя 17 и 18 Августа подъ Цофантуномъ.

Наиболѣе пострадала въ этой геройской оборонѣ **5 рота 9 полка**, присланная мнѣ на помощь въ 7 часовъ утра 17 Августа, и сейчасъ же вмѣстѣ съ 6 ротой этого же полка были направлены на мой лѣвый флангъ, гдѣ оставался промежутокъ и куда японцы направили главный ударъ. Роты эти сразу бросились на ура и заняли свои позиціи, отбросивъ японцевъ въ гаолянъ, но они получили подмогу, окружили эти роты, и непрерывно то съ фланговъ, то съ фронта, производили атаки.

Стрѣлокъ Накоренковъ проситъ помощи у генерала Данилова:

„Ваше Превосходительство, помогите! Мы ихъ все залпами, а они все лѣзутъ, никакъ отбиться не можемъ“.

Герой командиръ 5 роты штабсъ-капитанъ **Борейша** въ самомъ началѣ получилъ рану въ руку, а затѣмъ, при отбитіи одной атаки, получилъ рану навылетъ въ шею: перебиты голосовыя связки и теперь онъ возвратился въ полкъ, но, увы, на всю жизнь съ еле слышнымъ хриплымъ голосомъ. Всѣ офицеры и фельдфебеля перебиты.

Стрѣлокъ прибылъ ко мнѣ за помощью на позицію 3 батареи (покойнаго **Покотилова I**), гдѣ тоже было плохо.

„Ваше Превосходительство"!—не говорилъ, а кричалъ мнѣ какимъ то дикимъ голосомъ этотъ посланецъ. Не просилъ онъ меня, а требовалъ у меня помощи. Я сначала подумалъ, что онъ съ ума сошелъ, но потомъ поцѣловалъ его и немедленно далъ ему **баталіонъ 18 полка**, которому этотъ рядовой и былъ проводникомъ. Онъ кричалъ мнѣ слѣдующее: „Ваше Превосходительство, дайте помощи, въ нашихъ 9 полка 5-й и 6-й ротахъ всѣ офицеры перебиты, фельдфебеля и унтеръ-офицеры почти всѣ переранены. Меня послалъ унтеръ-офицеръ, принявшій командованіе 5-ю ротою. Насъ осталось совсѣмъ мало".

„Ваше Превосходительство, помогите. Мы ихъ все залпами, а они все лѣзутъ; никакъ отбиться не можемъ".

„Ваше Превосходительство, дайте намъ, ради Бога помощи".

Пишу и теперь у меня въ ушахъ раздается этотъ дикій, отчаянный крикъ посланца отъ кучки солдатъ, умѣющихъ и безъ офицеровъ такъ исполнять свято и вѣрно долгъ присяги. Вѣдь эти люди не моей дивизіи и мнѣ нѣтъ цѣли, уже по этому, преувеличивать ихъ заслуги.

Черезъ нѣсколько дней на походѣ, когда корпусный командиръ пропускалъ роты и хвалилъ ихъ, я просилъ разрѣшенія и мнѣ похвалить 5 и 6 роты 9 полка, но мнѣ удалось это только относительно небольшой кучки, оставшейся отъ 6-й роты, **5-я же рота исчезла**. Остатокъ ея въ 26 человѣкъ, израненныхъ и изнеможенныхъ, послали временно оправиться въ обозъ. Послѣдній разъ я видѣлъ этихъ героевъ, русскихъ богатырей, 18 Августа. Эта кучка продержалась на своемъ мѣстѣ **полутора сутокъ**, вырывъ подъ огнемъ себѣ окопъ. Я ихъ лично смѣнилъ. О томъ, что эти всѣ 26 человѣкъ должны быть награждены Св. Георгіемъ, я не только прошу, **но требую**. Я требую **какъ тотъ рядовой 5 роты, требовавшій у меня помощи**.

Подлинную подписалъ: Командующій 6 Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіей, Генералъ-майоръ ***Даниловъ***. 18 Декабря 1904 года, деревня Подзядзы.

Съ подлиннымъ вѣрно: Начальникъ Штаба, Генеральнаго Штаба Полковникъ *Одишелидзе.*

Свѣрялъ: Старшій Адъютантъ, Штабсъ-капитанъ *Смирновъ.*

Вѣрно: И. д. Полкового Адъютанта 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлков. полка, Поручикъ *Стадницкій.* [1])

Письмо Капитана Борейши.

17-го Августа рано утромъ нашъ 2-й баталіонъ, подъ командой Подполковника **Гильбиха**, получилъ приказаніе двинуться въ распоряженіе начальника 6 Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи. Подходя къ высотамъ у д. Цофантунь, мы были сильно обстрѣляны японцами и потеряли много ранеными. Скоро, 5 и 6-я роты были выдѣлены въ боевую часть, а 7-я и 8-я остались въ резервѣ. Затѣмъ, 5 и 6 ротѣ было приказано двинуться въ распоряженіе **командира 24 полка.** Былъ данъ провожатый. Мы двинулись. Я былъ старшимъ ротнымъ командиромъ, поэтому обѣ роты были подъ моей командой.

6-й ротой командовалъ поручикъ **Дорожинскій.** Мы, въ сомкнутомъ строю переваливались съ сопки на сопку. Подходя къ боевой **цѣпи 24 полка**, мы попали подъ артиллерійскій огонь.

У самой цѣпи съ биноклемъ въ рукахъ стоялъ командиръ 24 полка, полковникъ **Лечицкій.** Я ему явился. Онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ приказалъ мнѣ вести роты по-взводно рядами, а не сомкнутомъ строю. И это было правильно. Указавъ мѣсто непріятельскихъ батарей, полковникъ **Лечицкій** приказалъ мнѣ вести роты влѣво и немного впередъ отъ его полка. Онъ далъ намъ въ проводники горниста.

Теперь мы двигались кустарникомъ. Здѣсь случилось несчастье: провожатаго снарядомъ убило. Но что дѣлать?

Рѣшили роты остановить и отправить впередъ развѣдчиковъ на розыски позиціи. Скоро позиція была найдена. Мы направили къ ней людей ползкомъ на хребетъ и заняли позицію, которая оказалась какъ разъ вѣрной. Лѣвѣе насъ лежала буквально рота **покойниковъ 24-го полка.** Японцы уже заняли высоту, но

---

[1]) Здѣсь считаю своимъ долгомъ приложить письмо Капитана Борейши. Составъ.

мы бросились въ штыки и заставили ихъ податься назадъ въ оврагъ и на противоположную высоту.

Во время этой перестрѣлки я былъ раненъ въ мякоть руки. Рана была легкая; ощущеніе было такое, что, какъ будто-бы, меня кто то слегка по рукѣ ударилъ палкой. Изъ строя, конечно, выходить было совѣстно съ такимъ раненіемъ и я, разорвавъ рукавъ рубашки, приказалъ перевязать руку.

Въ это время ко мнѣ подошелъ командиръ 6 роты, поручикъ **Дорожинскій** и, закуривъ у меня папиросу, спросилъ высоту прицѣла. Затѣмъ онъ отошелъ къ своей ротѣ. Спустя минутъ десять, я спросилъ фельдфебеля: „гдѣ вашъ ротный?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: „ротный убитъ, пуля попала въ сердце“.

Такъ погибъ молодой, доблестный офицеръ, рвавшійся все время въ бой, поѣхавшій на войну по своему желанію съ 3-мъ баталіономъ.

Огонь въ это время усиливается и люди постепенно таютъ, убываютъ; убитыхъ десятки, раненыхъ масса.

Японцы обошли насъ съ праваго фланга. Трещатъ пулеметы. Но, несмотря на это, мои стрѣлки буквально вошли въ азартъ. Раненыхъ никто не выноситъ; оставшіеся въ живыхъ отбираютъ патроны у раненыхъ и убитыхъ. Я хожу по цѣпи и предупреждаю людей, что какъ только японцы подойдутъ къ намъ, тогда мы бросимся на „ура“ и въ штыки. Я пишу донесеніе о патронахъ. Подходятъ охотники **12 Восточно-Сибирскаго** стрѣлковаго полка. Убыль ежеминутно растетъ.

Стрѣлки, забывъ о всякомъ прикрытіи себя, становятся во весь ростъ и стрѣляютъ по японцамъ, подбирающимся къ нашей крутой горѣ. Приходится ихъ останавливать. Но и у самого невольно забывается всякій страхъ и сознаніе опасности, возникаетъ желаніе дѣйствовать и дѣйствовать безъ конца.

Японцы выползаютъ изъ гаоляна, ихъ цѣпи видны какъ мишени. Видны результаты нашихъ попаданій; много труповъ. Слышу японскія команды, а иногда и ломанныя по-русски—„рота, пли“.

Видя передъ собою груды японскихъ тѣлъ, мы чувствуемъ удовлетвореніе.

Мой фельдфебель **Дзюбенко**, тяжело раненный въ правое плечо, выбылъ изъ строя и его замѣнилъ унтеръ-офицеръ **Шепель**. Онъ все время бѣгалъ по цѣпи, передавая мои приказанія и давая указанія стрѣлкамъ, забывъ про свою собственную безопасность.

Вдругъ, я почувствовалъ, что что то меня ударило, и я

упалъ, потерявъ сознаніе. Очнулся я въ канавѣ. Оказалось, что я былъ раненъ навылетъ въ шею. Стрѣлки приняли меня сначала за мертваго, но потомъ, по слабымъ признакамъ жизни, заключили, что я живъ; обмотали шею полотенцами, сдѣлали изъ-ружей и палатокъ носилки и понесли на перевязочный пунктъ. Но дорогой одинъ изъ носильщиковъ былъ раненъ въ ногу и упалъ; отъ этого и меня уронили въ канаву...

Благополучно достигнувъ Ляояна, а затѣмъ и Харбина, я узналъ о дальнѣйшей судьбѣ 5 роты и порадовался душой, что моя рота и 6-я выполнили свято присягу.

Послѣ этого, вернувшись въ строй я уже принялъ другую роту.

Судьба 5-ой роты была такова, что она ни разу не была въ резервѣ, а все время въ самыхъ жаркихъ бояхъ.

О сибирскихъ стрѣлкахъ давали лестные отзывы, какъ русскіе, такъ и иностранцы, отдавали должное даже и враги наши японцы. Причина въ этомъ кроется въ сплоченности офицерскаго состава и товарищества, которое было еще до войны, и которое передавалось и нижнимъ чинамъ; между ними и офицерами была самая тѣсная внутренняя связь.

По справедливости, вся та честь этого боя, которая принадлежитъ 5 ротѣ, **принадлежитъ и 6-й**, которая была съ ней рядомъ и потеряла 2-хъ ротныхъ командировъ: раненъ Капитанъ **Скороткевичъ**, убитъ поручикъ **Дорожинскій**.

Борейша.

Отступленіе отъ Ляояна.

Генералу **Данилову** насъ, дѣйствительно, не пришлось видѣть, такъ какъ насъ отправили для прикрытія обоза 1-го разряда.

Не успѣли мы подняться со своихъ мѣстъ, какъ къ намъ подъѣхала походная кухня. Солдаты съ жадностью набросились на нее, стремясь захватить возможно больше пищи; но оказалось, что и безъ этого стремленія супу и порцій было болѣе, чѣмъ нужно: обѣдъ готовился на всю роту,—на 180 человѣкъ, а обѣдать пришло только 26.

У самого у меня въ это время сильно болѣла грудь, такъ какъ одинъ изъ осколковъ шрапнели на позиціи ударилъ меня въ грудь такъ сильно, что я упалъ навзничь и думалъ, что

больше ужъ никогда не встану, но, поднявшись черезъ полчаса, я увидѣлъ, что все это не такъ ужъ страшно, какъ сначала показалось.

Унтеръ-офицеру **Михайлову** оторвало ногу. Моему отдѣленному, младшему унтеръ-офицеру **Семенову**, прострѣлили четырьмя пулями фуражку и восьми пулями рубашку. Самъ же онъ былъ только легко раненъ въ руку. Взводный 4-го взвода, старшій унтеръ-офицеръ **Лукъяненко**, былъ раненъ въ руку.

Изъ четырехъ взводныхъ унтеръ-офицеровъ остался въ строю только я одинъ. Господь спасъ меня на этотъ разъ.

День уже клонился къ вечеру, но бой на позиціяхъ не утихалъ. Казалось, что ни ночь, ни день не могли заставить замолчать двухъ разъяренныхъ противниковъ, пока у нихъ были патроны и штыки.

Полкъ нашъ теперь былъ весь въ сборѣ и стоялъ въ резервѣ.

Около 9 часовъ вечера приказано было полку стать въ ружье. Въ это же самое время подошелъ къ ротѣ поручикъ **Ильинъ** и сказалъ мнѣ, что „онъ будетъ командовать ротой"; значитъ, мое командованіе ротой кончилось.

Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ, что командиръ полка скомандовалъ: „правое плечо впередъ, справо по-ротно, шагомъ маршъ".

И скоро мнѣ стало ясно, что мы отходимъ къ гор. Ляояну. Тяжело было оставлять эти мѣста, изъ за которыхъ мы пролили столько крови и потеряли многихъ товарищей. Я обернулся и посмотрѣлъ на горы, съ которыми мы уже свыклись и считали ихъ своими.

„Богъ знаетъ", подумалъ я, „придется ли мнѣ еще разъ въ нихъ побывать".

Утромъ мы вошли въ гор. Ляоянъ. Остановившись здѣсь на полчаса, мы тронулись дальше. Китайцы смотрѣли на насъ очень просто, но видно было, что они понимали, въ чемъ тутъ дѣло. Они чувствовали, что вслѣдъ за нами придутъ къ нимъ японцы.

Выйдя черезъ сѣверныя ворота города Ляояна, къ нашему полку присоединились **10-й и 12-й полки.** Такимъ образомъ, здѣсь собралась вся наша **3-я** Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія, кромѣ 11-го полка. Намъ было приказано стать на отдыхъ.

Но не успѣли мы поставить походныхъ палатокъ, какъ пріѣхалъ къ намъ Командующій арміей, генералъ-адъютантъ **Куропаткинъ.** Онъ поздоровался съ нами и, поблагодаривъ насъ за

службу, сказалъ: „Братцы, мы теперь показали, что достойны той славы, которую заслужили наши предки. Постоимъ же за Вѣру, Царя и Отечество. Быть можетъ, если Господь поможетъ, то этотъ послѣдній нашъ геройскій бой заставитъ нашего врага устрашиться и обратить свои силы назадъ".

Всѣ солдаты дружно отвѣтили: „Постараемся Ваше Высокопревосходительство".

Но вышло на дѣлѣ совсѣмъ другое: вмѣсто того, чтобы непріятель обратилъ свои силы назадъ, мы сами стали отходить назадъ.

Кто тутъ былъ виноватъ—не знаю. Быть можетъ, Господь такъ пожелалъ; но только говоритъ русская пословица: „Богъ то Богъ, да и самъ не будь плохъ".

Кто изъ насъ оплошалъ—мы не знали. А можетъ быть, такъ и надо было. Одни говорили, что генералъ **Куропаткинъ** рано отдалъ приказъ объ отступленіи; другіе говорили, что онъ такъ сдѣлалъ, чтобы дальше затянуть японцевъ; словомъ, не только нижніе чины, но и г. г. офицеры не знали, почему нужно было отступать.

Но наши полки не были разбиты. Они желали сразиться съ врагомъ, но видно не судьба была...

Когда Командующій арміей уѣхалъ отъ насъ, то около нашего бивака поднялся воздушный шаръ для наблюденія за движеніемъ непріятельскихъ колоннъ. Не прошло и четверти часа, какъ японцы замѣтили этотъ шаръ и открыли по немъ артиллерійскій огонь. Шрапнели сначала далеко рвались отъ шара, но когда японцы опредѣлили вѣрно прицѣлъ, то снаряды начали разрываться все ближе и ближе къ намъ. Шаръ перевели на другое мѣсто. Но пока его переводили, войскамъ, стоявшимъ здѣсь на бивакѣ, пришлось ни за что ни про что нести потери.

Весь день 19 августа японцы бомбардировали вокзалъ желѣзной дороги и всѣ русскія строенія. Съ первыми же выстрѣлами изъ Ляояна начали выѣзжать русскіе жители и весь коммерческій народъ:—корейцы, американцы и др.

Громадные обозы потянулись на сѣверъ. Солдаты, видя, что жители бросаютъ городъ и все то, что они не могутъ взять съ собой, бросились за добычей; но брали одно только съѣстное. Нѣсколько стрѣлковъ набрали булокъ, яблокъ, грушъ и дѣлились ими съ товарищами.

Нѣкоторымъ изъ нихъ эта даровая добыча не прошла даромъ—они поплатились за нее своей жизнью.

Дѣло было такъ. Нѣсколько стрѣлковъ зашли въ домъ,

чтобы поживиться въ немъ, но въ это время японскіе снаряды попали въ этотъ домъ; домъ былъ разрушенъ и зашедшіе въ него стрѣлки уже больше изъ него не возвращались: они нашли въ немъ свою могилу.

„Такая смерть хуже, чѣмъ на боевой позиціи“, говорили потомъ солдаты.

Съ наступленіемъ ночи орудійная стрѣльба притихла, только одно японское орудіе безпрерывно бомбардировало вокзалъ, какъ бы торопило насъ съ выходомъ изъ Ляояна. Около 12 час. ночи одинъ снарядъ попалъ въ патронный складъ, который моментально вспыхнулъ и патроны до самаго утра трещали, какъ горохъ въ стѣну. Они летѣли во всѣ стороны, но вреда намъ не приносили. Подойти же къ нимъ было нельзя.

Около 4-хъ часовъ утра было приказано начать переправу черезъ рѣку Тайдзыхе. Роту нашу назначили для прикрытія обоза 2-го разряда. Дороги не были распредѣлены между войсками и обозами. И вотъ, благодаря этому, 21 августа на узлу дорогъ скопилось много разнаго рода обозовъ, людей и даже батарей.

Японцы, видя это скопленіе народа и обоза, начали посылать намъ шрапнели одну за другой. Хотя эти шрапнели мало приносили намъ вреда, но въ обозахъ произошла паника. Но, слава Богу, все скоро успокоилось.

Въ обозѣ нашего полка набрался страху „вволю“ нашъ полковой священникъ.

Произошло это такъ. Когда нашъ обозъ остановился, священникъ слѣзъ съ лошади и сѣлъ на обочинѣ дороги, но, вдругъ, передъ нимъ падаетъ снарядъ; священникъ поднялся и отошелъ назадъ; но и другой снарядъ падаетъ передъ нимъ; опять священникъ бѣгомъ назадъ; какъ на грѣхъ и третій снарядъ падаетъ передъ священникомъ; тогда онъ снялъ шляпу и началъ креститься, затѣмъ отошелъ въ сторону въ гаолянъ; и уже вечеромъ только присоединился къ обозу.

Но, вотъ, опять японцы начали обстрѣливать нашъ обозъ. Теперь обозамъ нашимъ пришлось повернуть влѣво. Нашей ротѣ приходилось отъ обоза не отставать. Когда наша рота свернула влѣво, то сзади насъ стали догонять японскія гранаты (шимозы).

Вотъ, одна изъ нихъ, не разорвавшись, падаетъ подъ ноги нашему горнисту, взрываетъ передъ его ногами яму и горнистъ падаетъ прямо въ эту яму на гранату. Горнистъ остался цѣлъ и невредимъ. Тогда солдаты долго смѣялись передъ нимъ, и говорили, что „нашъ горнистъ ѣздилъ верхомъ на японской гранатѣ“.

Вечеромъ наша рота присоединилась къ полку, который уже расположился бивакомъ.

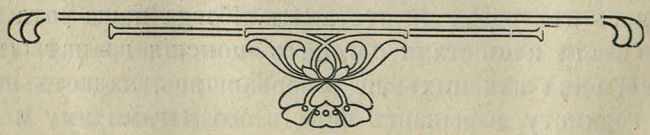
На другой день намъ опять было приказано итти за обозомъ. Дорога была страшно плохая. Повозки утопали въ грязи. Намъ часто приходилось вытаскивать изъ нея не только повозки, но даже лошадей. Много лошадей пало на этомъ переходѣ. Большое скопленіе обозовъ и плохая дорога не позволяли намъ быстро двигаться, и мы постепенно отставали отъ полка. Только 25 августа мы присоединились къ полку около Мукдена у Императорскихъ могилъ.

Въ общемъ, правду нужно сказать, въ обозѣ намъ было хуже, чѣмъ даже на позиціи:—мы, вытаскивая изъ грязи повозку за повозкой, выбились изъ силъ.

Въ Мукденѣ въ первый разъ къ намъ прибыли запасные нижніе чины. Въ нашу роту назначили 46 человѣкъ и рота снова ожила, имѣя въ своемъ составѣ теперь 72 человѣка.

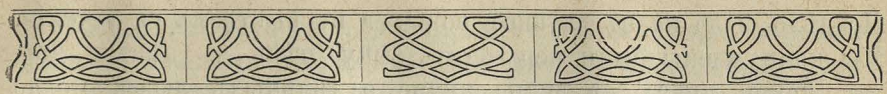
Въ это время я исполнялъ должность фельдфебеля. Полковой адъютантъ, поручикъ Васильевъ, приказалъ мнѣ представить реляцію боя своей роты подъ г. Ляояномъ. Я въ то время не зналъ, что означаетъ слово реляція, но когда, полковой адъютантъ мнѣ объяснилъ, какъ она пишется, я написалъ, что зналъ о геройскомъ дѣлѣ нашей роты 17-го и 18 августа, за что и получилъ отъ него благодарность. На второй день полкъ нашъ перешелъ изъ Мукдена въ Фушунъ. Здѣсь намъ приходилось ежедневно ходить на постройку укрѣпленій нашихъ будущихъ позицій. Скоро намъ надоѣло это занятіе и мы съ нетерпѣніемъ ждали боя.

Въ Фушунѣ въ нашу и 6-ю роты дали еще дѣйствительно-служащихъ стрѣлковъ по 3—5 изъ каждой роты полка. Теперь наша 5-я рота была по численности уже не меньше остальныхъ ротъ полка, но такъ какъ ее вновь сформировали, то старыхъ моихъ товарищей въ ней было уже мало.



Государь Императоръ обращается съ милостивыми словами къ подпрапорщику Шепелю.

Копіи воспрещаются. *12-го августа, 1911 г.*



Бой подъ Бенсиху.

Скоро наше желаніе исполнилось. 22 Сентября нашъ полкъ двинулся впередъ. Пройдя двое сутокъ, намъ прочитали приказъ Главнокомандующаго, Генералъ-адъютанта **Куропаткина**, о томъ, что наша армія переходитъ въ наступленіе. Помолившись Богу, мы тронулись дальше.

27 сентября вечеромъ мы пришли къ главной японской позиціи у д. Бенсиху. Здѣсь уже второй день шелъ упорный бой съ нашими передовыми частями. Японцы были сбиты съ передовыхъ позицій, но съ главной позиціи они и не думали уходить.

27-го мы заняли д. Каотайцзы.[1]) Въ этотъ же день наши войска атаковали высокую горы Лаутхалазу.

Утромъ 28 Сентября нашъ полкъ передвинули къ самому склону хребта, который занималъ Черноярскій пѣхотный полкъ.

Здѣсь мы получили отъ Начальника отряда, Генерала **Ренненкампфа**, слѣдующее приказаніе: „9-му полку итти на помощь Красноярскому полку". Красноярцы и Черноярцы уже вторыя сутки приступомъ брали хребетъ, который занимали японцы у дер. Бенсиху. Оба эти полка понесли громадныя потери, но горы Лаутхалазы взять не могли.

Согласно приказанія, нашъ полкъ двинулся впередъ. Подойдя къ рѣкѣ Тайдзыхе, мы впервые увидѣли генерала **Ренненкампфа**.

Это былъ боевой генералъ, высокаго роста, съ большими усами. Онъ сразу понравился стрѣлкамъ. Онъ поздоровался съ нами и поблагодарилъ насъ за скорый приходъ. Затѣмъ приказалъ намъ отдыхать на берегу рѣки до ночи, а ночью переправиться черезъ рѣку; днемъ же этого сдѣлать было нельзя, такъ какъ броды сильно обстрѣливались съ японской стороны.

Простоявъ на берегу рѣки часовъ до 9 вечера, мы двинулись къ рѣкѣ. Подойдя къ ней, мы раздѣлились, и связавъ всю аммуницію и одежду, надѣвъ ихъ на штыки, начали переправляться черезъ рѣку.

Рѣка хотя была и неглубока, но все же воды въ ней было много: большому человѣку выше пояса, а малому по-горло.

---

[1]) См. схему. № 6.

Но дѣло было не въ глубинѣ воды, а въ быстромъ ея теченіи. Мы принуждены были переходить рѣку цѣпь за цѣпью, держа другъ друга за руки, иначе отдѣльныхъ людей могло снести внизъ по теченію.

Но, вотъ, мы перешли и рѣку. Встряхнулись. Одѣлись, и разобрались по своимъ мѣстамъ. Двинулись впередъ. Скоро мы

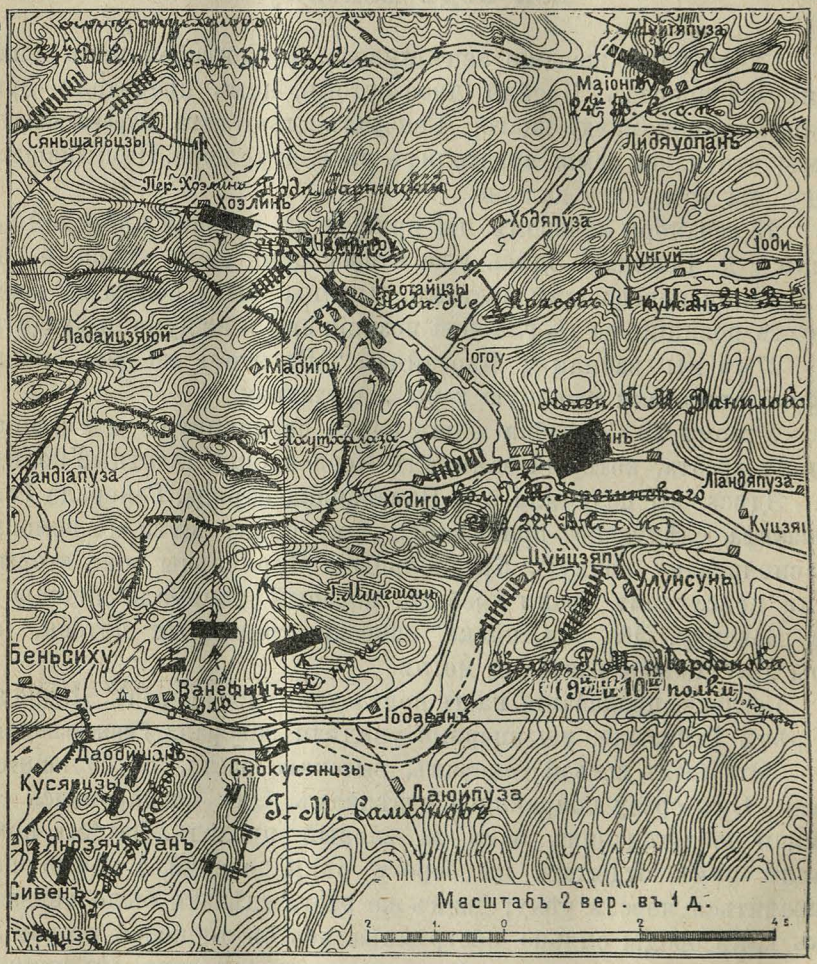


Схема № 6.

подошли къ цѣпи Черноярскаго полка, которая располагалась на высотахъ передъ горой Лаутхалазой. Простоявъ здѣсь не болѣе часа, намъ и Черноярцамъ приказано было двинуться къ подошвѣ Лѣсистой сопки [1]).

[1]) Оффиціальное описаніе войны; томъ 4, стр. 18.

Лѣсистая гора была очень высока. Намъ было приказано взять ее ночнымъ штурмомъ, тихо, безъ шуму и крику „ура“.

Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе. Говорятъ, что кто то изъ начальствующихъ лицъ, получивъ какое то приказаніе, зажегъ спичку, чтобы прочесть его. Но не успѣла спичка разгорѣться, какъ японцы открыли по насъ такую стрѣльбу, что у насъ въ темнотѣ произошло что-то ужасное. Нѣкоторыя роты съ крикомъ „ура“ бросились впередъ; другія попятились назадъ въ оврагъ; однѣ были уже на половинѣ горы, а другія ложились внизу и стрѣляли въ тѣхъ, которыя были на верху. Послѣдніе должны были воротиться назадъ. Ночь была чрезвычайно темная, мѣстности же никто не зналъ. Но, благодаря Богу, все скоро успокоилось и порядокъ былъ возстановленъ.

Ночная атака не состоялась.

Днемъ мы возобновили атаку. Шли въ атаку уже не тихо, а съ крикомъ „ура“. Музыка играла **Боже Царя храни**, горнисты и сигналисты играли „атаку“. Но и японецъ заигралъ свою музыку выстрѣлами изъ ружей и орудій. Онъ засыпалъ насъ пулями, какъ градомъ. Люди падали и катились внизъ съ горы, какъ снопы... Но мы, не обращая вниманія ни на пули, ни на нашу убыль, шли впередъ. Когда начало свѣтать, мы подошли къ японскимъ окопамъ.

Наша казачья батарея въ это время усиленно обстрѣливала японскіе окопы и не прекращала огня даже тогда, когда мы были уже въ 50 шагахъ отъ японскихъ окоповъ. Здѣсь мы пріостановились, но, подтянувшись сразу бросились въ штыки на „ура“ и взяли первые японскіе окопы.

Но наша батарея и въ это время не прекращала огня, причиняя больше вреда своимъ, чѣмъ японцамъ. Кто былъ въ этомъ виноватъ—не знаю; или тотъ, кто опредѣлялъ прицѣлъ, или плохіе снаряды, но они рвались не среди японцевъ, а между нашими солдатами. Если они были адресованы въ наши спины, чтобы подтолкнуть насъ впередъ, то для насъ это было совершенно напрасно. Каждый русскій солдатъ безъ подталкиванія бросится впередъ на „ура“ въ штыки, лишь бы дали ему возможность дойти до противника. Мы не японская пѣхота, которую своя артиллерія била сзади, когда она шла на насъ въ атаку, какъ намъ говорили объ этомъ наши офицеры. Тутъ, очевидно, произошла ошибка—отъ невѣрно опредѣленнаго прицѣла артиллеріей.

Когда же батарея прекратила огонь, то мы бросились сразу въ атаку на вторые японскіе окопы. Какъ только мы подошли

къ этимъ окопамъ, японцы начали бросать въ насъ ручныя гранаты, отъ которыхъ люди у насъ падали цѣлыми десятками. Но, несмотря и на это, нѣкоторые наши смѣльчаки все же заскочили въ окопы и начали „просить“ японцевъ штыками очистить окопы. Такая просьба японцамъ не понравилась и они оставили свои окопы и убрались во-свояси. Намъ удалось захватить въ плѣнъ восемь человѣкъ здоровыхъ и 6 человѣкъ ранеными.

Раны отъ нашего штыка были очень тяжелыя, но отъ японскихъ штыковъ, широкихъ, онѣ были еще тяжелѣе. Поэтому въ штыковомъ бою, намъ нужно было стремиться заколоть японца возможно скорѣе, чтобы не быть раненымъ его штыкомъ.

Японскій баталіонъ, который занималъ эти окопы, не принявъ нашего штыкового удара, обратился въ бѣгство и, занявъ слѣдующую гору, открылъ по насъ бѣшеную стрѣльбу.

Взявъ японскіе окопы, мы всѣ перемѣшались. Тогда командиръ 3-го баталіона, подполковникъ **Бутковскій**, по своей инціативѣ, размѣстилъ насъ на болѣе безопасныя мѣста.

Японцы продолжали свою страшную ружейную стрѣльбу до 11 час. утра. Убыль у насъ шла громадная.

Около 12 часовъ дня влѣво отъ насъ, за рѣкой, солдаты замѣтили движеніе войскъ. Сначала мы полагали, что это были наши казаки [1]). Но, впослѣдствіи, оказалось, что это была жестокая ошибка: это были не казаки, а японцы. Казаки же ушли еще ночью съ того мѣста, гдѣ двигались японскія колонны.

Японцы скоро поставили 4 орудія и нѣсколько пулеметовъ и начали насъ такъ угощать пулями, шрапнелями и шимозами, что намъ дѣваться некуда было. Наша батарея сразу была сбита съ позиціи и въ ней было убито 14 лошадей. Послѣ батареи японцы перенесли огонь на насъ и на **10 полкъ**, который находился у насъ въ резервѣ. Для насъ этотъ огонь былъ почти съ тылу.

И вотъ здѣсь то, подъ огнемъ, офицеры и солдаты не могли понять, что все это значитъ; какимъ образомъ японцы могли такъ близко подойти къ намъ?

Подполковникъ **Бутковскій** ободрилъ насъ веселымъ, боевымъ словомъ. Онъ сказалъ: „братцы, не робейте, это положеніе еще для насъ совсѣмъ не опасное. Я видѣлъ въ Турецкой войнѣ еще худшія положенія. Мы были совсѣмъ окружены против-

---

[1]) Изъ отряда генерала Самсонова. Тамъ же, томъ 5, стр. 190.

никомъ и то не боялись и выходили изъ такихъ положеній героями. Только не жалѣйте патроновъ и помѣтче стрѣляйте", и самъ онъ сталъ распредѣлять насъ на позиціи.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ распоряженіе для отступленія. Говорятъ, что приказаніе объ отступленіи пришло свыше [2]).

Тогда ротные командиры приказали людямъ своихъ ротъ во что бы то ни стало снести всѣхъ убитыхъ въ оврагъ и зарыть ихъ землей; приказано также взять съ собою раненыхъ, ружья и аммуницію. Мы такъ и сдѣлали.

Отступленіе началось по-ротно. Сначала отошла первая рота, затѣмъ остальныя.

Каждая рота при отступленіи должна была спуститься съ горы, а потомъ перебѣжками по одному должна была отступать. Иначе и нельзя было отступить, такъ какъ для отступленія былъ открытъ только одинъ проходъ по лощинѣ, противъ котораго стояли японскіе пулеметы, которые осыпали насъ пулями, какъ градомъ.

Отступленіе наше продолжалось до 3 час. пополудни.

10-й полкъ, отступившій ранѣе, прикрывалъ наше отступленіе своимъ огнемъ; но онъ ничего не могъ сдѣлать своими залпами противъ японскихъ пулеметовъ.

Мы молили Бога, чтобы эти японскіе пулеметы хотя на время немного затихли бы, а они, какъ нарочно, сыпали еще сильнѣе свой адскій огонь и причиняли намъ еще большій уронъ. Не даромъ солдаты называли пулеметы ,,чертовой лейкой", или его ,,трещеткой". Трескъ ихъ стрѣльбы былъ какъ бы захлебывающійся.

Раны отъ пулеметовъ были ужасны: если много пуль попадало въ одного человѣка, то онъ казался какъ бы засѣченнымъ желѣзными прутьями. Въ нашей ротѣ, благодаря Бога, ранило пулеметами только трехъ человѣкъ и одного изъ нихъ крайне тяжело: попало восемь пуль, изъ которыхъ въ одну ногу шесть и почти всѣ съ раздробленіемъ кости.

Мы отступили къ д. Уйнюнинъ, какъ говорится, „не солоно хлѣбавши". Чей тутъ былъ грѣхъ, чья тутъ была вина, судить не намъ. Но только жалко было, что напрасно мы пролили столько крови, положили столько богатырскихъ душъ и сократили свои роты и полки.

Взявъ окопы, мы радовались, какъ дѣти, а потомъ пришлось оставить ихъ и отступать... Отойдя къ рѣкѣ Тайдзыхе, мы

---

[2]) Отъ генерала Ренненкампфа. Тамъ же, стр. 223.

уже не могли перейти ее черезъ прежніе броды, такъ какъ они сильно обстрѣливались японской батареей. Поэтому мы принуждены были итти „понадъ“ берегомъ рѣки.

Берегъ былъ крутъ. Намъ пришлось по одному „гуськомъ“, цѣпляясь за скалистые камни и опираясь на своего вѣрнаго друга—винтовку, пробираться по скаламъ.

Напрыгались вдоволь. Только камни и песокъ летѣли и бултыхали въ воду. Здоровому человѣку, хотя и трудно было, но все-же онъ могъ кое какъ, хотя на четвереньках ползти. Но сколько горя приняли раненые, которыхъ, можно сказать, не несли, а волокли, кого на шинели, кого на походной солдатской палаткѣ: да и тѣмъ тоже, которые несли раненыхъ, пришлось не легче. Я пробирался, по своей должности фельдфебеля, послѣднимъ; и могу твердо сказать, что какъ ни трудно было волочь раненыхъ, но никого, кого мы нашли на мѣстѣ боя, не бросили и не отдали въ руки японцевъ. Самъ я былъ легко раненъ ружейною пулею съ рекошета въ руку,.

Такъ кончился бой на р. Тайдзыхе или, какъ въ нашемъ полковомъ архивѣ значится, „бой подъ Бенсиху“.

Около 5 час. вечера полкъ нашъ стянулся къ д. Уйнюнинъ. Здѣсь, по приказанію полкового адъютанта, былъ сдѣланъ краткій подсчетъ сколько выбыло людей изъ строя. Оказалось, что въ нашемъ полку всѣхъ убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ было: офицеровъ болѣе **30** и нижнихъ чиновъ **780** человѣкъ; въ нашей же ротѣ было убито **8** человѣкъ, ранено **31** и безъ вѣсти пропалъ **одинъ**. Послѣ замиренія мы узнали, что этотъ безъ вѣсти пропавшій, будучи раненъ въ обѣ ноги, попалъ въ плѣнъ къ японцамъ.

Онъ не могъ итти и отползъ въ какой то оврагъ. Японцы нашли его и предложили ему итти, но онъ показалъ имъ знаками, что итти не можетъ, тогда они понесли его на палаткахъ.

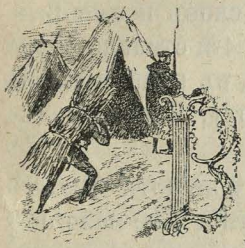
Въ этомъ бою нашелъ себѣ смерть и доблестный, незабвенный командиръ 4-й роты, Штабсъ-Капитанъ **Гребенка**. Командиръ 2-й роты, Штабсъ-Капитанъ **Прозорскій**, былъ раненъ. Фамилій другихъ г. г. офицеровъ убитыхъ и раненыхъ теперь не помню.

Вѣчная память всѣмъ доблестнымъ г. г. офицерамъ и нижнимъ чинамъ, погибшимъ въ этомъ тяжеломъ для насъ бою.

Иной уже изъ нижнихъ чиновъ и заслужилъ себѣ крестъ за взятіе японскихъ окоповъ, а вотъ тутъ, при отступленіи, находилъ себѣ незаслуженную смерть. Но такова участь всѣхъ на войнѣ.

Вѣрно только одно, что каждый солдатъ въ бой идетъ не за тѣмъ, чтобы погибнуть, а затѣмъ, чтобы побѣдить врага. Инымъ это удается, инымъ нѣтъ...

2-мъ баталіономъ въ этомъ бою командовалъ нашъ новый ротный командиръ-подпоручикъ **Ильинъ**, а я за отсутствіемъ ротнаго командира вновь вступилъ въ командованіе ротой.



Зимняя стоянка.

Вечеромъ 29-го сентября, полкъ нашъ сталъ въ резервѣ у д. Уйнюнинъ, гдѣ и провелъ ночь спокойно. На другой день, 30 сентября, мы отправились на позицію рыть окопы для пулеметовъ нашей дивизіи. Наши же войска въ это время начали отступать къ дер. Сулунью [1]), къ Гаоталинскому перевалу. 1-го октября полкъ нашъ сталъ бивакомъ у деревни Цихенченъ.

Въ октябрѣ нашу роту вновь принялъ нашъ ротный командиръ, Капитанъ **Вержбицкій**, который вернулся изъ госпиталя послѣ Ляоянской раны.

Въ д. Цихенченъ мы провели октябрь и половину ноября. Днемъ мы работали на укрѣпленіяхъ, а ночью ходили въ сторожевое охраненіе. Было трудно. Становилось холодно. Скоро намъ выдали китайскіе халаты и мы ходили, какъ настоящіе китайскіе ,,ходи'' [2]).

Къ 1 декабря мы устроили по 4 землянки на роту, т. е. одну на взводъ, или на сорокъ пять человѣкъ. Землянки были очень хорошія. Устройство землянокъ было такое: 25 шаговъ длины, 7 шаговъ ширины, 3 аршина вышины, полтора аршина глубины; по серединѣ—канава, служившая намъ проходомъ; выше канавы на землѣ были устроены нары, на которыхъ спали солдаты; была дверь, 4 окна и печка, которую солдаты безпрерывно топили, отчего ночью было страшно жарко.

---

[1]) См. схему № 7; стр. 63.

[2]) Господа.

Письма съ родины солдатамъ приходили довольно часто и мы читали ихъ во всеуслышанье все-равно къ кому бы письмо не приходило бы. Сами тоже писали часто и при каждомъ письмѣ благодарили **Его Императорское Величество Государя Императора** за то, что онъ позволилъ намъ и всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ посылать намъ письма безплатно, безъ марокъ.

Въ это время мы получили много подарковъ изъ Россіи отъ частныхъ лицъ, за которые мы до сихъ поръ признательны имъ.

Въ землянкахъ всѣ солдаты сжились между собою. Они называли свои землянки хоромами.

Теперь позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ и о себѣ.— Въ половинѣ Сентября получилъ я Св. Георгія 4-й степени, чему несказанно былъ радъ. Послѣ Ляоянскаго боя, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, фельдфебель вернулся изъ госпиталя въ роту. Черезъ недѣлю его произвели въ заурядъ-прапорщики.

Послѣ его производства, я уже мечталъ получить фельдфебельскую нашивку, но я жестоко ошибся, хотя я и не мало потрудился и былъ подъ огнемъ не разъ, а главное старался всѣ возложенныя на меня обязанности исполнять, какъ вѣрному слугѣ **Государя Императора** надлежитъ, честно, добросовѣстно, вѣрно и нелицемѣрно. Но я никогда не любилъ говорить лести и заискивать передъ начальствомъ и передъ своими подчиненными, но всегда любилъ сказать правду. Вотъ поэтому-то и нашлись такіе солдаты, которые мною были недовольны. И, вотъ, взводный 1-го взвода, старшій унтеръ-офицеръ **Сороченко**, сказалъ ротному, что я, яко-бы въ его отсутствіе, когда самъ былъ за ротнаго командира, представлялъ къ наградамъ не тѣхъ, которые были достойны, а все больше своего взвода. Ротный командиръ повѣрилъ ему и приказалъ мнѣ передать ротную канцелярію **Сороченко**, а мнѣ принять свой взводъ обратно. **Сороченко** сталъ фельдфебелемъ, а я по прежнему—взводнымъ командиромъ.

Дѣйствительно, въ моемъ взводѣ было больше георгіевскихъ кавалеровъ, чѣмъ въ другихъ. Но это произошло помимо моей воли.

Богъ видитъ правду. Я здѣсь не при чемъ. На войнѣ обижаться на людей и, въ особенности на начальство, которое посылаетъ насъ въ бой, нельзя.

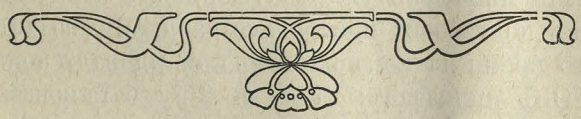
Сдавая канцелярію, я запомнилъ тѣ слова, которые мнѣ сказалъ ротный командиръ напослѣдокъ: „вотъ ты свой взводъ больше другихъ взводовъ представлялъ къ наградамъ, такъ я тебя самъ за это ни къ какой наградѣ не представляю“.

Что-жъ дѣлать. Воля начальства. Я уже и такъ три раза

былъ представленъ къ Св. Георгію, только ждалъ, когда я ихъ всѣ получу.

Унтеръ-офицеръ Сороченко былъ произведенъ въ фельдфебеля, а я по прежнему командую взводомъ. Было обидно, но нужно на военной службѣ переносить всѣ тягости и лишенія безропотно, какъ насъ учили еще молодыми солдатами, а я уже теперь былъ старшимъ унтеръ-офицеромъ. Бывали и недоразумѣнія у меня съ Сороченкой, но на службѣ онѣ не отражались. Служба у насъ была выше всего. По ходатайству ротнаго командира, фельдфебель Сороченко 30 января былъ произведенъ въ заурядъ-прапорщики. Мнѣ уже теперь, хотя и не хотѣлось, но ротный командиръ приказалъ опять исполнять должность фельдфебеля. И я опять сталъ подумывать о производствѣ въ фельдфебеля.

Какъ-то разъ, ротный командиръ, капитанъ **Вержбицкій**, сказалъ мнѣ: „прости, Шепель, теперь тебѣ не придется быть фельдфебелемъ, а я представляю тебя сразу изъ унтеръ-офицеровъ въ заурядъ-прапорщики. Но скоро ротный командиръ заболѣлъ и уѣхалъ въ госпиталь и мое производство отошло на будущія времена.



Мукденскіе бои.

Бой на Гаотаулинскомъ перевалѣ.

9-го февраля мы узнали, что японцы наступаютъ на насъ. Мы двинулись впередъ съ цѣлью задержать наступленіе японцевъ.

11-го февряля мы пришли въ д. Мадзюдань и размѣстились по землянкамъ, въ которыхъ раньше стояли 21 и 22 стрѣлковые полки. Около 12 час. ночи послѣдовало экстренное приказаніе: „9-му полку итти на помощь Чембарскому и Бугульминскому полкамъ, которые были японцами уже сбиты съ ихъ передовой позиціи". Полкъ нашъ по тревогѣ построился за д. Мадзюдань.

Въ это время полкомъ нашимъ командовалъ подполковникъ **Бутковскій** Онъ приказалъ: „1-му и 2-му баталіонамъ итти на позицію къ д. Сулунью", которая была отъ д. Мадзюдань въ 12-ти верстахъ. Утромъ 12-го февраля, чуть свѣтъ, мы прибыли въ д. Сулунью. Здѣсь мы узнали, что насъ назначили въ Цихенченскій отрядъ генерала Ренненкампфа.

Въ 11 час. утра мы получили обѣдъ изъ госпиталя Краснаго креста, который уходилъ изъ д. Сулунью. Но не успѣли мы пообѣдать, какъ услышали команду: „въ ружье!".

Разобравъ ружья, мы двинулись къ Далинскому перевалу [1]), на которомъ еще были наши войска. Подойдя къ перевалу, намъ было приказано: „вмѣсто ужина разобрать порціи мяса на руки, а походнымъ кухнямъ воротиться назадъ". Въ это самое времи, когда кашеваръ раздавалъ мясо взводнымъ раздатчикамъ, надъ походной кухней разорвалась шрапнель и кашевару 8-й роты оторвала на рукѣ пальцы.

Здѣсь мы узнали, что на Далинскомъ перевалѣ командуетъ

---

[1]) Тамъ же; томъ 5, стр. 119.

войсками генералъ **Эккъ** [1]). Здѣсь каждой ротѣ было указано какъ и гдѣ занять позицію. Нашъ ротный командиръ, капитанъ **Вержбицкій**, принялъ въ командованіе баталіонъ и нашу роту поставилъ въ резервъ.

Японцы насъ не атаковали. Они обрушились на 8-ю роту.

12-го февраля около 9-ти час. вечера командиръ 8-й роты просилъ у насъ помощи. Нашъ командиръ роты немедленно ему

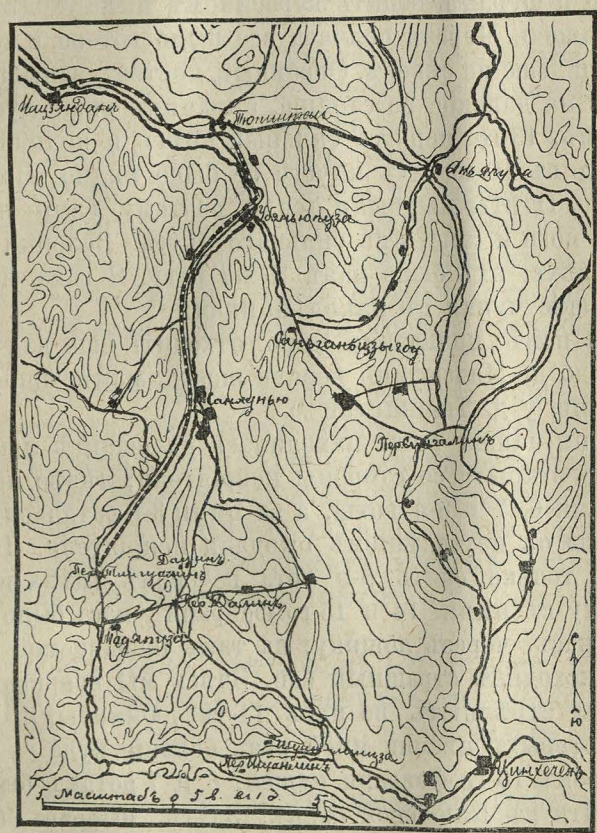


Схема № 7.

послалъ 3 взвода, и мы подъ командой подпоручика **Башкова** двинулись на помощь къ 8-й ротѣ, которой командовалъ вернувшійся изъ госпиталя нашъ доблестный герой Ляоянскаго боя, штабсъ-капитанъ **Борейша**.

Не успѣли мы подойти къ 8-й ротѣ, какъ въ 12 час. ночи

---

[1]) Въ настоящее время мой корпусный командиръ.

ей было приказано оставить позицію и собраться всѣмъ намъ въ деревнѣ Сулунью Во время этого отхода у насъ было ранено 4 человѣка.

Хотя деревня Сулунью была и не далеко, но такъ какъ намъ приходилось перелѣзать на четвереньках большой перевалъ, то мы собрались въ деревнѣ только къ 2-мъ часамъ ночи.

Здѣсь насъ встрѣтилъ подполковникъ **Бутковскій**. Онъ приказалъ намъ всѣ сухари, которые были сложены въ интендантствѣ, мясо и фуражъ облить керосиномъ и, по уходѣ полка изъ деревни, зажечь. Черезъ полчаса все было готово, и полкъ нашъ двинулся дальше на сѣверъ. Огромный костеръ запылалъ и освѣтилъ насъ на далекое разстояніе, омрачивъ наши души.

Утромъ, 13-го, пошелъ сильный снѣгъ и поднялась такая мятель, что въ 10 шагахъ ничего не было видно. Насъ заносило снѣгомъ. Одѣты мы были тепло, поэтому сами не мерзли; но мерзли ноги и лицо отъ сильнаго вѣтра. Валенки были далеко не у всѣхъ; ихъ было паръ 10 на роту. Я самъ носилъ теплые китайскіе чулки съ наколѣнниками.

Скоро намъ приказано было отходить еще далѣе назадъ. Не дойдя до д. Мадзюдань верстъ шесть, намъ приказали занять позицію у д. Тюнпинтай [1]).

Позиція нашей роты находилась на флангѣ лощины, которая была открыта со стороны непріятеля; лѣвѣе насъ на перевалѣ стали 6, 7 и 8-я роты, а за ними 3-й батальонъ. Занявъ позицію, мы съ нетерпѣніемъ ожидали непріятеля. Но японцы не шли. И только опять 8-я рота вечеромъ имѣла небольшую перестрѣлку съ ними. 14 и 15-го февраля у насъ было спокойно, но лѣвѣе насъ, черезъ лощину, на такъ называемой Ключевой сопкѣ происходилъ страшный бой. Здѣсь мы впервые увидѣли, что японцы стрѣляютъ по насъ 11-ти дюймовыми снарядами, осколки которыхъ вѣсили иной разъ больше пуда.

Вечеромъ 16-го февраля нашей, 6 и 7 ротамъ было приказано подойти къ Ключевой сопкѣ. Здѣсь, выбравъ безопасное мѣсто, мы расположились на ночлегъ и ждали дальнѣйшихъ распоряженій.

Мы заснули, кто какъ могъ.

---

[1]) Тамъ же; томъ 5, стр. 135, 144.

Бой на Ключевой сопкѣ.

Въ ночь съ 16-го на 17-е февраля японцы атаковали Ключевую сопку[1]). Утромъ 17-го, по приказанію начальника 71-й п. дивизіи генералъ-лейтенанта **Эккъ**, нашей, 6 и 7 ротамъ приказано было занять позицію на Ключевой сопкѣ[2]).

Мы двинулись впередъ. Выйдя на лощину, которая была открыта съ непріятельской позиціи, чтобы избѣжать напрасныхъ потерь, мы стали дѣлать перебѣжки. Хотя мы и перебѣгали по одному на разстояніи шаговъ 20 другъ отъ друга, но все-же, пока подбѣжали подъ склонъ горы у насъ было ранено 3 человѣка.

Пока соберутся наши стрѣлки на гору, я опишу, насколько могу, мѣстность, занимаемую нашими и японскими войсками. Съ Ключевой сопки было видно во всѣ стороны верстъ на десять. Намъ были открыты для наблюденія всѣ дороги и лощины. Движеніе японскихъ войскъ были видно, какъ на ладонѣ. Отъ сопки вдоль фронта тянулся хребетъ, который занимала наша цѣпь. Въ цѣпи стояли наши пулеметы, а поодаль сзади и горныя батареи.

Хребетъ отъ сопки тянулся въ обѣ стороны, перерываясь то большими, то малыми сѣдловинами, на которыхъ нельзя было показаться, такъ какъ онѣ положительно засыпались японскимъ огнемъ.

Отъ Ключевой сопки тянулся маленькій хребетъ по направленію къ непріятельскимъ войскамъ и на этомъ хребтѣ была возвышенность, еще выше нашей сопки. Возвышенность эту раньше занималъ баталіонъ Черноярскаго полка. Но въ ночь на 16-е февраля японцы сбили его и заняли ее своей пѣхотой.

Намъ было это не выгодно, такъ какъ мы стрѣляли снизу вверхъ, а японцы по насъ сверху внизъ, и били насъ на выборъ, какъ на Уфангуанскомъ перевалѣ.

---

[1]) См. схему № 7, стр. 63.

[2]) Оффиц. описаніе войны: томъ 5, стр. 275 и 287.

Скоро намъ было приказано держаться на Ключевой сопкѣ „до послѣдняго". Мы уже привыкли къ такимъ приказаніямъ, но твердо знали, что если насъ выбьютъ, то другихъ поставятъ на наше мѣсто, разъ сопку нужно сохранить во что бы то ни стало. Такъ оно и выходило — однихъ выбивали, другихъ ставили на ихъ мѣста и бой продолжался.

Японцамъ тоже было не легко: мы ихъ забрасывали ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Но, вотъ, мы и на самой вершинѣ горы. Здѣсь у насъ начались сильныя потери; а такъ какъ гора была крутая, обрывистая, то раненый человѣкъ сгоряча выскакивалъ изъ цѣпи и, сдѣлавъ два-три шага назадъ, оступался и падалъ подъ гору, а затѣмъ катился внизъ по снѣгу, какъ на санкахъ, а вѣрнѣе на своихъ бокахъ. Иной раненый, быть-можетъ, и былъ бы живъ, но онъ, разъ угодилъ полетѣть внизъ, то уже довольно ему странствовать на этомъ свѣтѣ.

Скоро меня послалъ ротный командиръ, подпоручикъ **Башковъ**, только что вышедшій изъ военнаго училища, ко 2-му взводу. Здѣсь я находился до 3-хъ часовъ дня. Около этого времени я получилъ слѣдующее приказаніе: „**Шепель**, возьми одного солдата со второго взвода и отправься во вторую полуроту для принятія командованія надъ оной, ибо заурядъ-прапорщикъ **Полубенцевъ** тяжело раненъ, и черезъ каждый часъ доноси мнѣ объ убыли людей, а также и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; въ случаѣ же твоей смерти или раны передай командованіе полуротой одному изъ унтеръ-офицеровъ".

Подпоручикъ Башковъ.

Получивъ это приказаніе, я взялъ одного стрѣлка и отправился во вторую полуроту. Не успѣлъ я сюда притти, какъ взводный унтеръ-офицеръ 4-го взвода, **Лукьяненко**, доложилъ мнѣ, что здѣсь держаться невозможно „никакими судьбами", такъ какъ насъ непріятель поражаетъ, а мы его нѣтъ.

Пробывъ здѣсь минутъ десять, я увидѣлъ, что онъ говоритъ правду. Тогда я немедленно послалъ къ ротному командиру донесеніе о разрѣшеніи передвинуться съ полуротой вправо. Пока получу отвѣтъ на мое донесеніе, хотя вкратцѣ скажу, какое было мѣсто, куда насъ поставилъ офицеръ 71-й дивизіи.

Наша позиція теперь была на самой Ключевой сопкѣ. Эта сопка была главнымъ центромъ нашей позиціи. Японцы сосредоточили по ней огонь. Она обстрѣливалась ужаснымъ пере-

крестнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Мы сильно страдали отъ него.

Но, вотъ, вернулся стрѣлокъ, котораго я посылалъ къ ротному командиру. Онъ доложилъ мнѣ такъ: ротный командиръ сказалъ: „разъ полурота въ его распоряженіи, то онъ можетъ выбрать мѣсто, гдѣ ей будетъ удобнѣе, но, конечно, не выходя изъ линіи цѣпи".

Получивъ такое приказаніе, я передвинулъ полуроту изъ сѣдловины шаговъ на 50 вправо, гдѣ намъ было возможно обстрѣливать противника, а самимъ нести меньше потерь. Не успѣли мы расположиться на новомъ мѣстѣ, какъ было получено отъ ротнаго командира приказаніе: снять аммуницію и вообще все, что будетъ лишнее; сложить все въ кучу и приготовиться къ атакѣ. Атака начнется, какъ только батареи прекратятъ стрѣльбу. Батареи въ это время усиленно обстрѣливали японскую позицію.

Приказаніе это было передано по всей цѣпи.

Войска участка приготовились къ атакѣ. Знамена 4-хъ полковъ [1]), которыя были поднесены подъ склонъ горы къ цѣпи, распустили. Какъ только батареи утихли, самъ начальникъ боевого участка, генералъ Аліевъ, подошелъ къ колоннамъ, снялъ шапку, надѣлъ ее на штыкъ винтовки и крикнулъ „ура"; тогда всѣ солдаты съ крикомъ „ура" бросились впередъ. Но, какъ только мы перебѣжали черезъ хребетъ, японцы открыли по насъ такой губительный огонь, что наши солдаты валились, какъ подкошенная трава.

Громадныя потери заставили насъ отойти назадъ на хребетъ, въ свои окопы. Японцы пріободрились нашей неудачей и сами двинулись на насъ въ атаку. Но и мы ихъ угостили огнемъ не хуже, чѣмъ они насъ. Мы отплатили имъ за своихъ убитыхъ и раненыхъ. И они, понеся большія потери, тоже вернулись на свои мѣста.

Начальникъ участка, оставшись недовольнымъ своей первой атакой, черезъ часъ вновь приказалъ намъ итти въ атаку. На этотъ разъ мы сильнѣе расшевилили японцевъ и эта вторая атака была еще раньше встрѣчена пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ; поэтому она обошлась намъ дороже первой. Мы снова отошли на свои прежнія мѣста.

Въ первой атакѣ въ нашей ротѣ былъ убитъ заурядъ-пра-

---

[1]) 9-го Восточно-Сибирскаго, Дрискаго, Черноярскаго полковъ и 5-го казачьяго Забайкальскаго баталіона: тамъ же, томъ 5, стр. 275.

порщикъ Сороченко, четыре нижнихъ чина и двѣнадцать человѣкъ ранено. Во второй атакѣ—убито два унтеръ-офицера Свинуховъ и Передри и нѣсколько стрѣлковъ ранено.

Вечеромъ къ намъ на помощь пришла казачья пластунская команда, но боя уже не было.

Ночь на 18-е число прошла спокойно, но стрѣльба всю ночь не утихала. Теперь ни мы, ни японцы не рѣшались итти въ атаку. За ночь въ нашей ротѣ одного убили и двухъ ранили.

Утромъ японцы перешли въ наступленіе, но наступленіе вели вяло. Наши солдаты даже подсмѣивались надъ ними. Нѣсколько нашихъ смѣльчаковъ проползли впередъ шаговъ на 50 въ маленькій оврагъ, откуда было удобно фланговымъ огнемъ обстрѣливать японскіе окопы, бруствера которыхъ были устроены изъ своихъ же убитыхъ солдатъ и „другой солдатской аммуниціи". Но почти всѣхъ этихъ смѣльчаковъ постигла одна и та же участь: надъ ними разорвалась шрапнельная граната, пулями которой убило трехъ человѣкъ и четырехъ ранило.

Около 2-хъ часовъ дня японцы повели новую атаку на нашъ правый флангъ, но, не дойдя до цѣпи шаговъ 300, пріостановились. Тогда японская батарея открыла по насъ сильнѣйшій огонь. Одна граната разорвалась надъ серединой нашей цѣпи; двухъ человѣкъ она убила и ранила подпоручика **Башкова**, меня и трехъ стрѣлковъ.

Подпоручикъ **Башковъ** былъ слегка раненъ и сильно оглушенъ. Шубу, которая была на немъ, осколками сильно изорвало. Онъ упалъ съ крутой сопки, покатился внизъ и расшибъ себѣ голову. Я же, будучи раненъ сравнительно легко—въ плечо, остался въ строю и принялъ командованіе ротой.

Черезъ нѣсколько часовъ подпоручикъ **Башковъ** пришелъ на позицію и, узнавъ, что я раненъ, приказалъ мнѣ отправиться на перевязочный пунктъ. Хотя мое плечо и сильно распухло и я чувствовалъ страшную боль, но итти на перевязочный пунктъ отказался.

Весь день 18-го февраля была сильная стрѣльба, какъ съ нашей стороны, такъ и съ японской. Вечеромъ стрѣльба стала понемногу утихать. Начальникъ боевого участка передалъ намъ, что японцы отступаютъ и что мы будемъ ихъ преслѣдовать. Солдаты были рады этому извѣщенію и ждали приказанія— „гнать японцевъ". Но не суждено было намъ дождаться этого приказанія. Мы продолжали лежать.

Ночью и утромъ 19-го перестрѣлка продолжалась, но уже болѣе слабая; убыль же въ людяхъ все идетъ и идетъ. Около

2-хъ час. дня 19-го февраля пришла намъ на смѣну рота отъ **36-го стрѣлковаго** полка. Командиръ этой роты пришелъ къ намъ на позицію и, ознакомившись съ мѣстностью, приказалъ своимъ людямъ расположиться въ цѣпи между нашими стрѣлками. Когда это было исполнено, то нашъ командиръ роты, подпоручикъ **Башковъ**, приказалъ намъ спуститься съ сопки. Но, чтобы отойти отъ сопки, нужно было дѣлать перебѣжку по одному.

Когда мы перебѣжали за другую сопку, то къ намъ подошелъ нашъ командующій баталіономъ, капитанъ **Вержбицкій**. Онъ спросилъ, сколько въ нашей ротѣ убыли. Здѣсь я счелъ людей, и оказалось, что выбыло изъ строя 87 человѣкъ. Капитанъ **Вержбицкій** приказалъ отойти еще немного дальше и здѣсь остановиться. Вечеромъ намъ доставили ужинъ, а около 8-ми час. вечера приказано было нашимъ двумъ ротамъ двинуться къ дер. Мадзюдань. Но не прошли мы и 2-хъ верстъ, какъ насъ встрѣтилъ генералъ **Эккъ**, и, поблагодаривъ насъ за бой, приказалъ повернуться назадъ и итти опять на позицію.

Когда насъ смѣнили съ позиціи, я пошелъ на перевязочный пунктъ. Здѣсь мнѣ сдѣлали операцію и вынули шрапнельную пулю изъ плеча. Я попросилъ фельдшера отдать мнѣ эту пулю на память. Но фельдшеръ сказалъ: „нельзя, нельзя, это намъ, а ты можешь еще не одну получить тамъ на позиціи въ бою". Я его поблагодарилъ за пожеланіе и сказалъ, „тогда мнѣ не надо и этой пули". Затѣмъ меня хотѣли отправить въ госпиталь. Но, видя на перевязочномъ пунктѣ столько раненыхъ и искалѣченныхъ, я считалъ, что съ такой раной, какъ у меня, итти въ госпиталь грѣшно отъ Бога и стыдно отъ людей. Поэтому я, хотя и съ сильной болью, съ завязаннымъ плечомъ, побрелъ въ роту, думая по дорогѣ, „что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ" [1]).

И это правда: трудъ мой не пропалъ даромъ—начальство обратило на меня вниманіе и представило меня за это дѣло вновь къ св. Георгію 3-й степени.

Такъ окончился бой на этой памятной мнѣ Ключевой сопкѣ, на которой я былъ въ третій [2]) разъ раненъ.

Болѣе всего я былъ радъ, что я вернулся въ строй, а не валялся въ госпиталяхъ. Въ этомъ же бою унтеръ-офицера (фамилію не помню) контузило артиллерійскимъ снарядомъ въ грудь. Раны не было никакой, а черезъ три дня онъ умеръ.

---

[1]) Написано въ дневникѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1905 г.

[2]) Рана эта записана въ послужной списокъ Димитрія Гавриловича.

Такъ и у меня рана въ плечо прошла безслѣдно, но контузія въ Ляоянскомъ бою въ грудь до сихъ поръ даетъ себя болѣе знать, чѣмъ рана въ плечо на Ключевой сопкѣ.

Выручка частей Черноярцевъ.

Утромъ 20-го февраля, по приказанію начальника боевого участка, 5 и 6 роты должны были двинуться на выручку частей Черноярскаго полка, который японцы обошли съ фланговъ на позиціи лѣвѣе Ключевой сопки. Роты снялись съ бивака и быстро двинулись на выручку своихъ. Капитанъ **Вержбицкій** въ это время заболѣлъ и насъ повелъ поручикъ **Мындра**, баталіонный адъютантъ. Онъ намъ объяснилъ нашу задачу и, собравъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ, посовѣтовался съ нами, какъ лучше пройти къ Черноярскому полку. Рѣшено было итти не прямо лощиной, которая была открыта съ японской стороны, а двигаться за горой, откуда можно было подойти ближе къ Черноярцамъ. Отъ горы до ихъ позиціи пространство прикрывалось огнемъ баталіона Красноярцевъ, которые сидѣли по-близости на сопкахъ.

Мы двинулись въ обходъ позиціи Черноярцевъ. Путь мы избрали такой, что мы почти не несли никакихъ потерь (кромѣ 2-хъ человѣкъ), но намъ потребовалось много времени, чтобы подойти къ Черноярцамъ. Въ это время японцы вели атаку за атакой на Черноярцевъ. Баталіонъ не выдержалъ и, не дождавшись подкрѣпленія, принужденъ былъ податься нѣсколько назадъ [1]). Это произошло именно въ то время, когда мы были отъ него не далѣе, какъ въ пятистахъ шагахъ. Скоро Черноярцы начали отступать далѣе въ тылъ.

Теперь передъ нами представилась ужасная картина: японцы гнались за Черноярцами. Черноярцы, отстрѣливаясь, отступали. Мы подать руку помощи имъ не могли. Но, вотъ, японцы замѣтили насъ и сейчасъ же пріостановились и открыли по насъ сильный ружейный и орудійный огонь. Шимозы рыли землю;

---

[1]) Тамъ же. Томъ 5-й, стр. 373.

шрапнель осыпала насъ сверху. Мы были въ дѣйствительномъ огнѣ.

На этомъ дневникъ Димитрія Гавриловича заканчивается. Я предложилъ ему вспомнить и сказать или написать, что было далѣе въ этомъ бою. Но вотъ, что онъ мнѣ написалъ. Сохраняю его орѳографію:

„Ваше Высокоблагородіе то что было въ точности я описать не могу, такъ, какъ мало, что припоминаю, выдумывать изъ своей головы я на это не способенъ, врать о такихъ вещахъ и вообще врать считаю за великій грѣхъ, но, что могу хотя малость припомнить пишу“.

(Послѣдующее исправлю).

Пришли мы на выручку поздно, а потому дѣла мы не сдѣлали и намъ вмѣстѣ съ Черноярцами пришлось отступать. Поручикъ **Мындра** былъ очень недоволенъ Черноярцами; онъ жестоко ихъ упрекалъ въ томъ, что они отступили, но и мы тоже не были правы, что запоздали:—дорогу избрали кружную, нужно было итти прямо, не боясь потерь. Но кто же это могъ знать впередъ?

Бой у д. Тюнпинтай.

Послѣ этого наша рота заняла свою прежнюю позицію, ту, которую она занимала 15-го февраля у д. Тюнпинтай [1]).

Весь день, 20 февраля, рота наша огня не открывала. Японцы тоже по насъ не стрѣляли, но изрѣдка къ намъ посылали свои гранаты, какъ бы давая намъ знать, что они насъ не забываютъ.

Вечеромъ выяснилось, что японцы наступаютъ противъ нашей 8-й роты. Можно было предположить, что они будутъ атаковать ее ночью.

Въ это время саперы намъ принесли ручныя гранаты и показали, какъ нужно пользоваться ими при атакахъ. Мы впервые ихъ видѣли; но японскія гранаты мы уже испытали на себѣ въ бою подъ Бенсиху. Но скоро эти гранаты отъ

---

[1]) См. схему № 7, стр. 63.

насъ отобрали и 40 баталіонныхъ охотниковъ, подъ командой поручика **Ловена**, отнесли ихъ въ 8-ю роту.

Съ наступленіемъ темноты японцы, дѣйствительно, пошли въ атаку на 8-ю роту.

Что тутъ было, я не видѣлъ. Но вотъ что разсказываютъ про это дѣло стрѣлки.

Японцы быстро и храбро подошли шаговъ на сто къ 8-й ротѣ и къ баталіоннымъ охотникамъ. Но, вдругъ, они пріостановились, залегли и въ штыки не пошли. Понесли ли они большія потери, или выжидали подкрѣпленій—неизвѣстно. Тогда 8-я рота, подъ начальствомъ нашего доблестнаго героя Ляоянскаго боя, штабсъ-капитана **Борейши**, только что вернувшагося изъ госпиталя, и охотничья команда, подъ командой подпоручика **Ловена**, подбѣжали къ японцамъ и бросили въ нихъ ручныя гранаты, а затѣмъ бросились на нихъ въ штыки.

Японцевъ здѣсь было больше баталіона. Произошла жестокая рукопашная схватка. Наши стрѣлки кололи и били японцевъ и прикладомъ, и штыкомъ. Солдаты говорили, что подпоручикъ **Шаюкъ**, который, кажется, командовалъ 10-ой ротой, разбилъ весь прикладъ о японскія головы и у него въ рукахъ остался одинъ стволъ.

Такъ или не такъ, но одно вѣрно, что японцы были разбиты и разсѣяны. Подпоручикъ **Шаюкъ**, въ порывѣ удали, далеко преслѣдовалъ ихъ и когда возвращался на свою позицію, то на самомъ хребтѣ, въ 50 шагахъ отъ штабсъ-капитана **Борейши** [1]), былъ убитъ вражеской пулей. Миръ праху его.

Происхожденіе подпоручика **Шаюка** было таково. Онъ окончилъ образцовый унтеръ-офицерскій баталіонъ; былъ унтеръ-офицеромъ въ 8 ротѣ нашего же полка; затѣмъ поступилъ въ юнкерское училище, но не окончивъ его, ушелъ на войну. Но и на войнѣ въ дни отдыха опять готовился въ юнкерское училище. За походъ въ 1900—1901 г.г. противъ китайцевъ онъ уже имѣлъ св. Георгія 4-й и 3-й степеней. Генералъ **Куропаткинъ** лично его зналъ и платилъ за его ученье репетитору [2]) въ Портъ-Артурѣ. Солдаты смотрѣли на него всегда какъ на героя. Онъ былъ высокаго роста и не зналъ передъ собою никакой опасности.

Въ этотъ день 8-я рота, подъ командой штабсъ-капитана **Борейши**, сорокъ охотниковъ и, кажется, 10-я рота подъ командой подпоручика **Шаюка**, опрокинули цѣлый баталіонъ японцевъ.

---

[1]) Изъ письма капитана Борейши.

[2]) Учителю.

Государь Императоръ Собственноручно прикрѣпляетъ подпрапорщику Шепелю знаки отличія Военнаго Ордена 2-ой и 1-ой степеней.

Копіи воспрещаются.

12-го августа, 1911 г.

10

Въ этомъ же бою былъ убитъ штабсъ-капитанъ **Филлазонъ**[1]).

Ночью нашу роту передвинули на позицію лѣвѣе 8-й роты. Здѣсь мы заняли окопы, которые были вырыты частью въ землѣ, а частью сдѣланы изъ мѣшковъ и цинковыхъ коробокъ изъ-подъ патроновъ, наполненныхъ землей. Мы, заложивъ секреты, ожидали наступленія японцевъ. Но они не шли.

Усиленная рекогносцировка у г. Каюяня.

Послѣ боевъ у д. Тюнпинтай мы долго не стояли на одномъ мѣстѣ. Мы то наступали, то отступали, то занимали сторожевое охраненіе, то рыли окопы.

Въ мартѣ мѣсяцѣ между нами начали ходить слухи, что скоро мы пойдемъ въ усиленную рекогносцировку съ цѣлью выяснить, гдѣ находится противникъ.

Разницы между настоящимъ боемъ и усиленной рекогносцировкой для насъ, солдатъ, не было никакой. Это былъ такой же бой, только названіе иное. Цѣль его—опредѣлить силы врага. Это было нужно знать начальникамъ, намъ же стрѣлкамъ нужно было только драться съ врагомъ. Не все ли равно сколько враговъ—меньше или больше.

Слухъ этотъ скоро оправдался. 7-го апрѣля нашъ и 10-й полки съ 4-мя орудіями и двумя сотнями сибирскихъ казаковъ, подъ начальствомъ генерала князя **Туманова**, выступилъ изъ д. Яомыня [2]). Мы двинулись по большой мандаринской дорогѣ къ г. Каюяню.

Солдаты были очень рады этому выступленію и, дѣйствительно, наша радость и впослѣдствіи не омрачилась. Господь-Богъ на этотъ разъ далъ и намъ возможность гнать передъ собою коварнаго врага. На другой день, 8-го апрѣля, мы уже радовались, когда узнали, что японцы бросаютъ свои окопы и

---

[1]) Въ Мукденскіе бои изъ 2-го и 3-го баталіоновъ 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка за 10 дней Мукденскихъ боевъ выбыло изъ строя 495 человѣкъ. Осталось въ строю: въ 5-ой ротѣ—59; въ 6-ой—65; въ 7-ой—30; въ 8-ой—41 человѣкъ;—изъ письма полковника Тучапскаго, командовавшаго въ бояхъ этими баталіонами.

[2]) См. схему № 8, стр. 74.

фанзы, приспособленныя къ оборонѣ, и отступаютъ передъ нашими передовыми частями.

Въ д. Нанчензѣ [1]) намъ пришлось видѣть такую картину:

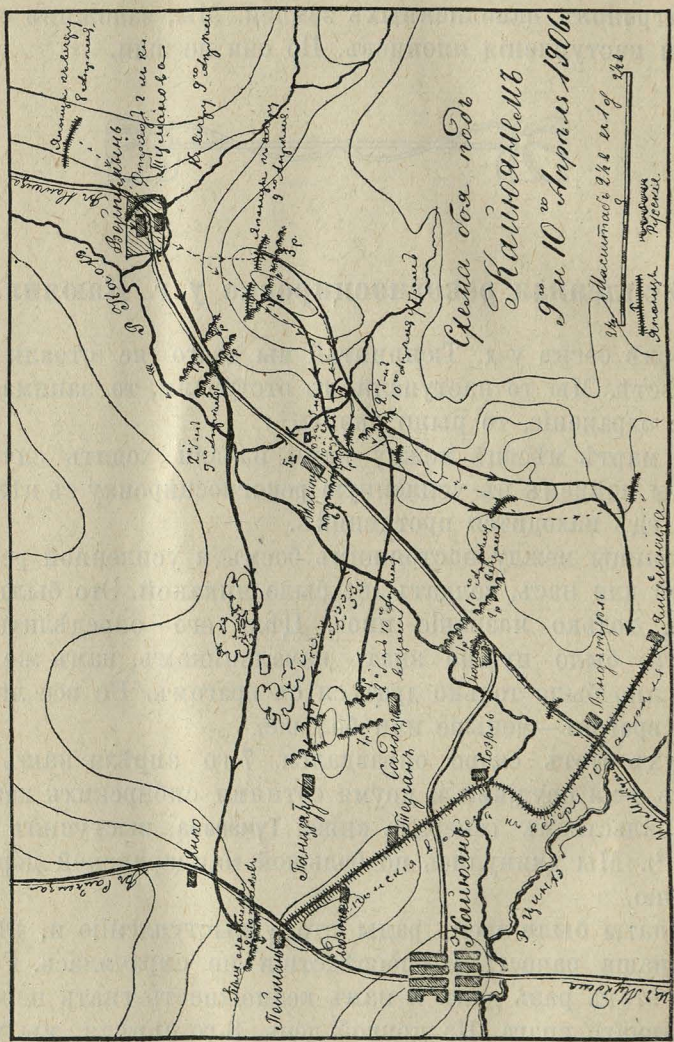


Схема № 8.

на площади громаднаго китайскаго двора съ 4-мя разрушенными фанзами лежало два изуродованныхъ японскихъ трупа и 17 убитыхъ лошадей. Трупы японцевъ настолько были обезображены,

[1]) Названіе деревень мною возстановлено по описанію русско-японской войны военно-исторической комиссіей. *Составитель.* Томъ VI, стр. 282.

что трудно въ нихъ было узнать людей. Скоро мы узнали, что все это произошло слѣдующимъ образомъ. Наши охотники развѣдали еще днемъ, что японская кавалерія занимала эту деревню и на ночь расположились по фанзамъ. Охотники донесли объ этомъ начальству. Днемъ артиллеристы опредѣлили разстояніе до деревни, а ночью внезапно они открыли по ней огонь. Огнемъ были разрушены фанзы и убиты люди и лошади.

Въ этой же деревнѣ мы нашли въ одной изъ фанзъ мирно сидѣвшаго молодого китайца, казавшагося больнымъ и почти умирающимъ. Но, когда мы его осмотрѣли и дернули за косу, то оказалось, что коса осталась въ рукахъ стрѣлка, а самъ китаецъ оказался совершенно здоровымъ японцемъ. Живехонькимъ мы его представили ротному командиру. На этотъ разъ японцу не удалось перехитрить сибирскаго стрѣлка.

Въ этотъ день впереди насъ шли казаки и развѣдчики нашего и 10 полковъ. Они спѣшно гнали передъ собою передовыя части японцевъ. Японцы бросали своихъ убитыхъ и раненыхъ. Мы наталкивались на десятки японскихъ труповъ. Тяжелораненыхъ японцы сами приканчивали, очевидно, чтобы не давать имъ долго мучиться отъ ранъ.

Вообще, медицинскую помощь японцы оказывали своимъ раненымъ слабо. У нихъ или было мало докторовъ, или они вообще мало заботились о тѣхъ, кто пролилъ свою кровь за свою же родину.

9-го февраля японцы стали оказывать намъ болѣе сильное сопротивленіе и задерживать наше наступленіе огнемъ съ хорошихъ позицій. Наша рота была въ резервѣ и намъ не удалось въ этотъ день быть въ бою.

Рано утромъ 10-го апрѣля у д. Масыпу бой разыгрался посильнѣе. Стрѣлки нашей роты рвались въ бой и слышно было недовольствіе ихъ. Они говорили, что „вотъ нашу 5-ю и 6-ю роты—головныя роты въ баталіонѣ, оставили въ резервѣ, а 7-я и 8-я роты, съ командиромъ нашего баталіона, подполковникомъ **Тучапскимъ**, во главѣ, уже громятъ деревню Вейпумынь [1]). Мы же лежимъ сложа руки въ ревервѣ“.

И надо сказать, это была правда. Тяжело и обидно смотрѣть, когда другіе гонятъ врага, а тебя вотъ приковываютъ къ мѣсту, „на всякій случай“. Но, вотъ, и намъ удалось видѣть радостную картину: японцы бѣжали густой толпой изъ деревни; 7-я и 8-я роты преслѣдовали ихъ залпами. Затѣмъ обѣ роты

---

[1]) Томъ 6, стр. 282.

двинулись цѣпью вправо и влѣво отъ деревни. Намъ приказано было итти прямо черезъ деревню. Въ деревнѣ мы увидѣли много раненыхъ и убитыхъ японцевъ. Трупы японцевъ лежали въ страшномъ безпорядкѣ. Но два японца передъ смертью обнялись и такъ и ушли въ заоблачный міръ. Странно было на нихъ смотрѣть. Можно было подумать, что это были родные братья, служившіе въ одномъ полку, въ одной ротѣ и не желавшіе разлучаться между собой до послѣдняго момента ихъ жизни.

Въ этой же деревнѣ былъ этапъ у японцевъ. Японцы успѣли поджечь его. Огонь пылалъ во всю. Дымъ разстилался по всему полю и заволакивалъ насъ. Мы смотрѣли на огонь и думали, что „не все то нашему добру горѣть, пусть погоритъ и ваше". Но многое еще не успѣли зажечь японцы и можно было имъ воспользоваться, но начальство намъ приказало ничего не брать. Мы, дѣйствительно, ничего не тронули.

Что намъ добыча, когда японцы бѣжали передъ нами и мы ихъ гнали! Теперь мы воочію видѣли, что они вовсе не такіе храбрецы, какими ихъ рисуютъ тѣ, передъ которыми они не бѣгали.

Долго мы стояли около костра, но вотъ намъ приказано было выйти изъ деревни. Какъ только мы вышли изъ нея, въ насъ градомъ посыпались ружейныя и пулеметныя пули изъ д. Сандяза. Моментально у насъ появились раненые и убитые—тѣ самые люди, которые такъ недавно стояли у костра и радовались японскому несчастью [1]).

Какъ все это просто на войнѣ и никто надъ этимъ на войнѣ не задумывается. Задумаешься только теперь, когда все это отошло въ область преданій. Но, вотъ, сами стрѣлки, видя, что они несутъ потери, безъ всякаго приказанія стали дѣлать перебѣжки впередъ и черезъ полчаса влились въ цѣпь 7 и 8 ротъ. Здѣсь на открытомъ полѣ пули свистали по всѣмъ направленіямъ. Они визжали, какъ шмели. Японцы взяли насъ подъ перекрестный огонь. Потери усиливались.

Но нашъ командиръ баталіона, подполковникъ **Тучапскій**, спокойно ходилъ подъ пулями, какъ бы гуляя у себя въ рабо-

---

[1]) Здѣсь Димитрій Гавриловичъ не можетъ рѣшить до сихъ поръ, хорошо ли солдаты поступили, что вышли изъ деревни безъ всякаго приказанія со стороны начальства. Намъ кажется, что такое проявленіе частной иниціативы солдатомъ въ высшей степени похвально уже потому, что нужно было развить успѣхъ, одержанный 7-ой и 8-ой ротами. *Составитель.*

чемъ кабинетѣ. Казалось, онъ не обращалъ никакого вниманія на пули, которыя, какъ пчелы, жужжали около него, и, казалось, каждая изъ нихъ готова была ужалить его и затѣмъ сама умереть. Изрѣдка онъ поворачивался къ японцамъ по направленію своихъ плечъ, чтобы лучше видѣть, какъ мы дѣлаемъ перебѣжки; въ это же время онъ представлялъ изъ себя меньшую цѣль, если бы онъ стоялъ прямо лицомъ къ японцамъ. Я смотрѣлъ на него и у меня были невольно слезы на глазахъ отъ страха, что вотъ, вотъ убьютъ или ранятъ этого героя—командира баталіона. Но мнѣ стало стыдно, что я, вотъ, солдатъ изгибаюсь и бѣгу, а штабъ-офицеръ—подполковникъ идетъ спокойно и ровно.

Что мнѣ терять и что ему?... Тогда я пошелъ тоже спокойно, какъ будто бы здѣсь пуль и не было. Но командиръ баталіона замѣтилъ это и спросилъ меня: „Зачѣмъ ты, Шепель, идешь шагомъ, нужно бѣжать во всю, на то и перебѣжки“.

Я отвѣтилъ: „Ничего, Ваше Высокоблагородіе“.

Солдаты любили подполковника **Тучапскаго**, какъ храбраго и умнаго офицера, подававшаго намъ всюду и вездѣ примѣръ неустрашимой храбрости и спокойной распорядительности.

Онъ окончилъ академію Генеральнаго Штаба и за это солдаты смотрѣли на него нѣсколько иначе, чѣмъ на другихъ офицеровъ.

Дойдя до деревни Гюша [1]), мы засѣли за землянымъ валомъ и открыли огонь по японцамъ. Японцы отошли къ гор. Каюяню и открыли по насъ огонь.

И опять началась знакомая намъ перестрѣлка. Пули летѣли съ той и съ другой стороны, разыскивая тѣхъ, кому они предназначались. Скоро на позицію выѣхала наша батарея и заставила огнемъ замолчать японцевъ на нѣкоторое время. Затѣмъ японцы, очевидно, не выдержавъ нашего огня, постепенно отошли назадъ. Мы ринулись сейчасъ же за ними и заняли ихъ деревню. И опять пошла перестрѣлка. Японскія пули то летѣли черезъ наши головы, то сердито зарывались передъ нами въ земляномъ валѣ. Нѣсколько пуль легло рядомъ со мною. Я взялъ ихъ руками сейчасъ же послѣ паденія; онѣ были еще тепленькія. Намъ было интересно—куда то наши пули попадали. Про то знаютъ многіе японцы. Мы только видѣли, что потери у нихъ были большія. Но раненые изъ цѣпи у нихъ рѣдко выходили.

Въ трехъ верстахъ отъ насъ красовался гор. Каюянь. Мы уже потирали руки, что вотъ, вотъ, онъ будетъ въ нашихъ

---

[1]) Тамъ же, томъ VI, стр. 284.

рукахъ. Мы возьмемъ городъ. Въ этомъ городѣ, мы знали, былъ и памятникъ русскимъ, построившимъ маньчжурскую желѣзную дорогу.

Но около 6 часовъ вечера, неожиданно для насъ, намъ было приказано оставить занятыя нами деревни и отойти на свои прежнія позиціи. Жаль было отступать отсюда, да и не понятно, почему отступать, когда каждый солдатъ понималъ, что мы побѣждаемъ врага.

Нужно было взять городъ, а не отступать.

Но, вотъ, намъ г. г. офицеры, съ горечью въ сердцѣ, объяснили, что мы отступаемъ потому, что сильно выдвинулись впередъ по сравненію со всѣми остальными нашими войсками. По нашему, это было лучше. „Пусть другіе двигаются къ намъ", говорили стрѣлки.

Но не наше дѣло разсуждать.

Итакъ, намъ нужно было отступать. Отступленіе всегда хуже наступленія; въ нихъ всегда больше было потерь; при наступленіи не только раненыхъ, но даже убитыхъ подберутъ, а при отступленіи, смотришь, и слегка подстрѣленный человѣкъ въ обѣ ноги попадаетъ въ руки японцевъ.

А самое главное, при отступленіи—на душѣ солдата тяжело, тоскливо; при наступленіи—задоръ, радость; словомъ, героемъ себя чувствуешь. Но скоро, на наше счастье, отходъ нашъ отложили до наступленія темноты. Солдаты говорили, что разрѣшеніе отступить ночью было получено, благодаря просьбамъ подполковника **Тучапскаго**. За что ему каждый солдатъ до сихъ поръ благодаренъ и именно потому, что при отступленіи ночью всегда меньше потерь, чѣмъ днемъ. Японцы теперь отъ насъ находились въ 600 шагахъ и все время обстрѣливали насъ пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. Къ нимъ подошли подкрѣпленія съ юга. Около часа ночи приказано было отходить назадъ.

Но чтобы прикрыть наше отступленіе и сдѣлать его незамѣтнымъ для японцевъ, Подполковникъ **Тучапскій** вызвалъ желающихъ остаться на позиціи и разстрѣливать патроны по японцамъ, если они будутъ наступать на насъ. Желающихъ нашлось человѣкъ 10—15, въ томъ числѣ вышелъ и я. Подполковникъ **Тучапскій** намъ сказалъ такъ: ,,какъ только японцы замѣтятъ, что мы оставляемъ позицію, они, вѣроятно, пойдутъ въ атаку на васъ, тогда ужъ вамъ однимъ придется отбиваться отъ этой атаки. Стрѣляйте, патроновъ не жалѣйте. Если же кого нибудь изъ васъ ранятъ, то ужъ некому будетъ его вытаскивать изъ огня и онъ неминуемо долженъ попасть въ руки япон-

цевъ. Помощи ждать вамъ неоткуда. Вы сами по себѣ дѣйствуйте". Какъ не были грозны эти слова, никто изъ вызвавшихся не отказался остаться на позиціи. Меня вмѣстѣ съ фельдфебелемъ 8-й роты, **Милевичемъ**, оставили за старшихъ.

Но, вотъ наши роты спустились съ горы, а мы, набравъ массу патроновъ, остались на позиціи одни. Послѣдней отошла 6-я рота.

Дѣйствительно, баталіонный командиръ не ошибся. Японцы, замѣтивъ наше отступленіе, быстро двинулись на насъ въ атаку. Но мы не смутились: мы открыли такой частый огонь, что можно было думать, что на горѣ сидѣло не 10—15 человѣкъ, а цѣлая рота. Мы залили все впередилежащее пространство свинцомъ. Японцы пріостановились и, по своему обыкновенію, залегли и открыли по насъ частый огонь. Очевидно, они раздумывали, какъ лучше насъ атаковать, а можетъ быть и совсѣмъ захватить насъ въ плѣнъ. Но мы, поддерживая частый огонь, по-одиночкѣ, по-очереди сходили съ сопки. Около 12 часовъ ночи мы всѣ сошли и увидѣли, что поблизости нашихъ войскъ уже не было.

Пройдя съ полверсты, мы встрѣтили казачьи разъѣзды, которые намъ указали, по какой дорогѣ ушли наши роты, а затѣмъ, въ свою очередь, они разспрашивали насъ, ,,что за бой у васъ тамъ былъ?" И когда мы имъ сказали, что это мы 10—15 человѣкъ открыли такую пальбу, то они разсмѣялись и сказали: ,,а мы вотъ думали, что тамъ у васъ цѣлый баталіонъ. Ну и молодцы же, надули японцевъ!" Сказавъ это, они посовѣтовали намъ все же поскорѣе убираться отсюда, такъ какъ японцы уже начинали дозорами шнырять по всей мѣстности.

На разсвѣтѣ мы присоединились къ своимъ ротамъ у д. Вейпумынь. Здѣсь насъ остановили для отдыха. Черезъ полчаса впереди насъ была слышна стрѣльба. Скоро къ намъ подъѣхали знакомые намъ казаки, которые подъ напоромъ японской кавалеріи и пѣхоты отступали съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ мы такъ недавно еще дрались, отстаивая каждую пядь земли.

Больно было все это видѣть и сознавать, что вотъ послѣ побѣды мы опять отступаемъ... Что-то непонятное для насъ было. Въ чемъ хитрость здѣсь была, никто не зналъ. Не хотѣлось оборачиваться назадъ. Тутъ къ намъ, къ отстрѣльщикамъ, подошелъ командиръ баталіона, подполковникъ **Тучапскій**, и перебилъ мои размышленія. Онъ похвалилъ насъ и сказалъ: ,,Спасибо Вамъ, молодцы, стрѣлки! Вы сдѣлали свое дѣло. Вы дали возможность нашимъ ротамъ и обозамъ отойти спокойно назадъ

и ни одна непріятельская пуля не поразила ни одного стрѣлка и ни одной повозки не осталось въ рукахъ врага. „Если бы вы рано сошли съ сопки, то Богъ знаетъ, что-бы ночью въ темнотѣ могло произойти. Тебя, **Шепель**, я представляю за этотъ подвигъ къ Георгію 2-й степени“.

Я поблагодарилъ командира баталіона, но Георгія, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, не получилъ.

Фельдфебель же 8-й роты, **Милевичъ**, былъ счастливѣе меня. Онъ получилъ Георгіевскій крестъ за это дѣло, но только въ 1908 году. Очевидно, кто-нибудь возбудилъ его представленіе. Что же касается меня, то я ушелъ со службы домой, и въ полку могли не знать, гдѣ я нахожусь. Но Богъ видитъ правду, и я за этотъ подвигъ получилъ Георгія не только 2-й степени, а даже 1-й и изъ **собственныхъ рукъ Его Императорскаго Величества обожаемаго нашего Государя Императора.**

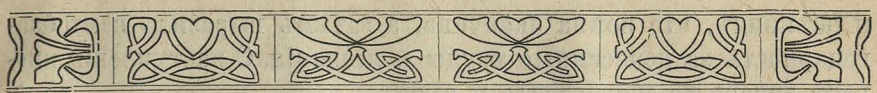
Но, вотъ, намъ было приказано занять новую позицію. 1-я полурота заняла одну сопку, а 2-я другую; при 2-й полуротѣ былъ ротный командиръ, а при 1-й—я. Японцы открыли по насъ огонь. Мы по нимъ. Стрѣляли цѣлый день. Но, по счастью, убыли у насъ не было никакой. Даромъ пропадали японскія пули. Не знаю, какъ наши. Ночью японцы повели атаку на 7-ю роту, которая была правѣе насъ. Секретъ 7-й роты съ храбрымъ фельдфебелемъ во главѣ пропалъ безъ вѣсти. Фамилію фельдфебеля не помню, губерніи онъ былъ, кажется, Херсонской; но говорю это не утвердительно.

Около 2-хъ часовъ ночи приказано было намъ отступить. Солдаты вновь спрашивали у ротнаго командира, почему мы отступаемъ. Никто не могъ намъ объяснить этого, да пожалуй никто этого и не зналъ.

„Вѣдь мы разбили японцевъ у г. Каюяня, такъ зачѣмъ же намъ отступать“, говорили между собою стрѣлки. „Но про это знаетъ высшее начальство“, сказалъ, наконецъ, нашъ ротный командиръ. Мы перестали говорить, зачѣмъ и почему мы отступаемъ, и тронулись въ путь.

Японцы двигались за нами. У г. Фушуна былъ горячій бой, но наша рота въ немъ не участвовала.

Еще было нѣсколько стычекъ и боевъ въ нашемъ полку, но наша рота въ нихъ участія не принимала. Боевая дѣятельность нашей роты на этомъ закончилась. Мы отошли на Сипингайскія позиціи.



Назначеніе новаго Главнокомандующаго Генералъ-Адъютанта Линевича.

Послѣ Мукденскихъ боевъ намъ назначили новаго Главнокомандующаго Генералъ-Адъютанта **Линевича**, который командовалъ до этого времени нашей 1-й Маньчжурской арміей. По нашему скромному солдатскому разумѣнію, онъ получилъ повышеніе по службѣ по заслугамъ. Съ этимъ новымъ Главнокомандующимъ, нашимъ горячо-любимымъ и обожаемымъ Генераломъ **Линевичемъ**, мы твердо надѣялись побѣдить врага, или умереть.

„Генералъ **Линевичъ** либо положитъ всѣхъ насъ до одного, либо побѣдитъ японцевъ; ужъ таковъ у него характеръ. Теперь намъ только бы собраться съ силами и тогда опять въ нашихъ рукахъ будутъ Мукденъ и Ляоянъ, а то и вся Японія,“ говорили солдаты.

Мы были очень рады назначенію Генерала **Линевича** Главнокомандующимъ. Намъ надоѣло отступать и рыться въ землѣ. Мы полагали, что съ новымъ Главнокомандующимъ мы перейдемъ въ наступленіе. Мы вѣрили въ успѣхъ. Къ тому же послѣ усиленной рекогносцировки у г. Каюяня мы уже твердо знали, что японецъ не Богъ вѣсть какой солдатъ; храбрости открытой у него нѣтъ. Какъ приходится ему плохо, долго на одномъ мѣстѣ онъ не можетъ держаться. Вся храбрость его въ огнѣ и въ хитрости. Если у нихъ иногда и проявлялась храбрость открытая, то благодаря ихъ постояннымъ успѣхамъ и нашимъ отступленіямъ; а если бы ихъ разъ-другой разбили въ бою, то они казались бы намъ совсѣмъ другими.

Итакъ, мы ожидали приказа генерала **Линевича** наступать, итти впередъ и бить японцевъ.

Но на дѣлѣ вышло для насъ совершенно иное: ходившіе уже слухи о мирѣ оправдались. 11-го октября 1905 года былъ объявленъ намъ **Высочайшій** манифестъ о заключеніи мира. 14-го октября Главнокомандующій, генералъ **Линевичъ**, пріѣхалъ къ намъ

и объявилъ, что война окончена, а затѣмъ выразилъ намъ благодарность за понесенные труды и лишенія. О наступленіи впередъ теперь не могло быть и рѣчи.

Мало кто изъ насъ радовался этому миру, развѣ только старики запасные. Большинству же дѣйствительнослужащихъ солдатъ этотъ миръ не понравился. Они молча выслушали приказъ о немъ и молча разошлись.

Имъ еще разъ хотѣлось честно помѣриться силами съ врагомъ, подъ начальствомъ новаго Главнокомандующаго, генерала **Линевича**. Да видно не судьба была ему и намъ сражаться подъ его командой. Многіе изъ солдатъ говорили, что „какъ же мы теперь возвратимся домой въ свои деревни, не побѣдивъ врага. Что скажутъ наши старики, жены и дѣти. Тяжело намъ будетъ жить, не побѣдивъ врага. Всегда и вездѣ Россія побѣждала своихъ враговъ. Здѣсь же этого не случилось".

Но въ этомъ мы не были виноваты. Г. г. генералы, офицеры и солдаты дрались съ японцами храбро, свято и ненарушимо, исполняя святую присягу и не роняя славы русскаго оружія. Мы были готовы всегда и вездѣ еще долго сражаться съ коварнымъ врагомъ, жертвовать собою для славы нашего **обожаемаго Государя Императора** и **Родины**. Мы желали отомстить врагу за наши пораженія и за тѣхъ героевъ-молодцовъ, которые сложили свои молодецкія головы въ Маньчжуріи.

Мы не были разбиты и о мирѣ никто изъ насъ никогда и не думалъ. Онъ былъ для насъ полной неожиданностью.

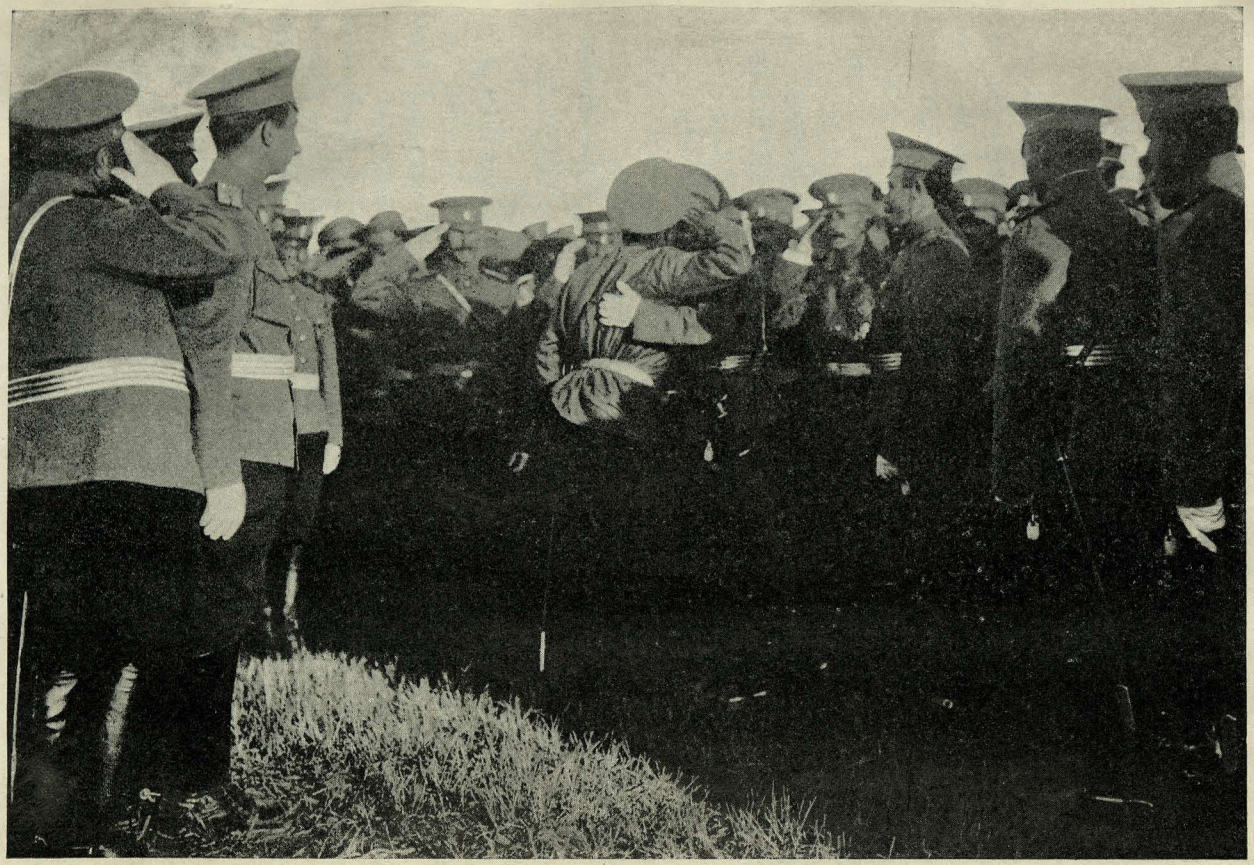
Мы полагали, что война только, что начиналась. Наши войска съ каждымъ днемъ увеличивались въ числѣ новыми подкрѣпленіями изъ Россіи.

Въ моментъ заключенія мира у насъ настроеніе было очень плохое, подавленное.

Солдаты сейчасъ же послѣ объявленія мира говорили, что миръ этотъ не будетъ продолжительнымъ и скоро снова начнется война съ Японіей. Тогда мы побѣдоносной войной докажемъ всему свѣту, что эта Русско-японская война не была окончена нами.

Да и японцы это понимали и потому торопились заключить съ нами миръ. Но миромъ этимъ, какъ мы слышали отъ плѣнныхъ, они тоже не были довольны.

Значитъ нужно готовиться къ новой войнѣ.



Государь Императоръ лобызаетъ подпрапорщика Шепеля.

Копіи воспрещаются.

12-го августа, 1911 г.

Сверхсрочная служба.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ полкъ нашъ перевели къ гор. Харбину и расположили по деревнямъ въ фанзахъ. Здѣсь намъ пришлось пробыть до увольненія въ запасъ арміи. Начальство оставляло меня на сверхсрочную службу, но я отказался. Причиной моего отказа была не тягость военной службы, а желаніе увидѣть старуху-мать и братьевъ, да и всю Полтавскую губернію, а еще, по правдѣ сказать, хотѣлось и себя показать фельдфебелемъ и съ двумя Георгіевскими крестами. Прошло вѣдь пять лѣтъ, какъ я не видѣлъ своей дорогой родины и находился въ чужой китайской землѣ. Много разъ я уже думалъ, что и не придется мнѣ увидѣть свою дорогую родину, а теперь мнѣ представляется такой счастливый случай. Какъ же было мнѣ имъ не воспользоваться и остаться вновь на Дальнемъ Востокѣ, хотя и въ родномъ своемъ **9-мъ Восточно-Сибирскомъ** стрѣлковомъ полку.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1906 года я пріѣхалъ въ родной домъ, но жить, по бѣдности, было очень трудно еще до войны, а послѣ войны стало еще труднѣе; многое въ хозяйствѣ поразстроилось. Тогда я сталъ искать себѣ мѣста, чтобы помочь своей семьѣ деньгами и достать себѣ все небходимое для жизни.

1 мая 1906 года я отправился въ Петербургъ и, благодаря князю Путятину, я получилъ мѣсто въ имѣніи Адамово въ Витебской губерніи. Прослуживъ здѣсь девять мѣсяцевъ и, заработавъ немного денегъ, я уѣхалъ домой, чтобы привести въ порядокъ свое небольшое хозяйство [1]).

Въ январѣ 1907 г. я женился, но скоро опять остался безъ денегъ. Тогда я рѣшилъ вновь искать себѣ мѣста, но на штатскую службу я уже не хотѣлъ поступать, такъ какъ она была не въ моемъ духѣ. Меня тянуло вновь на военную службу. Вновь хотѣлось взяться за винтовку, вновь покомандовать другими и подчиняться настоящему—военному начальству. Иначе

---

[1]) Въ настоящее время Димитрій Гавриловичъ взялъ къ себѣ старуху-мать, свой же небольшой участокъ земли онъ отдалъ въ пользованіе своему родному брату. *Составитель.*

всѣ мои знанія и опытъ, полученные на войнѣ, пропадутъ даромъ. Тогда я написалъ докладную записку командиру гренадерскаго корпуса, Генералу **Сандецкому**, съ просьбою принять меня на военную службу. Черезъ недѣли двѣ я получилъ увѣдомленіе изъ 1-го Лейбъ-Гренадерскаго Екатеринославскаго **Императора Александра II** полка явиться съ документами въ Москву. 7-го мая я явился командиру полка, полковнику **Чаплыгину**, и былъ назначенъ на службу во 2-ю роту на должность взводнаго унтеръ-офицера.

Теперь началась для меня вторая служба въ мирное время— уже сверхсрочная въ новомъ полку. Полкъ и начальство оказались отличными. Скоро я былъ переведенъ въ 16-ю роту на должность фельдфебеля; но затѣмъ былъ снова возвращенъ во 2-ю роту на прежнюю должность. Въ началѣ 1909 года фельдфебель 2-й роты, по болѣзни, былъ уволенъ въ запасъ. Меня назначили фельдфебелемъ роты. Въ этомъ же году я окончилъ школу подпрапорщиковъ и былъ произведенъ въ августѣ мѣсяцѣ въ подпрапорщики. Когда то я мечталъ быть заурядъ-прапорщикомъ. Былъ даже первымъ кандидатомъ, какъ говорилъ мнѣ полковой адъютантъ, поручикъ **Васильевъ**, но не было ваканціи. Теперь сталъ подпрапорщикомъ.

Но, вотъ, 1-го Ноября 1911 года нашу 2-ю роту принялъ причисленный къ Генеральному Штабу капитанъ **Мирный** на два года.

Новый ротный командиръ самъ бывалъ въ бояхъ и прошелъ всю войну. Онъ сразу ко мнѣ отнесся хорошо. Служба моя пошла отлично. Какъ то разъ ротный командиръ разспросилъ меня про мои боевыя дѣла. Я разсказалъ все, что припомнилъ.

Послѣ разсказа я подумалъ, что мой разсказъ разсказомъ такъ и останется [1]), но вышло иначе. Оказывается, что ротный командиръ твердо запомнилъ всѣ мои разсказы и выжидалъ только счастливаго случая, чтобы доложить кому слѣдуетъ о моихъ дѣлахъ или подвигахъ, какъ онъ сказалъ.

---

[1]) Здѣсь нужно отдать справедливость Димитрію Гавриловичу, что онъ больше разсказывалъ о своихъ товарищахъ, о своей ротѣ и о своихъ офицерахъ, чѣмъ о себѣ. О себѣ онъ умалчивалъ. И много трудовъ стоило выпытать отъ него о личныхъ его дѣлахъ. Онъ или отнѣкивался, или боялся представить себя въ ложномъ, по его мнѣнію, свѣтѣ. Только дневникъ его помогъ выяснить и узнать дѣла и рѣдкую его скромность.

Но что это за подвиги. Я только исполнилъ святую присягу и иначе поступить не могъ. Не заслужилъ я поцѣлуевъ Державнаго Нашего Обожаемаго **Государя Императора** и **Собственноручнаго награжденія Его Императорскимъ Величествомъ** Святыми Георгіями 2-й и 1-й степеней. Не заслужилъ я и того, чтобы про меня писали въ книгахъ.

Но Божья на все воля.

Радъ и готовъ служить всегда и вездѣ **Обожаемому, Высокомилостивому нашему Государю Императору** и нашей дорогой **Родинѣ.**

Боже, храни ихъ всегда и вездѣ.

Заключеніе отъ составителя.

Но кому же и какому счастливому случаю обязанъ Димитрій Гавриловичъ, что его подвиги не были забыты, всплыли наружу и награждены по заслугамъ черезъ семь лѣтъ послѣ ихъ совершенія.

Прежде всего счастливому случаю — поѣздкѣ 1-го Лейбъ-Гренадерскаго Екатеринославскаго **Императора Александра II** полка на Царскій смотръ изъ Москвы въ Красное Село; затѣмъ ротному командиру, напомнившему генералу **Данилову** о его подвигахъ, затѣмъ командиру полка, полковнику **Чаплыгину**, согласившемуся съ ходатайствомъ ротнаго командира, и, наконецъ, больше всего генералъ-адъютанту **Данилову**, нынѣ командиру гвардейскаго корпуса, сдержавшему свое слово, сказанное имъ въ бою подъ Цофатуномъ.

Генералъ-адъютантъ **Даниловъ**, несмотря на семилѣтнюю давность подвиговъ подпрапорщика **Шепеля**, вошелъ съ ходатайствомъ къ Августѣйшему Главнокомандующему Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа **Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу** о награжденіи подпрапорщика **Шепеля** знаками отличія Военнаго Ордена 2-й и 1-й степеней.

Но, какъ же все это произошло? Дадимъ краткій отвѣтъ.

Во время стоянки полка въ д. Тайцахъ полкъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ **Великій Князь Николай Николаевичъ** въ сопровожденіи генералъ-адъютанта **Данилова** и его начальника

штаба генералъ-маіора **Морица**. Ротный командиръ попросилъ генералъ-маіора **Морица** спросить разрѣшенія командира корпуса представить ему подпрапорщика **Шепеля**, какъ его боевого сподвижника.

Генералъ **Морицъ** охотно согласился доложить эту просьбу генералу **Данилову** и предложилъ прислать Димитрія Гавриловича въ ближайшій праздникъ на квартиру къ командиру корпуса. Но не успѣлъ Димитрій Гавриловичъ сходить къ командиру корпуса, какъ начались полковые маневры подъ Краснымъ Селомъ.

Въ ночь съ 1-го на 2-е августа Екатеринославскій полкъ вышелъ на ночной маневръ изъ дер. Тайцы къ цер. Кабози. Полкъ стоялъ на позиціи и выжидалъ наступленія противника—гвардейскихъ стрѣлковъ отъ Царскаго Села.

Ночь была прекрасная, звѣздная, но темная. 2-я рота, въ которой находился Димитрій Гавриловичъ, занимала позицію на возвышенности въ кустахъ Ротой командовалъ подпоручикъ **Матвѣевъ-Роговъ**, искренно цѣнившій Димитрія Гаврловича и многому у него практически научившійся. Самъ же ротный командиръ, капитанъ **Мирный**, былъ при командирѣ полка.

Но, вотъ, въ ночной тишинѣ послышались трели звонковъ и топотъ лошадей. Скоро подкатила тройка вороныхъ лошадей командира корпуса, генералъ-адъютанта **Данилова**.

Командиръ корпуса, выслушавъ докладъ командира полка о положеніи дѣлъ, приказалъ показать ему позицію полка. Для показа былъ назначенъ капитанъ **Мирный**. По дорогѣ въ разговорѣ съ командиромъ корпуса, капитанъ **Мирный** доложилъ нижеслѣдующее: „Ваше Высокопревосходительство, въ рядахъ ввѣренной мнѣ 2-й роты находится Вашъ маленькій сподвижникъ, унтеръ-офицеръ **Шепель**, нынѣ подпрапорщикъ и фельдфебель“.

Генералъ **Даниловъ** приказалъ немедленно позвать его. Димитрій Гавриловичъ вышелъ въ ночной темнотѣ изъ кустовъ. Командиръ корпуса поздоровался съ нимъ и, освѣтивъ его лицо электрическимъ фонаремъ, узналъ его и вспомнилъ его подвигъ 17-го и 18-го августа. Припомнилъ и многихъ другихъ своихъ соратниковъ-героевъ офицеровъ и солдатъ.

Затѣмъ, поблагодаривъ его за предыдущую и настоящую службу самыми сердечными словами, поцѣловалъ его.

Послѣ этого онъ обратился къ капитану **Мирному** и къ подпоручику **Матвѣеву-Рогову** и сказалъ: „и сколько я знаю такихъ молодцовъ-героевъ, а вотъ всѣ теперь мало-по-малу разсѣялись:

одни умерли, другіе неизвѣстно гдѣ; а сколько ихъ легло въ Маньчжуріи... Пріятно видѣть теперь хотя одного изъ такихъ героевъ".

Затѣмъ онъ, отойдя немного, спросилъ капитана **Мирнаго**:

— «А что **Шепель** получилъ за это дѣло»?

— «Ничего»!—былъ отвѣтъ ему.

— «Ну, а эти два креста, которые на немъ»?

— «Это за другія боевыя отличія».

— «Да какъ же такъ. Вѣдь я же ихъ всѣхъ представилъ къ Св. Георгію. Что же это такое. Такъ нельзя. Хотя всѣ сроки прошли для ходатайствъ по награжденію знаками отличія Военнаго Ордена, но нужно попробовать».....

„Такъ оставлять этого дѣла нельзя. Напишите мнѣ памятную записку о его подвигахъ".

„Я доложу о нихъ Главнокомандующему **Великому Князю Николаю Николаевичу**, и буду просить **Его Высочество** доложить о его подвигахъ **Государю Императору**".

Затѣмъ генералъ-адъютантъ **Даниловъ** пошелъ одинъ по позиціи и скоро скрылся въ ночной темнотѣ.

Записка была составлена капитаномъ **Мирнымъ** черезъ недѣлю и подписана Командиромъ полка. Въ этой запискѣ были описаны не только первый подвигъ подпрапорщика **Шепеля** 17-го и 18-го августа, но и второй—въ ночь съ 10 на 11 апрѣля подъ г. Каюянемъ[1]). Долго не удавалось вручить эту записку генералъ-адъютанту **Данилову**. Одно время казалось, что не удастся это сдѣлать до самого конца лагеря и Димитрію Гавриловичу придется возвратиться въ Москву безъ новыхъ Георгіевскихъ крестовъ. Но скоро самъ генералъ-адъютантъ **Даниловъ** напомнилъ объ этой запискѣ.

10 августа, послѣ смотра полка **Государемъ Императоромъ**, кстати сказать прошедшаго блестяще, на царскомъ завтракѣ во дворцѣ въ Красномъ Селѣ записка эта была вручена генералъ-адъютанту **Данилову**.

Генералъ-адъютантъ **Даниловъ** любезно подозвалъ къ себѣ капитана **Мирнаго** и, разспросивъ его вновь о подвигахъ подпрапорщика **Шепеля**, въ заключеніе сказалъ: „радъ, что мои молодцы, сибирскіе стрѣлки, и въ мирное время отличаются и приносятъ большую пользу дорогому намъ военному дѣлу".

Что дальше было съ этой запиской, неизвѣстно.

---

[1]) См. приложеніе № 1.

Но вотъ 12 августа, въ день Своего Высокомилостиваго пріѣзда **Государя Императора** въ Тайцы, въ лагерь полка, **Государь Императоръ** изволилъ **Лично, Собственноручно** наградить подпрапорщика **Шепеля** за его подвиги **тремя поцѣлуями** и двумя Георгіевскими крестами.

Скоро офицерамъ полка стало извѣстно, что эту записку было угодно прочесть **Его Императорскому Величеству Государю Императору.**

Картина награжденія.

Картина награжденія подпрапорщика Шепеля знаками отличія Военнаго Ордена **Государемъ Императоромъ** была захватывающая и потрясающая.

Вокругъ **Государя Императора**, въ то время, когда **Его Величество** изволилъ приказать вызвать Димитрія Гавриловича изъ строя, стали всѣ офицеры и ближайшіе нижніе чины полка.

Все замерло.

Дисциплина показная, внѣшняя отошла на второй планъ.—Всѣ стремились возможно ближе подойти къ **Государю Императору** и не пропустить ни одного движенія, ни одного слова **Его Величества.**

Безусловно никто и никогда изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка такъ близко къ **Его Императорскому Величеству** не стоялъ, какъ въ этотъ моментъ.

Всѣхъ объединила одна мысль—награжденія Георгіевскими крестами скромнаго героя, бывшаго восточно-сибирскаго стрѣлка, нынѣ лейбъ-гренадера, уже потерявшаго всякую надежду получить какую бы то ни было награду за свои подвиги. Безъ пяти дней прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ совершилъ свой первый подвигъ и поэтому предалъ забвенію и самую мысль о награжденіи его.

Его Императорское Величество Государь Императоръ высокомилостиво изволилъ разспрашивать подпрапорщика **Шепеля** о его предыдущей службѣ, о сраженіяхъ и о бояхъ, въ которыхъ онъ уча-

ствовалъ, о его ранахъ и о его здоровьи. Подпрапорщикъ **Шепель** ясно и внятно отвѣчалъ **Государю Императору** и показалъ **Его Величеству** свою раненую руку, на которой осталось синее пятнышко отъ японской пули.

Съ каждой секундой зрѣлище становилось все болѣе захватывающимъ. Всѣ видѣли, какъ передъ Высокомилостивымъ **Государемъ Императоромъ** стоялъ человѣкъ, столько вынесшій и пролившій крови за Царя и Русь Святую. Самъ Димитрій Гавриловичъ слегка дрожалъ, но сохранялъ все время свою молодецкую выправку до послѣдняго момента.

Волненіе у присутствующихъ постепенно увеличивалось. У нѣкоторыхъ офицеровъ появились слезы на глазахъ; нѣкоторые не выдержали и отошли въ сторону.

Всѣ отдали должное этому знаменательному, историческому моменту.

Всѣ старались точно запомнить всѣ вопросы **Государя Императора** и отвѣты Димитрія Гавриловича **Его Величеству**. Вдругъ, **Государь Императоръ** изволилъ приказать коменданту двора **Его Величества**, генералу **Дедюлину**, подать **Ему** знаки отличія Военнаго Ордена.

Командиръ полка, полковникъ **Чаплыгинъ**, вызвалъ ротнаго командира, капитана **Мирнаго**, чтобы навѣсить знаки отличія Военнаго Ордена на боевую грудь Димитрія Гавриловича. Генералъ **Дедюлинъ** передалъ ротному командиру знаки отличія Военнаго Ордена.

Но **Государь Императоръ** изволилъ пожелать **Лично** навѣсить знаки отличія Военнаго Ордена. Тогда на долю ротнаго командира выпало величайшее счастье подавать кресты св. Георгія Побѣдоносца **Его Императорскому Величеству**.

Когда Георгіевскіе кресты были вынуты изъ конвертиковъ, не нашлось булавокъ.

Произошло замѣшательство. Но не надолго. Черезъ секунду у одного изъ офицеровъ нашлись двѣ булавки. Онъ отдалъ ихъ ротному командиру. Не успѣлъ онъ приготовить кресты къ прикалыванію, какъ **Государю Императору** было угодно взять изъ рукъ капитана **Мирнаго** крестъ 1-й степени и уже начать прикрѣплять его. Но капитанъ **Мирный** осмѣлился почтительнѣйше предложить **Его Императорскому Величеству** приколоть сначала крестъ 2-й степени, а затѣмъ 1-й, по старшинству крестовъ.

Государю Императору было угодно согласиться съ этимъ предложеніемъ и **Его Императорское Величество** изволилъ взять

крестъ 2-й степени и приколоть его на боевую грудь подпрапорщика Шепеля, а затѣмъ **Государь Императоръ** изволилъ приколоть и крестъ 1-й степени.

Знаки отличія Военнаго Ордена вышли прикрѣпленными около лѣваго плеча Димитрія Гавриловича, въ которое онъ былъ раненъ на Ключевой сопкѣ.

Въ то время, когда **Государь Императоръ** изволилъ прикрѣплять Димитрію Гавриловичу кресты, онъ по-прежнему стоялъ навытяжку, смотрѣлъ прямо въ глаза **Его Императорскому Величеству** и слегка дрожалъ. Лицо его сильно поблѣднѣло. Видно было, что онъ переживалъ рѣдкія высокоторжественныя минуты для него.

Вдругъ, Димитрій Гавриловичъ яснымъ, но болѣе уже взволнованнымъ голосомъ сказалъ: „покорнѣйше благодарю **Ваше Императорское Величество**".

„Не достоинъ я получить такой высокой милости. Я не заслужилъ этой высокой награды".

„Если на мою долю выпало счастье защищать **Васъ, Ваше Императорское Величество**, и свою **Родину**, то я только свято исполнилъ свою присягу".

„И, если Господь Богъ приведетъ меня когда нибудь еще разъ защищать свою родину, то я постараюсь оправдать **Вашу** Высокую для меня въ моей жизни награду".

Тогда **Государь Императоръ**, видя какъ онъ цѣнитъ эти высокія награды, какое онъ придаетъ имъ значеніе, изволилъ сказать: «**Нѣтъ, ты достоинъ этой награды**»

Затѣмъ **Государю Императору** было угодно приблизиться къ Димитрію Гавриловичу и **поцѣловалъ его три раза**. Послѣ этого Высокомилостиваго поцѣлуя Димитрій Гавриловичъ, окончательно уже взволнованный этой новой, еще болѣе рѣдкой, еще болѣе Почетной, Высокой, Царской наградой, вторично сказалъ: „**Ваше Императорское Величество**, не достоинъ такой высокой награды. Я не заслужилъ"....

Глаза Димитрія Гавриловича готовы были разразиться слезами. Но, онъ какъ выдерживалъ японскія пули, такъ и выдержалъ эти высокоторжественныя, необычайныя для него моменты въ жизни. Нужно было удивляться, какъ въ немъ хватило нравственныхъ силъ перенести и эти высокоторжественныя минуты. Долго онъ потомъ не могъ опомниться и притти въ себя.

Затѣмъ **Его Императорскому Величеству Государю Императору** было угодно внимательно еще разъ взглянуть на Димитрія Гавриловича и обратиться къ гренадерамъ 2-й роты, стоявшимъ ближе всѣхъ къ мѣсту награжденія, со слѣдующими Высокомилостивыми, назидательными словами. **„Ты заслужилъ эти награды; носи ихъ и служи примѣромъ молодымъ гренадерамъ. А вы, гренадеры, служите по примѣру вашего доблестнаго фельдфебеля“.**

Волненіе и восторгъ присутствующихъ въ этотъ моментъ достигли своего апогея. Многіе офицеры прослезились; другіе же, бывавшіе не разъ въ бояхъ, видѣвшіе передъ собою смерть и вышедшіе изъ сраженія какимъ то чудомъ живыми, были взволнованы такъ сильно, что долго не могли говорить между собою. Самъ командиръ полка заплакалъ и отошелъ въ сторону.

Рѣдко кому приходилось видѣть такое зрѣлище, такую картину, переживать такія возвышенныя чувства.

Нѣтъ словъ передать это благородное волненіе присутствующихъ.

Всѣ видѣли передъ собой **Государя Императора** и скромнаго героя, не придавшаго значенія своимъ подвигамъ, а можетъ быть уже забывшаго о нихъ. Всѣ видѣли и слышали, какъ **Государь Императоръ** изволилъ милостиво разговаривать съ нижнимъ чиномъ, послужившимъ вѣрою и правдою **Его Величеству** и **Родинѣ** и облобызать его. Только одного теперь было жаль, что не было въ это время тѣхъ 25 человѣкъ, которые дрались вмѣстѣ съ Димитріемъ Гавриловичемъ въ Ляоянскомъ бою, и тѣхъ 10—14 человѣкъ, которые прикрывали вмѣстѣ съ нимъ отступленіе отъ г. Каюяня и остались въ живыхъ. Несомнѣнно, они получили бы такія же награды, какъ и онъ.

Государь Императоръ изволилъ оцѣнить ихъ подвиги, въ лицѣ подпрапорщика **Шепеля**, и наградить ихъ своимъ **Высочайшимъ** лобзаніемъ превыше всѣхъ наградъ. Лично самъ Димитрій Гавриловичъ вполнѣ убѣжденно говоритъ, что онъ не заслужилъ такихъ **Высочайшихъ** наградъ, какъ троекратное лобызаніе **Государя Императора и Георгіевскій** крестъ 1-й степени. Въ его дѣлахъ, онъ говоритъ, нѣтъ ничего особеннаго: „разъ ему было приказано удержать позицію, онъ и долженъ былъ ее удерживать пока живъ. Въ прикрытіи отступленія тоже нѣтъ ничего особеннаго“.

На наше счастье, Димитрій Гавриловичъ остался живъ и **Самъ Государь Императоръ** оцѣнилъ его подвиги.

Не каждому данъ судьбою такой счастливый жребій, какъ ему, чтобы выйти героемъ изъ такихъ трудныхъ положеній, въ какихъ онъ находился на войнѣ, и пережить такіе **высокоторжественные, высокомилостивые** моменты въ жизни, какъ 12 августа 1911 г.

Рѣдкому счастью Димитрія Гавриловича всѣ искренно рады и радуются до сихъ поръ.

9-й Сибирскій стрѣлковый[1]), 1-й Лейбъ-Гренадерскій Екатеринославскій **Императора Александра II-го** и 36-й Пѣхотный Орловскій полки и въ особенности 5-я и 4-я роты перваго, 2-я второго и 10-я третьяго полковъ гордятся обласканнымъ **Государемъ Императоромъ** новымъ Георгіевскимъ кавалеромъ всѣхъ степеней.

Въ 5-й ротѣ 9-го полка Димитрій Гавриловичъ заслужилъ эти кресты, во 2-й ротѣ Екатеринославскаго полка онъ получилъ ихъ, **а въ 10 ротѣ Орловскаго полка** онъ, хотя и пробылъ одинъ мѣсяцъ, но получилъ свое первое воспитаніе и наставленіе какъ нужно служить на военной службѣ; въ 4-й ротѣ и въ учебной командѣ 9-го полка онъ ихъ закрѣпилъ, а въ 5-й ротѣ онъ проявилъ на дѣлѣ свое воспитаніе и образованіе. Замѣчательно то, что, когда ротный командиръ возбудилъ ходатайство о награжденіи подпрапорщика **Шепеля** Георгіевскими крестами, то почти всѣ ожидали полнаго отказа, такъ какъ прошло уже семь лѣтъ со дня совершенія имъ перваго подвига.

„Нужно было раньше хлопотать“, многіе говорили „а не теперь возбуждать подобныя дѣла“.

Но генералъ-адъютантъ **Даниловъ и Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ** разсудили иначе, и въ результатѣ **Государь Императоръ** не только лично наградилъ подпрапорщика **Шепеля**, но и **поцѣловалъ** его за подвиги и долгое скромное терпѣніе.

Поцѣлуй **Государя Императора** превыше всѣхъ наградъ и выше ужъ этой награды, награды нѣтъ.

Димитрій Гавриловичъ обласканъ и осчастливенъ **Государемъ Императоромъ.**

И каждый теперь можетъ знать, что за подвиги, подобные подпрапорщика **Шепеля**, будетъ каждый награжденъ **Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ**, лишь бы о нихъ было извѣстно **Государю Императору.**

Конечно, такихъ героевъ какъ подпрапорщикъ **Шепель**, въ нашей доблестной арміи было, есть и будетъ очень много, но намъ

---

[1]) Бывшій Восточно-Сибирскій.

2-я рота 1-го Лейбъ-Гренадерскаго Екатеринославскаго Императора Александра II-го полка.

Подпор. Матвѣевъ-Роговъ, подпрапорщ. Шепель, капитанъ Мирный, подпор. Истоминъ, подпор. Бендеръ.

12/

пріятно отмѣтить, что подвиги Димитрія Гавриловича вознаграждены **лично Государемъ Императоромъ.**

Еще разъ честь и хвала его родной семьѣ и тѣмъ ротамъ и полкамъ, которые сумѣли воспитать такого героя-молодца, свято и нелицемѣрно исполнившаго Святую присягу на Манчжурскихъ поляхъ [2]).

[2]) Интересенъ разсказъ Димитрія Гавриловича о его прощаніи со старушкой-матерью передъ отъѣздомъ въ Красное Село. Она, пожелавъ ему счастливаго пути, сказала: «служи, сыночку, хорошенько, можетъ быть еще чего нибудь заслужишь».—Димитрій Гавриловичъ отвѣтилъ: „ничего мнѣ, мамо, больше не получить; я все, что могъ получить, получилъ". Но мать вторично сказала: „служи и служи, а тамъ **воля Царская** будетъ". Предсказаніе матери сбылось.

Копія. *Приложеніе № 1.*

КОМАНДИРЪ
1-го Лейбъ-Гренадерскаго
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАГО
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II
полка.

Его Высокопревосходительству
Командиру Гвардейскаго Корпуса.

Августа 10 дня 1911 г.

№ 4374.

Лагерь при селѣ Тайцы.

ДОКЛАДЪ.

Въ ночь съ 1-го на 2-е августа, во время ночного маневра, Вы, Ваше Высокопревосходительство, приказали ввѣреннаго мнѣ полка капитану **Мирному** подать Вамъ памятную записку о подвигѣ бывшаго старшаго унтеръ-офицера 5-й роты 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, нынѣ подпрапорщика 2-й роты ввѣреннаго мнѣ полка, Димитрія **Шепеля**, съ цѣлью ходатайствовать передъ **Августѣйшимъ Главнокомандующимъ** о награжденіи его знакомъ отличія Военнаго Ордена 2-й степени.

Подвигъ подпрапорщика **Шепеля** состоялъ въ нижеслѣдующемъ:

17-го и 18-го августа 1904 года на передовой позиціи у деревни Цофантунь (у гор. Ляояна) за выбытіемъ всѣхъ офицеровъ изъ строя подпрапорщикъ **Шепель** по собственному почину принялъ командованіе надъ **5-й и 6-й** ротами; отбилъ рядъ ожесточенныхъ атакъ японцевъ и удержалъ участокъ позиціи 9-го Восточно-Сибирскаго полка въ теченіе **полутора сутокъ.** Во время одной изъ атакъ, когда силы японцевъ во много разъ превышали силы подпрапорщика **Шепеля** и убыль въ рядахъ 5-й и 6-й ротъ достигла значительныхъ размѣровъ, подпрапорщикъ **Шепель** послалъ стрѣлка **Накоренкова** къ Вашему Высокопревосходительству, какъ къ ближайшему генералу, руководившему боемъ на передовыхъ позиціяхъ, съ просьбой прислать подкрѣпленіе. Вы прислали къ нему одинъ батальонъ **18-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка,**, благодаря чему позиція была удержана въ нашихъ рукахъ.

18-го августа Вы съ частями ввѣренной Вамъ дивизіи смѣнили подпрапорщика **Шепеля** и лично благодарили его за командованіе двумя ротами и удержаніе позиціи до подхода Вашихъ силъ.

За это отличіе подпрапорщикъ **Шепель** былъ представленъ къ знаку отличія Военнаго Ордена 3-й степени, но знака этого онъ до февральскихъ боевъ не получилъ. Знакъ же отличія 4-й степени онъ уже имѣлъ за подвигъ, оказанный имъ въ бою 13-го августа.

За отличіе же въ бояхъ подъ Бенсиху 18-го февраля подпрапорщикъ **Шепель** вновь былъ представленъ къ знаку отличія Военнаго Ордена 3-й степени и на этотъ разъ его получилъ.

Такимъ образомъ, подпрапорщикъ **Шепель** за отличіе, оказанное имъ въ бою 17 и 18 августа, остался безъ награды.

За бой 8, 9 и 10 апрѣля 1905 года подъ городомъ Каюянемъ подпрапорщикъ **Шепель** вновь былъ представленъ командиромъ 2-го батальона 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка подполковникомъ **Тучапскимъ** къ знаку отличія Военнаго Ордена 2-й степени за слѣдующій подвигъ: при отступленіи со взятой нами непріятельской позиціи, въ ночь съ 10 на 11 апрѣля подпрапорщикъ **Шепель** вызвался охотникомъ прикрыть наше отступленіе, остался за старшаго на непріятельской позиціи и вмѣстѣ съ другими охотниками, удачно разстрѣливая патроны по наступающимъ японскимъ цѣпямъ, заставилъ ихъ пріостановиться, а нашимъ войскамъ далъ возможность отойти отъ города, внѣ огня противника. Но и за это отличіе подпрапорщикъ **Шепель** знака отличія Военнаго Ордена не получилъ, тогда какъ фельдфебель 8-й роты того же полка (9-го Вост.-Сиб. стрѣлк.), **Милевичъ**, за тотъ же подвигъ получилъ его въ 1908 году.

Такимъ образомъ, подпрапорщикъ **Шепель** остался безъ знака отличія Военнаго Ордена 2-й степени, заслуживъ его **два раза**—17 и 18 августа 1904 года и въ ночь на 11 апрѣля 1905 года.

Въ настоящее время, когда Вы, Ваше Высокопревосходительство, несмотря на пропущенные сроки для ходатайствъ о награжденіи знаками отличія Военнаго Ордена, изволили выразить желаніе ходатайствовать передъ **Августѣйшимъ Главнокомандующимъ** о награжденіи подпрапорщика **Шепеля** знакомъ отличія Военнаго Ордена 2-й степени за

совершенный имъ подвигъ 17 и 18 августа 1904 года, прошу Васъ, Ваше Высокопревосходительство, ходатайствовать передъ **Августѣйшимъ Главнокомандующимъ** о награжденіи подпрапорщика **Шепеля** и знакомъ отличія Военнаго Ордена 1-й степени за подвигъ, совершенный имъ въ ночь съ 10 на 11 апрѣля 1905 года. Подпрапорщикъ **Шепель** Вамъ, Ваше Высокопревосходительство, лично извѣстенъ по войнѣ, въ мирное же время служба его во ввѣренномъ мнѣ полку выше всякой похвалы.

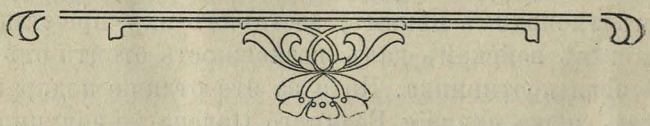
Подлинный подписалъ:

Полковникъ *Чаплыгинъ.*

Вѣрно: Командующій 2-й ротой,

Причисленный къ Генеральному Штабу

Капитанъ *Мирный.*



Копія. *Приложеніе № 2.*

12-го августа 1911 года № 224.

ПРИКАЗЪ

по 1 Лейбъ-Гренадерскому Екатеринославскому **Императора Александра II** полку. Лагерь при селѣ Тайцы.

§ 7.

Сегодня, въ счастливѣйшій день пріѣзда **Государя Императора** во ввѣренный мнѣ полкъ, **Его Императорскому Величеству** было угодно пожаловать подпрапорщику 2-й роты Димитрію **Шепелю** знаки отличія военнаго ордена 2-й и 1-й степеней и **собственноручно** навѣсить ихъ на боевую грудь подпрапорщика **Шепеля**, поцѣловать его и сказать слѣдующія высокомилостивѣйшія слова: **„ты заслужилъ эти награды; носи ихъ и служи примѣромъ молодымъ гренадерамъ. А вы, гренадеры, служите по примѣру вашего доблестнаго фельдфебеля“.**

Подпрапорщикъ **Шепель** награжденъ знаками отличія военнаго ордена за слѣдующіе боевые подвиги: знакомъ отличія военнаго ордена 2-й степени: 7 лѣтъ тому назадъ, 17 и 18 августа 1904 года подпрапорщикъ **Шепель**, тогда старшій унтеръ-офицеръ 5-й роты 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, въ жестокомъ Ляоянскомъ бою, у деревни Цофантунь, за выбытіемъ изъ строя всѣхъ офицеровъ, по собственному почину командовалъ двумя ротами, отбилъ рядъ ожесточенныхъ японскихъ атакъ на участокъ позиціи 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и удержалъ его до подхода силъ 6-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-маіора **Данилова**, нынѣ генералъ-адъютанта, Командира гвардейскаго корпуса.

Знакомъ же отличія военнаго ордена 1-й степени—за то, что въ ночь съ 10 на 11 апрѣля 1905 года при отступленіи полка со взятой нами непріятельской позиціи у гор. Каюяня, подпрапорщикъ **Шепель** вызвался охотникомъ прикрыть отступленіе полка съ непріятельской позиціи. Оставшись на позиціи за старшаго, онъ вмѣстѣ съ другими охотниками, удачно разстрѣливая патроны по наступающимъ японскимъ цѣпямъ, заста-

вилъ ихъ пріостановиться, а нашимъ войскамъ далъ возможность спокойно отойти отъ города, внѣ выстрѣловъ японцевъ.

Объявляя о новой высокой **Монаршей милости**, поздравляю полкъ съ новымъ Георгіевскимъ кавалеромъ. Пусть каждый изъ насъ помнитъ высокомилостивыя слова обожаемаго **нашего Державнаго Шефа**, выполняетъ ихъ на дѣлѣ въ мирное и военное время и всегда помнитъ, что **молитва за Богомъ, а служба за Государемъ Императоромъ** никогда не пропадаютъ, какъ не пропали онѣ для подпрапорщика **Шепеля**.

Командиръ полка полковникъ *Чаплыгинъ*.

Полковой адъютантъ

штабсъ-капитанъ *Гололобовъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.
Предисловіе отъ составителя . . . . . I.
Происхожденіе подпрапорщика Шепеля . . . . . 1.
Походъ противъ хунхузовъ . . . . . 5.
Служба въ мирное время. . . . . 6.
Начало войны съ Японіей . . . . . 8.
Тюренченскій бой . . . . . 10.
Стоянка въ горахъ . . . . . 12.
Бой на Уфангуанскомъ перевалѣ . . . . . 16.
Смерть графа Келлера . . . . . 20.
Бой подъ Ляндясянемъ 13-го августа. . . . . 21.
14-ое августа. . . . . 24.
15-ое августа. . . . . 25.
17-ое августа. . . . . 28.
Ночныя атаки. . . . . 40.
Отступленіе 18-го августа . . . . . 42.
Реляція генерала Данилова . . . . . 44.
Письмо капитана Борейши. . . . . 46.
Отступленіе отъ Ляояна . . . . . 48.
Бой подъ Бенсиху . . . . . 53.
Зимняя стоянка . . . . . 59.
Мукденскіе бои . . . . . 62.
Бой на Гаотаулинскомъ перевалѣ. . . . . 62.
Бой на Ключевой сопкѣ . . . . . 65.
Выручка частей Черноярскаго полка. . . . . 70.
Бой у деревни Тюнпинтай. . . . . 71.
Усиленная рекогносцировка у г. Каюяня . . . . . 73.
Назначеніе новаго Главнокомандующаго Генералъ-адъютанта Линевича. . . . . 81.
Сверхсрочная служба . . . . . 83.
Заключеніе отъ составителя . . . . . 85.
Картина награжденія . . . . . 88.

Приложенія.

1) Докладъ Командиру Гвардейскаго корпуса . . . . . 94.
2) Копія съ приказа по 1-му Лейбъ-Гренадерскому Екатеринославскому Императора Александра II-го полку отъ 12-го августа 1911 года . . . . . 97.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

1) Портретъ Государя Императора;
2) Портретъ Наслѣдника Цесаревича;
3) Группа 5-ой роты 9-го Восточно-Сибирскаго полка;
4) Группа ея начальствующихъ лицъ;
5) Портретъ Штабсъ-Капитана Борейши;
6) Портретъ подпрапорщика Шепеля;
7) Картина стрѣльбы;
8) Картина просьбы помощи стрѣлкомъ у генерала Данилова;
9, 10, 11) Портреты награжденія Государемъ Императоромъ подпрапорщика Шепеля;
12) Группа 2-ой роты 1-го Лейбъ-Гренад. Екатеринославскаго Императора Александра II-го полка.

Цѣна 1 рубль.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа
Остоженка, д. военнаго вѣдомства.
1912.

1a

2020046435